

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

180

**ПРОБЛЕМЫ
ЗАРУБЕЖНОЙ АРХЕОЛОГИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

180

ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Ответственный редактор
И. Т. КРУГЛИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь), **Н. Н. ГУРИНА**,
А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, **В. В. КРОПОТКИН**,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, **В. Ё. МАССОН**, **Н. Я. МЕРПЕРТ**,
Р. М. МУНЧАЕВ, **В. В. СЕДОВ** (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий выпуск КСИА посвящен тем проблемам зарубежной археологии, которые разрабатываются сейчас сотрудниками Института археологии АН СССР — головного археологического учреждения страны. В структурном плане этот том состоит из двух частей, отражающих основные направления в зарубежной тематике, отчетливо проявившие себя в стенах нашего института.

Первая часть выпуска содержит отчеты наших зарубежных археологических экспедиций. Это и подведение каких-то общих итогов многолетних полевых исследований советских археологов за пределами СССР, и одновременно постановка новых, более широких задач на будущее. В данном разделе читатель найдет статьи Н. Я. Мерперта о работах Советско-Болгарской экспедиции по изучению раннебронзового поселения Эзеро (НРБ), С. А. Плетневой о раскопках Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в Плиске (НРБ) и на Маяцком городище салтовской культуры (СССР), В. С. Титова о работах Венгеро-Советской экспедиции на памятниках неолита и энеолита, римского времени и средневековья в ВНР, В. Ф. Старкова о начавшихся в 1978 г. исследованиях советских археологов на архипелаге Шпицберген (Норвегия), где успешно ведутся поиски следов пребывания русских поморов. Наконец, особого внимания заслуживают итоговые сообщения о работах двух наших старейших (с 1969 г.) зарубежных экспедиций — Советско-Афганской (И. Т. Кругликова) и Иракской (Р. М. Мунчаев), благодаря которым советские ученые впервые вышли на широкую международную арену и вплотную приступили к решению важнейших проблем мировой археологии.

Как показал накопленный опыт, зарубежные экспедиции советских археологов являются наиболее эффективной и полезной формой научных связей Института археологии АН СССР с научными учреждениями и специалистами других стран. Эту деятельность следует и в дальнейшем всячески развивать и расширять, исходя, конечно, из наших реальных возможностей.

Следует отметить, что, за редким исключением (Иракская экспедиция), все названные экспедиции ведут свои исследования на сопредельных с СССР территориях и разрабатывают проблематику, которая непосредственно связана с проблематикой соответствующих секторов нашего института. Для ведения подобных полевых работ не требуется специальной и длительной подготовки, поскольку каждый квалифицированный научный сотрудник в рамках своей непосредственной специализации способен быстро разобраться в специфике соответствующего археологического материала с сопредельной территории (угро-финская проблема в СССР и Финляндии, аланы в ВНР и СССР и т. д.).

Другое дело — решение крупных теоретических и практических проблем мировой археологии по материалам важнейших центров древних культур, зачастую территориально весьма удаленных от Советского Союза. Здесь нужна, безусловно, специальная подготовка — знание языка, особенностей природных и бытовых условий страны, глубокое изучение археологических материалов (по музейным коллекциям и публикациям). Хороший опыт в такого рода подготовке получен институтом при организации аспирантуры по зарубежной археологии в 60-х годах. Окончившие ее специалисты успешно работают в ряде зарубежных экспедиций.

Основную роль в разработке таких важнейших проблем мировой археологии, как становление и развитие производящих форм хозяйства («неолитическая революция») и происхождение классового общества и государства, призвана сыграть межсекторальная Группа зарубежной археологии, созданная в институте в 1965 г. и объединяющая ведущих специалистов по зарубежной тематике.

Вторая часть этого выпуска КСИА посвящена итогам рабочего совещания по проблемам «неолитической революции», проведенного группой зарубежной археологии в 1980 г. Статья Е. Н. Симоновой хотя и не подпадает непосредственно ни под один из названных разделов, тем не менее вполне органично вписывается в тематику выпуска; в статье сопоставляются комплексы аварских могильников с территории Венгрии (раскопки автора статьи) и СССР.

В. И. Гуляев

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ИА
АН СССР

Н. Я. МЕРПЕРТ

БОЛГАРО-СОВЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ЭНЕОЛИТА
И БРОНЗОВОГО ВЕКА

Совместная Болгаро-Советская экспедиция по изучению памятников энеолита и бронзового века была организована в 1961 г. Институтом археологии АН СССР и Археологическим институтом БАН. Тогда же она начала разведки и широкие раскопки в Южной Болгарии, продолжавшиеся вплоть до 1971 г. Три последующих сезона экспедиция занималась анализом полученных материалов и подготовкой коллективной монографии¹. Руководили экспедицией с болгарской стороны проф. Г. Ил. Георгиев, с советской — автор настоящей статьи. В 1970 г. в составе экспедиции был создан специальный отряд по изучению горного дела и металлургии древней Болгарии, работавший до 1975 г. Руководил отрядом Е. Н. Черных, который обобщил результаты этого направления исследований экспедиции в специальной монографии².

Основными объектами разведок и раскопок экспедиции явились первобытные многослойные поселения Фракийской долины. Поселения эти, содержащие мощные последовательные слои неолита, энеолита и бронзового века, относятся к числу важнейших памятников не только Балканского полуострова, но и всего нашего континента, эталонных при разработке схем относительной хронологии древнейшей истории Европы. Они давно привлекают особое внимание археологов. О перспективности их исследований писали В. А. Городцов, В. Г. Чайлд, В. Милойчич, С. Пингготт и многие другие³. Раскопки их начались еще в конце XIX в. К началу работ Болгаро-Советской экспедиции в активе болгарской археологии были уже материалы таких замечательных памятников, как Куджадермен и Марица, Капитан Димитриево и Яса-тепе, Быково и Русе Кирилло-Мефодиево и Веселиново, Михалич и Юнатице, наконец, знаменитое Караново. Ряд связанных с ними проблем явился предметом оживленной дискуссии. Прежде всего, это касается проблем стратиграфической колонки фракийских холмов — теллей, абсолютной хронологии конкретных слоев и характера переходов между ними. Первоначально вся колонка болгарских теллей, начиная с характерных неолитических слоев, сопоставлялась со стратиграфической системой (и соответственно с относительной и абсолютной хронологией) Трои. В конце 50-х годов вопрос этот был пересмотрен Г. Ил. Георгиевым⁴. Последний убедительно доказал, что неолитические и энеолитические слои уходят здесь в гораздо большую древность и полностью относятся к дотроянскому времени, а с наиболее ранними «городами» Трои сопоставимы лишь слои раннего бронзового века. Вместе с тем эти слои приобрели особенно большое значение: с ними связывались коренные вопросы и собственного развития балканского населения, и контактов его с Анатолией, Центральной Европой и восточноевропейскими степями и, наконец, общая проблема резких этнокультурных изменений, охвативших на грани энеолита и бронзового века

обширные территории Подунавья, Балкан, Северного Причерноморья и Передней Азии и археологически с наибольшей четкостью представленных на рассматриваемых многослойных поселениях. Изменения эти отражали значительную перегруппировку этнических групп и их консолидацию, явившиеся весьма существенным рубежом в процессе формирования конкретных общностей внутри индоевропейской языковой семьи. Разработка последней проблемы в равной мере важна как для болгарской, так и для советской науки и должна вестись совместно, с постоянным учетом и сравнительным анализом материалов как Балкано-Дунайского района, так и Европейской части СССР.

Между тем именно слои раннего бронзового века фракийских телей до начала работ Болгаро-Советской экспедиции были исследованы значительно слабее прочих, а материалы их по своим количественным показателям, многообразию, яркости и, главное, по степени документированности резко уступали блестящим материалам неолитических и энеолитических поселений. Это объяснялось как отсутствием целенаправленных раскопок указанных слоев, так и особенностями залегания последних: составляя в большинстве случаев верхнюю часть телей, они подвергались наибольшему разрушениям в последующие исторические периоды, прежде всего в античное и средневековое время. Поэтому, несмотря на открытия ряда весьма интересных памятников⁵, ни внутренней периодизации раннего бронзового века Фракии, ни классификации основных категорий его материалов, ни тем более исторической их интерпретации в научной литературе не было.

В силу вышеизложенного проблема раннего бронзового века Фракии заняла особое место в работах Болгаро-Советской экспедиции. Предпринятыми ею разведками слои этого периода были зафиксированы на нескольких десятках поселений: лишь между Старой Загорой и Бургасом их отмечено свыше 20, причем в двух случаях можно предполагать наличие телей со слоями только бронзового века (Карапелитская могила, Чехларская могила)⁶. Широким же раскопкам в течение 10 полевых сезонов подверглось многослойное поселение близ с. Эзеро у г. Нова Загора, где еще предшествующими работами болгарских археологов было доказано наличие значительного слоя бронзового века, перекрывающего более ранние слои.

Эзеро относится к числу телей средних размеров: диаметр его основания около 200 м, общая мощность культурного слоя свыше 10 м, из них около 4 м составляет слой раннего бронзового века.

Исследование поселения было подчинено решению двух задач. Первой являлось вскрытие на максимально широкой площади слоя раннего бронзового века, выделение внутри него строительных горизонтов, соответствующих последовательно сменявшимся конкретным поселкам, и определение специфики последних по всем возможным показателям. Второй задачей были стратификация культурного слоя в целом, определение всех составлявших его слоев конкретных эпох и создание общей периодизации многослойного поселения, а также выяснение топографии слоев каждой эпохи, позволяющее наметить основные моменты истории памятника.

Для решения этих задач в центральной, юго-западной и северо-восточной частях теля были заложены три раскопа общей площадью свыше 3300 кв. м. Вскрытие наибольшего, центрального раскопа (2800 кв. м.) было ограничено слоем раннего бронзового века и доведено до глубины 4 м. Два других раскопа носили стратиграфический характер и были доведены до глубины 9,50 м (дальнейшему углублению препятствовали подпочвенные воды). Стратиграфические показатели трех раскопов были неоднозначны. На центральном раскопе внутри слоя раннего бронзового века выделены 13 строительных горизонтов, которые по всей площади подстилались энеолитическим слоем. Активная и длительная застройка засвидетельствована и слоем раннего бронзового века на юго-западном раскопе (девять строительных горизонтов), где этот слой также подстился

энеолитом. Внутри последнего на этом раскопе выделено семь строительных горизонтов, принадлежащих к культурам Караново VI и Караново V. Небольшой переходный слой культуры Караново IV (один строительный горизонт) отделяет их от позднеэнеолитического слоя культуры Караново III, в котором также отмечено семь строительных горизонтов. Судя по отдельным находкам, ниже, глубоко под водой, располагались слои среднеэнеолитических культур Караново II и Караново I. В северо-восточном стратиграфическом раскопе картина была иной. Слой раннего бронзового века был представлен здесь лишь шестью верхними горизонтами. Нижних же горизонтов не было, как не было совсем ни энеолитического, ни переходного слоя. Неолитический же слой имелся: лишь прослойка с перемешанным и перемешанным материалом, знаменующим период запустения, отделяет его от слоя раннего бронзового века. И в нем, как и на юго-западе, выделено семь горизонтов, но верхние из них почти полностью лишены строительных остатков.

Сопоставление стратиграфических данных трех раскопов позволяет отметить следующие моменты топографии поселения. В позднем неолите непрерывное существование поселков продолжалось здесь достаточно долго. Первоначально они охватывали всю площадь основания холма, но к концу периода сократились в размерах и ограничили верхнюю его площадкой. Те же сокращенные размеры сохраняли все энеолитические поселки, а также поселки семи нижних горизонтов слоя раннего бронзового века. Однако в период шестого горизонта поселок вновь расширился и достиг размеров нижних неолитических поселков. Поэтому на северных участках, пустовавших в энеолитический период, слой раннего бронзового века оказался отделенным от неолитического слоя лишь небольшой аморфной прослойкой.

Материалы раскопок Эзеро ныне полностью изданы, что позволяет мне ограничиться здесь лишь констатацией основных, принципиально важных их результатов. Раскопки эти явились наиболее масштабным исследованием поселения раннего бронзового века не только в Болгарии, но и на Балканах в целом. Они позволили судить об общем характере поселка, его эволюции, внутренней структуре, месте среди прочих поселений густо заселенной сельскохозяйственной территории. С самого начала указанного периода поселение было окружено оборонительной стеной с каменным основанием. В период же пятого горизонта, после расширения поселка, было сооружено второе, внешнее кольцо стен. Расположенные по странам света ворота были оформлены в виде узких каменных коридоров. Дома располагались компактными правильными группами, в каждой из которых соблюдалась единая ориентировка. Все горизонты отмечены специфической планировкой, но некоторые элементы последней являются общими для ряда горизонтов. Центр поселка оставался свободным от застройки, так же как и два крестообразных прохода, ведущие от центральной площади к воротам. По сторонам проходов стояли дома, а также группировались многочисленные хозяйственные постройки, прежде всего зернохранилища и хлебные печи, число которых заметно превышает потребности самого населения поселка, насчитывавшего не более 200—250 человек. Очевидно, превратившись в сильно укрепленный центр как сельскохозяйственного, так и ремесленного производства (здесь зафиксированы яркие свидетельства металлообработки, камнеобрабатывающего, керамического, костерезного и других ремесел), Эзеро в случае военной опасности превращалось в убежище для населения ряда связанных с ним малых и неукрепленных поселков. На это население и рассчитана отмеченная на Эзеро концентрация ремесел и продовольственных запасов. И весьма характерно, что вокруг этого центра открыт ряд совсем небольших поселков, вплоть до «хуторов» с одним-двумя домами, зависевших от Эзеро и тяготевших к нему. Исследования экспедиции позволили утверждать, что Эзеро занимало определенное место в наметившейся уже иерархии поселений раннего бронзового века Фракийской долины. Последние составляют ряд групп, каждая из которых окружает наибольшее в дан-

ной группе укрепленное поселение. Центры подобных групп расположены с определенной регулярностью. Так, в к западу от Эзеро расположено огромное поселение у с. Дядово, на таком же расстоянии к востоку — Чуктатарская могила, к юго-юго-востоку — поселение у с. Сокол, к северо-востоку — Кортен и т. д. Дальнейшее исследование подобных групп, несомненно, представит значительный интерес для разработки общих вопросов как экономической структуры района в целом, так и социальной структуры его населения.

Изучение огромных серий находок из слоя раннего бронзового века Эзеро было сопряжено с применением ряда специальных аналитических методов. Петрографический анализ каменных изделий позволил установить местные источники их материалов: для кремня — Родопский массив, для издерженных пород камня и песчаников — их выходы как к северу от Эзеро (Средняя Гора), так и к югу от него (Святыилийские высоты). Спектральный анализ металлических изделий продемонстрировал безусловное прогрессивное развитие металлообработки на различных фазах раннего бронзового века. В нижних горизонтах представлены простые изделия (шилья) из металлургически «чистой» меди или низколегированных мышьяковых бронз (VII химическая группа); в средних и верхних горизонтах состав изделий заметно расширяется (ножи, тесла, топоры), примесь же мышьяка в бронзе заметно выше (VIII химическая группа). Вопрос об источниках металла пока спорен: возможны как разработки близлежащей так называемой нижнефракийской группы медных залежей, так и использование металла, ввезенного с севера, из Карпатского горно-металлургического центра. Во всяком случае, очаг металлообработки, включавший Эзеро, входил в систему циркумпонтийской металлургической провинции.

Массовый керамический материал подвергся типологической классификации (с учетом как основных показателей форм и орнаментации, так и их деталей и внутреннего соотношения) и статистической обработке. Это позволило установить достаточно резкие смены в керамическом производстве в период VIII—VII горизонтов и установить два основных периода в существовании поселка — Эзеро А (XIII—IX горизонты) и Эзеро В (VI—II горизонты) с переходным периодом, отраженным VIII—VII горизонтами.

Остеологический анализ материала костяных и роговых орудий показал великолепное знание древними мастерами специфики определенных костей различных животных и даже конкретных участков этих костей, которые и избирались специально для производства различных категорий и типов орудий.

Специальный анализ палеоботанического материала позволил не только определить состав растений, культивировавшихся населением поселка (шестирядный голозерный ячмень, эммер, вика, горох, бобы, виноград), но и связать отдельные скопления зерна с определенными операциями, которым подвергались зерновые (подготовка к посеву, обмолот, провеивание и т. д.). Исчерпывающему исследованию подвергнут и огромный костный материал, документировавший придомный характер скотоводства с некоторым нарастанием процента овец в стаде по сравнению с энеолитическим периодом.

Особое внимание было уделено периодизации и хронологии материалов поселения. При этом были пересмотрены предварительные заключения автора настоящей статьи, сделанные еще до завершения раскопок и сводившиеся к сопоставлению слоя Эзеро с Троей I (нижние горизонты), II (средние горизонты) при возможности синхронизации финальных горизонтов с последующими двумя «городами» Трои⁷. Детальное сопоставление всех категорий находок и общий сравнительный анализ стратиграфических колонок Эзеро и эгейско-аналогийских теллей позволяют синхронизировать этап «А» в Западной Анатолии с ранним бронзовым веком 1 (т. е. дотроянским периодом), а в Подунавье — с раннебаденской культурой, культурами Чернавода I—II, Фолгешти и Коцофени. Переход-

ные горизонты и первая фаза этапа «В» сопоставляются с началом Трои I, «синим» Полиохни и синхронными им теллями (т. е. с западно-анатолийским ранним бронзовым веком 2), в Подунавье — с культурами Чернавода III, Челей и др., в Восточной Сербии — Бубани Хум II, в Северной Югославии — со средними горизонтами слоев раннего бронзового века типа Критсаны и т. п. Вторая фаза этапа «В» синхронизируется в основном с поздними периодами Трои I, «зеленым» Полиохни, Терми IV—V, лишь в конце ее появляются характерные элементы Трои II. Отдельные более поздние находки относятся к разрушенным участкам и не стратифицированы.

Абсолютная хронология слоя раннего бронзового века Эзеро опирается на четкую систему синхронизации с ранним бронзовым веком Анатолии, а последнего — с Киликией и далее с Месопотамией и Египтом. Эта система полностью согласуется с большой серией радиоуглеродных дат (свыше 20). Слой охватывает фактически все III тысячелетие до н. э.

Исследования указанного слоя в сочетании с материалами других фракийских теллей позволяют выделить культуру Эзеро. Основную роль в ее формировании сыграли центральные и восточноевропейские импульсы, значительная культурная и этническая перегруппировка на грани энеолита и раннего бронзового века, появление на Балканах новых этнических групп и взаимодействие их с потомками местного энеолитического населения. Вместе с тем начиная с раннего бронзового века, и прежде всего с культуры Эзеро, прослеживается определенная преемственность этнокультурного развития на территории Болгарии вплоть до начала раннего железного века и формирования фракийского этноса. Раскопки Эзеро дали одну из основных групп материалов, позволяющих осветить наиболее ранние ступени этого важнейшего процесса.

Второе направление работ Болгаро-Советской экспедиции — исследование древнейшей металлургии и металлообработки на территории Болгарии. Проблема эта имеет особое значение, поскольку в Балкано-Карпатской горно-металлургической области локализовались наиболее ранние металлургические очаги Европейского континента, возникновение и функционирование которых оказали решающее воздействие на весь ход исторического развития огромных областей — от Атлантического побережья до Северного Причерноморья и Поволжья. Ранее Болгария фактически выдала из разработки указанной проблемы. В результате проведенных Е. Н. Черных целенаправленных исследований она превратилась в наиболее изученную часть Балкано-Карпатской области, в ключевой, эталонный район ее, дающий наиболее полную и четкую информацию для всей дальнейшей работы над проблемой древнеевропейской металлургии в целом.

В ходе работ экспедиции по указанному направлению были произведены типологическая классификация и химический анализ всех известных на территории Болгарии медных и бронзовых изделий, начиная с момента их появления и вплоть до начала I тысячелетия до н. э. В результате Е. Н. Черных установил, что в истории древнейшей металлургии на территории Болгарии могут быть намечены четыре этапа: *энеолитический, раннебронзовый, среднебронзовый и позднебронзовый*. Первый датируется IV тысячелетием до н. э. и ознаменован массовым появлением медных изделий, в том числе крупных рубящих орудий (отдельные мелкие изделия появились еще в финальных слоях неолита — в конце V тысячелетия до н. э.). Изделия выполнены с помощью какковки, так и литья, в подавляющем большинстве своем из чистой меди, хотя единичные находки позволяют предполагать наличие уже на этом этапе первых опытов искусственных сплавов меди с оловом. Металлургические очаги болгарской территории входили на этом этапе в металлургическую провинцию, охватившую, помимо Балкано-Карпатского бассейна, смежные с ним области Северо-Западного Причерноморья.

На втором, раннебронзовом этапе, начало которому было положено в конце IV — начале III тысячелетия до н. э., в развитии металлургии рассматриваемого района произошел ряд заметных изменений, отмечен-

ных и в прочих отраслях материальной культуры периода и обусловленных значительным усилением центрально- и восточноевропейских элементов на Балканах. Прежде всего здесь должно быть отмечено регулярное использование мышьяковистой бронзы — искусственного сплава меди с мышьяком. Меняются и формы орудий — прежде всего, топоров, тесел, ножей. Для их отливки применяются теперь двусторонние литейные формы. Новые формы изделий, как и новые технические приемы, позволяют постулировать решающую роль восточных и северо-восточных воздействий в процессе оформления инноваций второго этапа. Болгарская территория превратилась теперь в один из основных очагов огромной циркумпонтийской металлургической провинции. Родственные металлургические и металлообрабатывающие очаги последней охватывали фактически все области, прилегающие к Черному морю. Ныне они достаточно полно исследованы на Кавказе, в степях Северного Причерноморья, в Балкано-Карпатском районе, начинают выявляться и в причерноморской Анатолии.

Третий, среднебронзовый этап (первая — третья четверти II тысячелетия до н. э.) сохраняет определенные черты преемственности со вторым. Но наряду с этим отмечен и ряд инноваций; регулярное распространение получают оловянистые бронзы, начинают применяться закрытые литейные формы и т. д. Начинается постепенное обособление балкано-карпатских очагов от степных и кавказских.

Новые резкие перемены в металлургическом производстве связаны с *четвертым*, позднебронзовым этапом, длившимся с конца третьей четверти II до начала I тысячелетия до н. э. Высококачественная оловянистая бронза становится абсолютно господствующей. Появляется ряд новых технических приемов, происходит полная смена форм металлических изделий, представленны ныне большими сериями серпиков-колыбов, серпов, наконечников копий, кинжалов, мечей. Начавшееся ранее обособление завершается формированием новой металлургической провинции с центром в Карпатском бассейне, резко отличной как от кавказских, так и от малоазийских металлургических очагов.

Особого внимания заслуживает второй цикл работ экспедиции по изучению древнейшей металлургии Болгарии. Его составили полевые исследования значительного числа медных и полиметаллических местонахождений в пределах страны, в ходе которых были открыты как древние рудники, так и целые районы горно-металлургического производства. Здесь прежде всего должен быть отмечен медный рудник IV тысячелетия до н. э., открытый в местности Ай Бунар близ Старой Загоры. Это один из древнейших медных рудников, известных не только в Европе, но и во всем Старом Свете. Сохранность его уникальная, поскольку эксплуатация его фактически ограничивалась энеолитическим периодом. На протяжении рудной зоны Ай Бунара, достигавшей в длину 1,5 км и расположенной на южных отрогах Средней Горы, открыто не менее 11 разработок в виде целевидных карьеров общей длиной до 400 м и глубиной до 20 м. Скорее всего, были здесь и шахты. Масштаб разработок поразителен и заставляет пересмотреть наши представления не только о древнейшем горном деле и металлургии, но и об экономике балканского энеолита в целом.

Раскопки ряда разработок в пределах рудной зоны Ай Бунара впервые дали достаточно полное представление об организации горного дела, его технике и продуктивности, об орудиях древнейших горняков Европы. Найдены и останки их самих: погребения умерших или погибших рудокопов совершались в самих карьерах. Здесь же располагались и временные стойбища горняков, от которых сохранились мощные золистые пятна кострищ и завалы обломков типичной энеолитической посуды.

Исследования материалов Ай Бунара решительно способствовали созданию целостной и всесторонней картины древнейшего горного дела и металлургии болгарских земель.

В целом многолетние полевые и лабораторные исследования Болгаро-Советской экспедиции по исследованию памятников энеолита и бронзо-

вого века заметно пополнили, а в отдельных случаях изменили представления о ряде ключевых вопросов исторического процесса на Балканах в IV—III тысячелетиях до н. э.

¹ Езеро. Раннобронзовата селище София, 1979.

² Черных Е. Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.

³ Child V. G. Anatolia and Thrace. Some Bronze Age Relations.— In: Anatolian Studies. London, 1956, vol. VI; Milojević V. Chronologie der Jüngerer Steinzeit Mittel- und Südosteuropas. Berlin, 1949; Piggott S. Ancient Europe. London, 1965.

⁴ Georgiev G. Il. Kulturgruppen der Jungstein und Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien).— L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Praha, 1961.

⁵ Миков В. Предисторическото селище до с. Михалич, Свиленградско.— РП,

София, 1948, т. I; Миков В. Селищна могила от бронзовата епоха до с. Веселиново.— ИАИ, София, 1939, т. XIII; Миков В. Селищната могила при Юнаците (Пазарджишко).— Годишник на Пловдивската Народна библиотека и музей, 1937—1939. София, 1940; и др.

⁶ Георгиев Г. И., Мерперт Н. Я. Раскопки многослойного поселения у села Езеро близ г. Нова Загора в 1963 г.— ИАИ, София, 1965, т. XXVIII, с. 157—159.

⁷ Мерперт Н. Я. К вопросу о связях Анатолии и Фракии в раннем бронзовом веке.— Zbornik Narodniho Muzea v Praze. Acta Muzei Nationalis Pragae, 1966, vol. XX, N 1/2, с. 109—115.

С. А. ПЛЕТНЕВА

РАБОТА СОВЕТСКО-БОЛГАРО-ВЕНГЕРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В СССР И БОЛГАРИИ (1975—1982 гг.)

В 1974 г. в Москве состоялся советско-венгерский симпозиум, посвященный проблемам истории и культуры восточноевропейских раннесредневековых кочевников. На заседаниях было высказано пожелание о более тесном научном сотрудничестве венгерских и советских медиевистов, которое могло бы осуществляться в совместных экспедициях, работающих на территории ВНР и СССР.

В 1975 г. АН ВНР обратилась в Президиум АН СССР с предложением об организации таких экспедиций. Вопрос был решен положительно, и дирекция ИА АН СССР предложила мне и В. С. Титову¹ заняться конкретной работой по осуществлению этого решения.

Прежде всего необходимо было на территории СССР выбрать ранне-средневековый степной памятник, наиболее подходящий для нашей совместной работы. Всего в степной и лесостепной зонах Восточной Европы к тому времени известно было уже более 300 памятников, относящихся к периоду раннего средневековья. Одним из самых известных, и притом слабо исследованных, было знаменитое Маяцкое городище, давшее наряду с Салтовским комплексом название всей раннесредневековой культуре населения южнорусских степей — салтово-маяцкая. Расположен этот памятник в зоне лесостепей, на самой северо-восточной окраине распространения салтово-маяцкой культуры, и нам представлялось вполне вероятным, что именно здесь можно будет обнаружить какие-то контакты «салтовцев»² с финно-угорским населением северо-восточных областей, что, естественно, особенно интересовало венгерских ученых.

Итак, с 1975 по 1982 г., в течение семи сезонов (в 1976 г. экспедиции не было), ведутся наши совместные исследования этого сложного комплексного памятника, состоящего из небольшого городища (крепости), окружающего его поселения и катакомбного могильника.

В 1976 г. в Болгарии, в г. Шумене, ИА БАН была проведена болгаро-советская конференция по вопросам, связанным с изучением прабол-

гар в СССР и БНР. Характерно, что, как и на советско-венгерской конференции, здесь также была поднята тема о желательности совместных экспедиционных работ в СССР и Болгарии. Было решено, что болгарские археологи примут участие в работах на Маяцком городище, а советские ученые — в работах самой крупной в Болгарии экспедиции, исследующей древние столицы Болгарии — Плиску и Преслав. В результате с 1977 по 1980 г. Советский отряд в составе С. А. Плетневой, Т. И. Макаровой, Г. Е. Афанасьева, И. Л. Кызласова, С. М. Йовкова работал в Плиске, а с 1978 г. болгарские археологи принимали участие в экспедиции на Маяцком городище. Группу венгерских археологов возглавлял в течение всех лет Иштван Эрдели, в разные годы в ней работали Ласло Ковач, Балаш Эрдели, Янош Сабо, Ласло Шугар, Янош Матолчи (палеозоолог), Миклош Фреш (палеоботаник). Болгарские археологи работали на Маяцком городище в меньшем количестве: за 1978—1981 гг. в экспедиции приняли участие Станчо Ваклинов, его ученик Рашо Рашев, архитекторы Ст. Бояджиев и Дафина Василева. Благодаря широкой известности этого классического памятника салтово-маяцкой культуры экспедиция объединила не только специалистов Академий наук СССР, ВНР и НРБ, но и археологов, исследующих древности синхронных или родственных с ней культур из разных городов и научных учреждений нашей страны. Это прежде всего доцент Воронежского государственного университета (ВГУ) А. З. Винников, под руководством которого проходит практику большая группа студентов Воронежского университета, доцент Калининского государственного университета (КГУ) Ф. Х. Арсланова с группой студентов, доцент Ворошиловградского пединститута К. И. Красильников, также со студентами Пединститута. Кроме того, в экспедиции постоянно работали В. С. Флеров (Москва), А. П. Покровская (Ленинград), один год проводил в ней практику студентов доцент Харьковского университета В. К. Михеев, приезжали в экспедицию М. Г. Магомедов и Г. Ф. Чеботаренко.

В итоге эта международная экспедиция приобрела характер специализированного полевого симпозиума, на котором постоянно обсуждались, ставились и решались самые разнообразные проблемы, касающиеся происхождения народов, создавших салтово-маяцкую культуру, вопросы хронологии древностей, методика раскопок того или иного объекта и его фиксация и т. п.

В результате семи полевых сезонов экспедицией были вскрыты довольно обширные площади на всех объектах этого комплексного памятника: на городище, селище, в гончарных мастерских и могильнике.

Маяцкое городище представляет собой развалины белокаменной крепости, господствующей благодаря расположению на краю высокого мыса над всеми окрестностями на обоих берегах Дона. От основного массива мыса она отрезана с северо-востока естественной преградой — глубоким оврагом. С двух других сторон вырыты рвы, превратившие окруженный ими участок берега как бы в остров. Ров на Маяцком городище сильно запылен и задернован, однако и сейчас глубина его достигает от современной поверхности 2—2,5 м, а ширина около 7 м. На образованной рвом почти квадратной в плане площадке размером 115×100 м по всему ее периметру возвышаются мощные валы, высотой над поверхностью поселения свыше 2 м. Вал — это обвалившиеся, расплывшиеся и задернованные остатки каменных стен, сложенных из тесаных блоков, битого камня и щебня, поэтому по всей длине вала — по гребню и у подошвы — попадаются выходы рваного камня и глины, смешанной со щебенкой. Въезд в крепость находился в середине юго-западной стены. Напротив его во рву оставлена неширокая перемычка. Поверхность внутри крепости ровная, задернованная. На ней хорошо видны следы разрушенных до основания стен цитадели, валики от которых возвышались над поверхностью на 0,3—0,5 м. Кроме этого, в крепости хорошо видны были многочисленные западины жилищ, по большей части уже раскопанных археологами в начале XX в. Городище до Октябрьской революции иссле-

Рис. 1. Стена Маяцкого городища (раскопки 1978 г.)

Рис. 2. Надпись на блоке с Маяцкого городища (раскопки 1978 г.)

довалось Н. Е. Макаренко, вскрывшим в нескольких местах стены крепости, часть воротного проема, часть цитадели и несколько западин, оказавшихся вырубленными в меловом грунте полуземлянками³.

В настоящее время в результате работ нашей экспедиции стена открыта широкой площадью в длину более 150 м, развалины цитадели, ворота, юго-западный и юго-восточный углы крепости раскопаны полностью. Кроме того, широкой траншеей прорезаны ров с юго-западной стороны и дополнительные оборонные конструкции вдоль стены, проведенные строениями с северо-восточной стороны крепости⁴.

Стены крепости выстроены из двух панцирей, сложенных из прекрасных белокаменных блоков, средние размеры которых 60×30 м (рис. 1). Пространство между блоками залито жидкой глиной, смешанной со щебнем (своеобразным бетоном). Креплениями этого бетона был деревянный каркас, сложенный из бревен диаметром 10—15 см. Общая толщина стены достигала 6—6,5 м. Только стена вдоль берегового обрыва была менее массивной — ширина ее не более 2,5 м. Высота стены не превышала, видимо, 6 м, т. е. была равна ее ширине. По верху шел широкий валганг, защищенный от внешнего обстрела парапетом, сложенным из камней-зубцов и камней с вырезами для «амбразур».

Цитадель также была сложена из белокаменных блоков, которые сохранились только в виде развалов. Она была пристроена изнутри к юго-восточной стене крепости. Вход в нее, шириной 1 м, находился в северо-западной стене. Внутри цитадели к крепостной стене были пристроены две каменные небольшие постройки, возможно лестницы, ведущие на валганг. На всей площади цитадели, равной 800 кв. м, находились два полуземляничных жилища, несколько юрт, погреб, какие-то каменные совершенно развалившиеся постройки и башня-донжон, раскопанная еще Н. Е. Макаренко и не сохранившаяся до нашего времени. Если в цитадели были хотя бы какие-то постройки, сосредоточенные на сравнительно небольшой площади, то на остальной территории крепости жилища в основном располагались около стен. Все это полуземлянки, вырытые в меловом материковом грунте.

Работы на воротах дали нам необычный материал: оказалось, что привратничья (или сторожка) была вырыта справа от прохода в толще стены — в ее глинисто-щебневом заполнении. Стены ее были облицованы деревом, предохраняющим осыпь, на полу был вырыт небольшой квадратный очажок. Исследован был также перешеек через ров. На его поверхности прослежены две колеи от колес — как бы «рельсы», в которые ставили колеса телег, чтобы они не съезжали в ров: перешеек был узким. Расстояние между «колеями» 1 м.

Широкой траншеей были исследованы укрепления вдоль наружной стороны северо-восточной стены крепости. На поверхности между этой стеной и оврагом отчетливо выделялся неглубокий и довольно узкий заплывший и заросший ровик. Раскопки показали, что это была канавка шириной 0,3 м и глубиной до 0,6—0,7 м, в которую в виде частокола были вставлены массивные бревна (тлен от них виден на краях канавки). С внутренней стороны частокола поверхность была круто эскарпирована.

Большой интерес представляют выбитые и процарапанные на поверхности блоков знаки мастеров, тамги, краткие рунические надписи (рис. 2) или отдельные буквы и рисунки. Уже сейчас, когда вскрыта большая площадь стен, ясно, что на разных участках стены знаки различные. Это, очевидно, означает, что на них работали разные мастера (каждый мастер имел свой знак). Исходя из данных о топографии знаков — граффити и рисунков, мы констатировали, что наиболее зачерченные участки стены были наиболее доступными или удобными для рисования: у ворот, вдоль юго-западной стены, у южного угла — там, где несли караул войны, которые чертили и рисовали на стене свои знаки-тамги, изображения лошадей, всадников, людей и других животных, которых они видели вокруг себя.

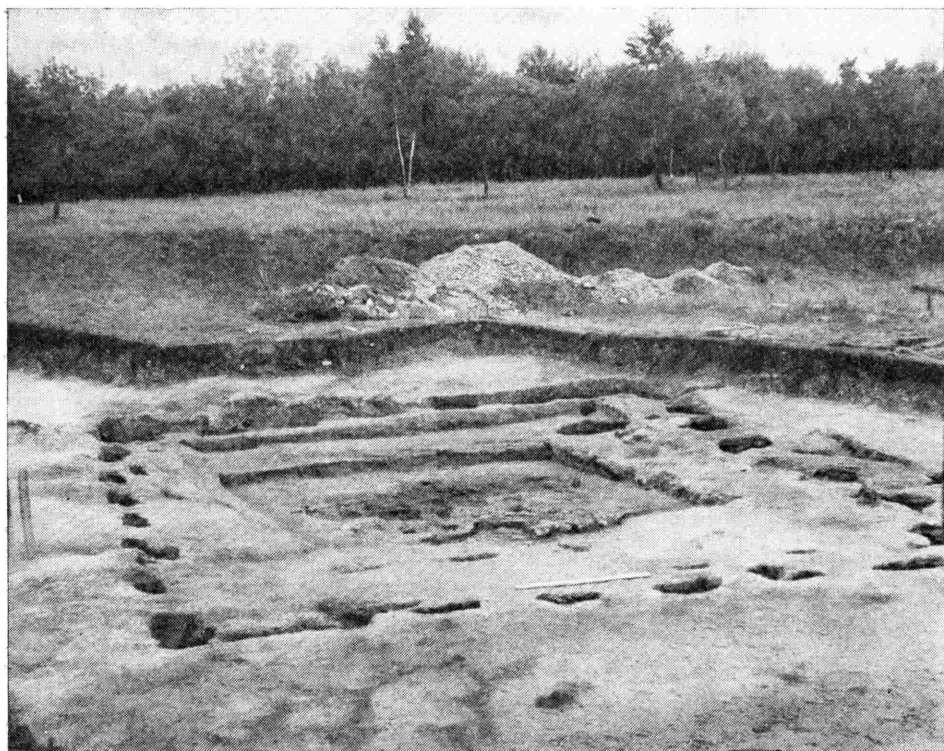

Рис. 3. Святилище на Маяцком поселении

Все плато мыса вокруг городища занято громадным селищем (длина его достигает 1,5 км). Западины от полуземлянок, которые хорошо прослеживаются на поверхности, позволяют говорить, что жилища на поселении располагались «гнездами» или дворами, разбросанными на всей территории совершенно беспорядочно. А. З. Винников, ведущий на поселении работы, почти полностью исследовал одно такое «гнездо» и начал раскопки еще трех подобных усадеб. Наиболее существенным результатом его исследований является установленный им факт расположения вокруг каждого гнезда, а также в заброшенных постройках захоронений катакомбного типа. Характерно, что, как правило, эти захоронения концентрировались вокруг усадебного, т. е. семейного, святилища. Обнаружены и исследованы уже два таких святилища, планировка которых в виде трех concentрических прямоугольников (рис. 3) аналогична планировке синхронного святилища, обнаруженного на Хумаринском городище на Северном Кавказе⁵, и святилища в Плиске, датирующегося также IX в.⁶

С северо-востока Маяцкий мыс отсечен от основного берега большим и глубоким разветвляющимся оврагом, по дну которого в древности протекал ручеек, а на его склонах прослеживаются многочисленные выходы глины. На одном из задернованных и сравнительно пологих участков западного склона расположена гончарная мастерская по выделке кухонных горшков и котлов, лощеной посуды, а главное — громадных лощеных и нелощеных пифосов, изготовлявшихся из тонко отмученной глины и обжигавшихся в больших двухъярусных печах. Мастерская, состоявшая из четырех отдельных полуземляночных помещений, в которых были установлены гончарные круги, одной сушилки и остатков четырех печей, была раскопана полностью. Поскольку она располагалась на склоне, ремесленники, оберегая себя от стекавших со склона вод, дважды прорывали поперек склона неглубокие канавки — дренажи, упиравшиеся концами в ответвления оврага. Эти интересные дренажные сооружения

впервые прослежены на салтовском поселении. На краю каждой канавки был насыпан невысокий валик, углубляющий ее и закрепляющий ее внутренний край.

Могильник занимал склоны древнего задернованного оврага, огибающего мыс с восточной стороны. Общая его площадь около 12 тыс. кв. м. Экспедицией вскрыта примерно десятая часть этой территории. Катакомбы располагались на ней неровными рядами. Всего исследовано более 100 могильных сооружений и более 30 тризн. Катакомбы имеют оригинальные особенности, отличающие их от других могильников: короткие, довольно мелкие дромосы, камеры, вырытые несимметрично по отношению к дромосам, обязательное разрушение скелетов, малое количество вещей при них. Эти черты сближают памятник с Чирюртовским катакомбным могильником⁷ в Дагестане, а разрушение скелетов и отсутствие вещей позволяют сопоставлять этот обряд с древнеболгарским.

Семилетние новые исследования Маяцкого комплекса дали материалы, значительно расширившие наши знания и представления не только о раскапываемом памятнике, но и о салтово-маяцкой культуре в целом. Маяцкий комплекс относится к финальному этапу существования этой культуры, т. е. ко второй половине IX — началу X в. Поселение не было разграблено и сожжено печенегами, как многие более южные села и города. Жители оставили его и ушли, забрав с собой все, что могли унести. Раскопки А. З. Винникова на Белогорских городище и могильнике — на смешанном славно-салтовском комплексе⁸ — позволяют говорить о том, что салтовцы бежали от печенегов в глубь лесов — в верховья Дона и его притоков.

В некоторой степени оправдались наши надежды и на выявление контактов жителей Маяцкого поселения с финно-угорским миром: в катакомбах на селище дважды найдены были шумящие коньковые подвески, датирующиеся концом IX в. и имеющие аналогии в мерянских и мордовских древностях⁹.

В настоящее время представляется несомненной связь Маяцкого комплекса с Дунайской Болгарией IX в. Многие архитектурные приемы, прослеженные там и здесь, абсолютно идентичны. Белокаменные стены, сложенные из правильно отесанных блоков, в виде двух панцирей и забутовки между ними почти неразличимы на первый взгляд. Разница заключается в менее высокой квалификации маяцких зодчих, поставивших стены без раствора, с тонкими панцирями и мощной, распирающей их забутовкой.

Зато необычайное сходство наблюдается между дунайскими и донскими рисунками-граффити, нанесенными на поверхность блоков. Интересно, что художники пользовались одними изобразительными приемами, несмотря на разделяющее их громадное расстояние. Не отличались и сюжеты изображений: всюду это были преимущественно кони и всадники. Интересно, что только на Дунае и на Маяцком городище попадались рисунки сапог или ног, имеющие, по-видимому, какое-то сакральное значение¹⁰.

Большое сходство обнаруживается и между руническим письмом Маяцкого городища и древних болгарских столиц, а также между там-гами, прочерченными и пробитыми на стенах жителями и строителями этих поселений. Именно эта близость культурных традиций и привела нас к необходимости организации работ в первой столице Болгарии — г. Плиске. Укрепления Плиски расположены концентрически. Первая линия — рвы и валы, огораживающие громадный прямоугольник (6,5×3,5 км). Вторая линия ограждает Внутренний город (500×500 м), третья — дворцовая ограда.

Основной целью, которую мы поставили перед началом работы в Плиске, было исследование культурного слоя Внутреннего города — наиболее заселенной части древней столицы. Необходимость изучения стратиграфии возникла в связи с исследованиями культурных напластований синхронных и этнокультурно близких Плиске городищ в СССР:

Рис. 4. Фундаменты стены, открытой Советским отрядом в Плиске

Фанагории VII—IX вв., Таматархи-Тмутаракани VII—XI вв., Саркела IX — начала XII в. Опираясь на результаты анализа культурных слоев этих городищ, нужно было сравнить их с Плиской, выявить интенсивность развития экономики и культуры, уловить какие-то закономерности этого развития и т. д.

С этой целью был заложен на территории Внутреннего города длинный раскоп — разрез культурного слоя. В 1977 г. мы планировали провести эту широкую траншею от южной стены до центрального дворцового комплекса, связав ею эти хорошо изученные и датированные объекты, однако в процессе работ планы изменились. Уже в первый год раскопок на расстоянии 41 м от южной стены были открыты параллельные ей фундаменты комплекса, ставшего затем основным объектом нашего изучения. Поскольку фундаменты под прямым углом пересекали первый раскоп, широкая траншея по исследованию их была заложена строго перпендикулярно первоначальному раскопу. Длина первого раскопа равнялась 105 м, фундаменты были прослежены на длину 75 м (рис. 4). Таким образом, за четыре сезона нами было вскрыто более 1000 кв. м сложнейшего культурного слоя, насыщенного разнообразными, иногда трудноуловимыми объектами. Тем не менее большая охваченная раскопками площадь позволила изучить не только культурный слой города и фундаменты, оказавшиеся остатками древнейшей стены Внутреннего города, но и планировку юго-восточного участка города, открыть ряд интересных жилых и общественных построек, проследить хронологически последовательные перепланировки, т. е. стратиграфию сооружений.

Подводя краткие итоги наших работ в Плиске, мы можем констатировать.

1. Культурные напластования Плиски делятся на три ~~слоя: древней-~~

ший гумусный предматериковый слой, светло-серый слой IX в., темно-серый верхний слой X—XI вв.

2. Точные подсчеты различных типов керамики и отдельных ее признаков (форм венчиков, орнаментов, цвета обжига) по глубинам позволяют проследить тенденции изменения керамического материала во времени. Это в будущем поможет создать четко датирующий керамический профиль города. Так, уже сейчас можно уверенно говорить о том, что неорнаментированные кухонные горшки красного обжига преобладают в верхнем слое, коричневые горшки с орнаментом по плечикам — в среднем слое и серо-черные горшки со сплошным орнаментом — в нижнем.

3. Судя по раскрытому участку, во Внутреннем городе не было характерной для городов уличной планировки. В Плиске была принята усадебная планировка «гнездами», располагающимися свободно вокруг дворцового комплекса. Именно такая планировка была характерна для степных полуседлых поселений средневековой Евразии (в частности, она прослежена на Маяцком поселении).

4. Находки печей, четко связанных между собой стратиграфически, позволили создать эволюционно-хронологический ряд печей — от полусферических подземных к печам-каменкам в ямах и далее к наземным печам-каменкам и глинобитным печам на деревянном каркасе.

5. Открытые нами фундаменты стены представляют собой две параллельные канавы, заполненные чередующимися слоями битого камня и земли. Над этими канавами были возведены, очевидно, белокаменные панцири стены. Заполнение между панцирями было глинисто-щебневое (как на Маяцкой крепости). Толщина стены 3,9 м. Стена была разобрана буквально до основания, т. е. до фундаментов и даже ниже их. Стратиграфически время ее постройки примерно середина VIII в., а разрушена она была в самом начале IX в. (очевидно, в 811 г. императором Никифором¹¹). Фундаменты перекрыты светло-серым слоем IX в. Строительные приемы сооружения фундаментов не имеют аналогий не только в болгарской, но и в мировой архитектуре. Мы полагаем, что сыпучесть двух рядов фундамента была своеобразным и оригинальным решением защиты крепости от подкопов. Такие подкопы, засыпанные камнем из траншеи фундамента, прослежены нами в двух местах.

6. Весьма важным представляется открытие в раскопах небольших дренажных канав, или арыков, синхронных древнейшей стене города. До сих пор на болгарских поселениях такие канавы обнаружены не были. Аналогии им известны, в частности, на Маяцком городище, о чем мы писали выше.

7. Стена перекрыта многочисленными постройками и сооружениями более позднего времени. Наиболее интересным комплексом является безусловно первая в Плиске церковка X в. и прилегающее к ней кладбище того же времени.

8. Последний период жизни города (XI в.) на изученном участке отличался активной застройкой, которая местами почти уничтожила более ранние культурные напластования. Новые сооружения носили производственный характер. Их большие размеры и плохая сохранность требует исследования широкой площадью.

Таковы наиболее существенные результаты работ нашего отряда во Внутреннем городе Плиски.

Как и на Маяцком городище, во время полевых работ отряда к нам постоянно приезжали археологи-мидиевисты. На стихийно возникавших конференциях дискутировались самые острые вопросы раннесредневековой истории Болгарии, истории и культуры праболгар и славян.

Опыт двух экспедиций (Маяцкой и Плискинской) показал, что совместные экспедиционные исследования — наиболее эффективная форма научного сотрудничества. Ее следует продолжить и в дальнейшем всемерно развивать. Причем не только между различными государствами, но и внутри страны это, несомненно, самый рациональный способ координации и интенсификации научных исследований.

- ¹ В. С. Титов возглавил Советский отряд, работающий на территории ВНР. Сообщение о его работе см. в этом же сборнике.
- ² Салтово-маяцкая этническая общность состояла из нескольких зафиксированных в письменных источниках этносов: алан, древних болгар, хазар и др.
- ³ Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг.— ИАК, СПб., 1911, 43.
- ⁴ Ежегодные краткие публикации см.: АО 1975 г., 1977 г., 1978 г., 1979 г., 1980 г., 1981 г., 1982 г., а также сборник «Маяцкое городище», являющийся публикацией работ на городище за первые три сезона (М., 1984).
- ⁵ Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 году.— В кн.: Археология и этнография Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1979, с. 32, 39, рис. 2, 8.
- ⁶ Ваكليнов Станчо. Формиране на старобългарската култура VI—XI век. София, 1977, с. 107—114.
- ⁷ Магомедов М. Г. Верхнечирюртовский курганный могильник.— В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 5—8.
- ⁸ Винников А. З. Белогорский курганный могильник конца I тыс. н. э. на р. Воронеже.— В кн.: Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979, с. 158 и сл.
- ⁹ Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979, табл. 13, 14, 20, 21.
- ¹⁰ Овѣаров Dimităr. Graffiti médiévaux de Pliska et de Preslav (Communication préalable).— В кн.: Culture et art en Bulgarie médiévale (VIIIe — XIVe s.). Sofia, 1979, с. 62, рис. 24.
- ¹¹ Златарски Васил II. История на Българската държава презредните векове. София, 1970, т. I, ч. 1, с. 329—333.

В. С. ТИТОВ

СОВМЕСТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКИХ И ВЕНГЕРСКИХ АРХЕОЛОГОВ В ВЕНГРИИ

Совместные советско-венгерские раскопки в Венгерской Народной Республике были начаты в 1975 г. по инициативе заведующего сектором Археологического института Венгерской АН И. Эрдели. Он же и возглавил эти раскопки с венгерской стороны. Для совместного изучения по инициативе венгерских коллег был избран ряд памятников в западной части страны, в Дунаутуле, а именно Байот, Чолнок, Кестхей-Фенекпуста. В восточной части Венгрии, в Альфёльде, был выбран еще один памятник — Херпай-халом, уже советскими археологами с согласия венгерской стороны (рис. 1).

В совместных советско-венгерских раскопках, кроме академических учреждений, принимает участие и ряд музеев: в 1976—1980 гг.— Музей Балатона (г. Кестхей) во главе с его директором К. Шаги, оказал нам очень большую помощь во время раскопок в Кестхее-Фенекпусте; в 1977—1981 гг. ряд музеев восточных областей страны помогал в раскопках телья Херпай, а именно Музей им. Дери (область Хайду-Бихар, г. Дебрецен), Музей им. Дамянича (область Солнок, г. Солнок), Музей Бихара (г. Береттуйфалу).

Совместные советско-венгерские раскопки в ВНР отличаются от обычных венгерских археологических экспедиций прежде всего тем, что в них участвует значительное число специалистов в различных областях археологии — от первобытной до средневековой. Так, с венгерской стороны в совместных работах участвовали из Археологического института Венгерской АН И. Эрдели, Н. Калиц, И. Торма, Е. Симонова, И. Сентпетери и другие археологи, а также фотографы, топографы, чертежники, реставраторы, Э. Тот из Венгерского Национального музея, К. Шаги из Балатонского музея, П. Рацки из Солнокского музея, М. Мате из Дебреценского музея и др. С советской стороны в раскопках в Венгрии участвовали в течение одного или нескольких сезонов В. С. Титов, К. А. Смирнов, Т. М. Потемкина, Т. И. Макарова, С. С. Ширинский, М. Гусаков и др.

Сосредоточение в одной экспедиции значительных научных сил дает возможность проводить широкомасштабные раскопки, что, особенно для

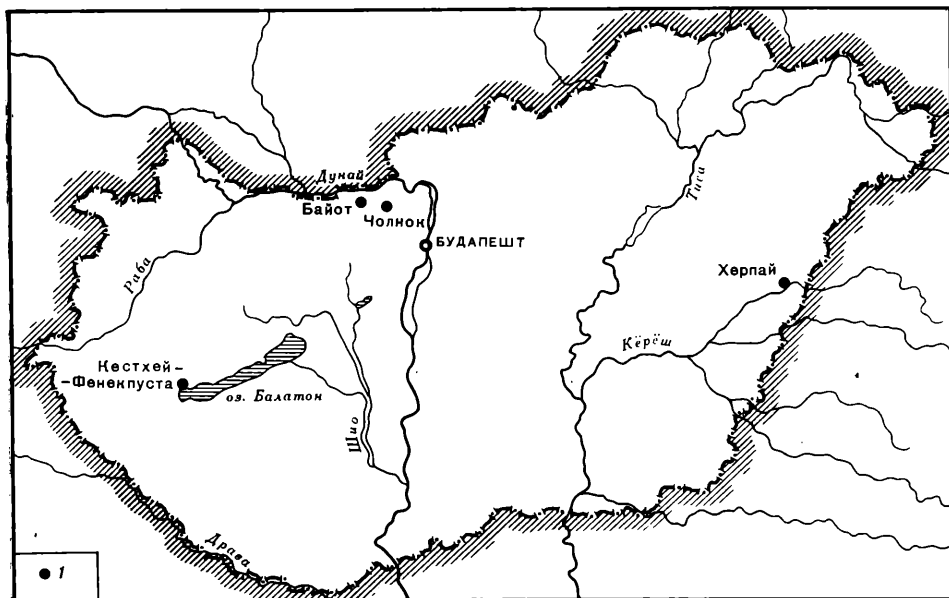

Рис. 1. Памятники, исследовавшиеся совместно советскими и венгерскими археологами в 1975—1981 гг.

первобытных памятников, отнюдь не является общим правилом в ВНР.

Далее следует подчеркнуть, что совместные советско-венгерские раскопки имеют комплексный характер. Это выражается не только в том, что параллельно исследуются памятники разного времени и разной культурной принадлежности, но и в привлечении для совместных работ специалистов в области смежных дисциплин, а именно антропологов, палеозоологов, палеоботаников, геологов. Так, с нами постоянно сотрудничают два палеозоолога — директор Археологического института ВАН Ш. Бёкёnyi и сотрудник Сельскохозяйственного музея (г. Будапешт) Я. Матолчи, палеоботаник М. Фреш из Балатонского музея (г. Кестхей), антропологи И. Папш и М. Ференц работают над материалами из раскопок Кестхей-Фенекпуста, а Т. Тот — над находками из раскопок Херпая.

Предварительные отчеты о раскопках публикуются как в «Археологических открытиях», так и в «Сообщениях» Археологического института Венгерской АН¹, а также в периодической печати, особенно венгерской, которая проявляет большой интерес к совместным работам советских и венгерских археологов.

Как уже отмечалось выше, объекты для совместных раскопок были выбраны как в западной, так и в восточной части страны. Это было сделано потому, что уже с эпохи палеолита развитие в Дунаутуле и Алфёльде протекало по-разному². Памятники выбирались с таким расчетом, чтобы они относились не к одному какому-нибудь периоду, но охватывали целый ряд периодов истории и археологии бассейна среднего Дуная. В 1975 г. совместные раскопки были проведены на двух памятниках в области Комаром на северо-востоке Дунаутула: на поселениях среднего неолита и раннего железного века в Байоте и на раннеаварском могильнике Чолнок³ (рис. 1). В 1976 г. мы приступили к изучению основного объекта совместных раскопок — многослойного поселения Кестхей-Фенекпуста (ранее — область Веспрем, теперь — область Зала) на юго-западе Венгрии, на западном берегу оз. Балатон. В 1977 г. к нему прибавился еще один объект — тель Херпай, расположенный у г. Беретьюйфалу (область Хайду-Бихар). И Кестхей-Фенекпуста и Херпай-халом — это не просто памятники, а целые комплексы памятников, особенно первый из них, где человек жил, конечно с перерывами, на протяжении более чем шести тысячелетий — от раннего неолита (середина V тысячелетия

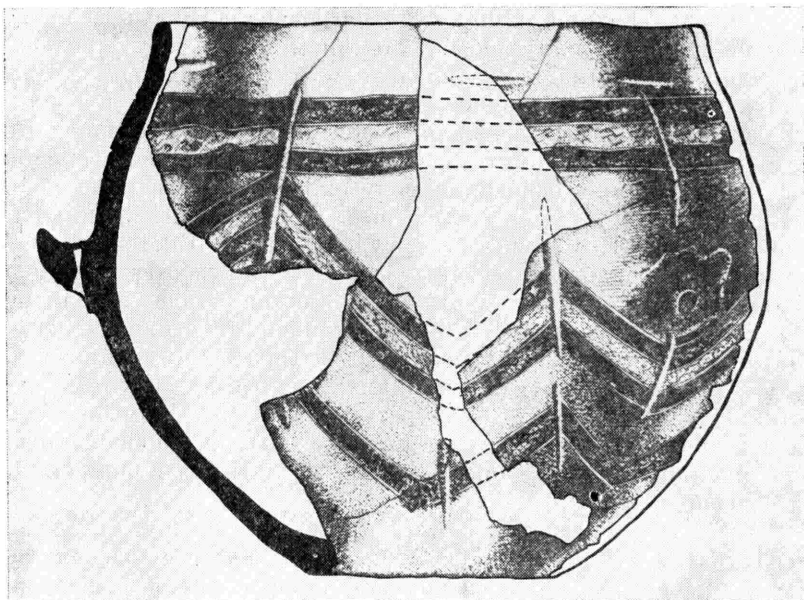

Рис. 2. Кестхей-Фенекпуста. Раскоп 10. Сосуд поздней фазы группы Желиз. Серый лощеный сосуд. Ленты, выкрашенные красной краской после обжига, чередуются с лентами желтой росписи. Высота сосуда около 30 см

до н. э. по радиоуглеродной хронологии) до XIV в. н. э., оставив мощные слои поселений, а затем и городов и обширные могильники.

Неолитическое поселение в Кестхее-Фенекпуста принадлежало к древнейшей земледельческой культуре Центральной Европы — культуре линейно-ленточной керамики, которая охватывала и значительную часть Правобережной Украины и Молдавии⁴. Но здесь, в восточной части ареала данной культуры, не представлены древнейшие фазы развития, так называемая «старшая» линейно-ленточная керамика. В Фенекпуста же неолитическое поселение восходит, видимо, к самым истокам данной культуры⁵. Но и несколько позже здесь, как и на ряде других памятников юга Дунаюла, существовала особая группа данной большой культуры, которая в орнаментике своей керамики еще сохраняла ряд архаических элементов. Мы называем эту группу южнопаннонской. Датировка ее остается проблематичной. Действительно ли она датируется концом среднего неолита, как утверждают некоторые археологи⁶, или же керамика группы Желиз, в том числе достаточно поздняя, как сосуд на рис. 2, найденная здесь, в Кестхее-Фенекпуста, появляется уже после исчезновения южнопаннонской группы? Это еще предстоит решить в ходе дальнейших раскопок. Но уже сейчас получены важные данные о хозяйстве неолитических обитателей Фенекпуста. Судя по определениям остеологического материала⁷, охота в экономике носителей южнопаннонской группы играла лишь второстепенную роль, тогда как скотоводство (конечно, наряду с земледелием) было ведущей отраслью хозяйства. Как и на других поселениях культуры линейно-ленточной керамики, в Фенекпуста наибольшее внимание уделялось содержанию крупного рогатого скота, несколько меньшее — содержанию свиней, а мелкий рогатый скот почти не играл роли в экономике. Основной охотничьей добычей был тур.

К югу от неолитического поселения в Фенекпуста, на той же террасе Балатона, находится поселение энеолитической группы Балатон. Оно прослежено нами на протяжении 130 м. Как и неолитическое, оно было перекрыто мощным античным культурным слоем. Группа Балатон, называемая в югославской археологии культурой Ласинья, датируется по C₁₄ концом IV тысячелетия до н. э. До наших раскопок в Фенекпуста в европейской археологии не существовало объективных данных о хозяйстве

племен культуры Ласинья. Лишь судя по расположению поселений, равно как и по их более или менее постоянному характеру, предполагали, что эти племена занимались земледелием и скотоводством⁸. Нам удалось получить первые материалы, которые позволяют в той или иной степени охарактеризовать занятия балатонского населения. Видимо, огромную роль в их экономике играло рыболовство. Лишь в одной небольшой яме, возможно основании полуземлянки с остатками кострища, нами найдено более 5 тыс. костей рыб, в том числе крупных сомов, весом до 150—200 кг, а также щук, судака, карпа. Скотоводство и земледелие также засвидетельствованы здесь, но вот костей диких животных — доказательств охоты — почти нет. Состав стада энеолитических обитателей Кестхей-Фенекпуста резко отличен от неолитических стад: в энеолите здесь господствовал мелкий рогатый скот (ему принадлежало более 50% найденных костей домашних животных), крупный рогатый скот — лишь на втором месте, на третьем — свинья. Промывка культурного слоя из балатонской ямы дала важные находки карбонизированных зерновок пшеницы однозернянки, эммера, спельты(?) и ячменя. Есть и остатки чечевицы⁹.

Крупномасштабные раскопки были проведены на другом, более позднем энеолитическом поселении в Фенекпуста, которое располагается к юго-западу от первого, балатонского, и принадлежит к баденской (пещельской) культуре. Размеры этого поселения могут быть определены, с известной долей вероятности, как немногим более 0,5 га. Нам удалось вскрыть около 1/10 поселения и исследовать несколько домов баденской культуры, которые до наших раскопок были довольно слабо изучены в Венгрии. Согласно полученным нами данным они относятся к двум типам: это малый столбовой дом подквадратной формы со скругленными углами и столбовыми ямами в углах (аналоги этому типу дома найдены в Палотабожже¹⁰ и Серенч-Хайдурете¹¹) и более крупный дом с заглубленным в землю основанием, состоящим из нескольких ям, с крышей, опиравшейся на несколько крупных столбов, и с более мелкими столбами, поддерживавшими стены. Кроме домов, на баденском поселении в Фенекпуста нами открыты остатки загона для скота — «краалья». Его размеры — ширина 35 м длина более 75 м. Он по крайней мере три раза перестраивался. Выяснена микрохронология «краалья» и поселения. Открытие «краалья» столь раннего времени, как начало III тысячелетия до н. э., — явление довольно редкое.

Получены данные о хозяйстве баденского поселения в Фенекпуста. В составе стада преобладал мелкий рогатый скот. Остатки коз и овец составляют 41,1% всех домашних животных (по числу особей). Крупный рогатый скот играл меньшую роль, и кости крупного рогатого скота составляют 34,25% всех домашних животных, опять-таки по числу особей. На долю свиней приходится 24,55% числа особей домашних животных. Таким образом, по характеру скотоводства баденское поселение в Фенекпуста сближается с предшествующим ему балатонским и резко отличается от неолитического. Сравнивая данные об экономике неолитических и энеолитических поселений Кестхей-Фенекпуста, существовавших, по сути дела, в одних и тех же природных условиях, мы видим очень существенные различия между ними и убеждаемся, что отнюдь не природное окружение было определяющим в выборе той или иной хозяйственной системы древним населением, а культурно-хозяйственные традиции и навыки этого населения.

Самой частой находкой на поселении баденской культуры Кестхей-Фенекпуста была керамика. Ее подробное изучение, классификация, сопоставление с близкими памятниками данной культуры как в Венгрии, так и в других соседних странах, позволяют отнести баденское поселение Кестхей-Фенекпуста к этапу D₁ по Э. Неуступному¹², несмотря на появление отдельных более поздних элементов.

К началу II тысячелетия до н. э. относится могильник раннего бронзового века с трупосожжением, остатки которого, однако, не поме-

щались в урну, как в более поздних культурах, но помещались в могилу с керамическим инвентарем и украшениями из бронзы.

В Кестхее-Фенекпуста обнаружены и остатки латенского поселения в виде крупных ям с многочисленной серой керамикой. В I в. н. э., когда Задунавье было захвачено Римом, в Фенекпуста были выстроены первые виллы, а в IV в. здесь возник небольшой город, укрепленный стенами с круглыми башнями и двумя воротами¹³. Фенекпуста римского времени исследуется уже почти целое столетие, однако использование более современной методики, мы надеемся, позволит получить ряд новых данных, в том числе уточнить время возникновения и гибели города, точнее определить периоды его существования.

Важным открытием было обнаружение могильника второй половины V в. н. э. к югу от города, на территории баденского энеолитического поселения. Этот могильник существенно отличается от обширных некрополей местного городского населения, расположенных вокруг стен города. Открытый нами могильник принадлежал какому-то пришлому населению, возможно гото-аланскому. Черепа в большинстве могил были искусственно деформированы¹⁴.

Кестхей-Фенекпуста был одним из немногих городов Центральной Европы, основанных римлянами, в которых жизнь продолжалась и в раннем средневековье. Об этом свидетельствуют как интрамуральные постройки и находки, сделанные в них, так и экстрамуральные могильники, которые ясно свидетельствуют о VI—VIII вв. Но еще более интересна группа могил IX—X вв., вероятно франко-славянских, к юго-западу от городских стен¹⁵.

Второй основной объект, изучаемый советскими и венгерскими археологами с 1977 г., это памятник иного, чем Фенекпуста, типа — тель, один из не столь уж многочисленных центральноевропейских телей, возникших в позднем неолите. Он является эпонимным памятником для целой культурной группы Херпай или даже культуры Херпай-Чёсхалом.

Херпай-халом, или Херпай-Фёльдвар, расположен в окрестностях г. Беретьюуфалу в области Хайду-Бихар. Этот тель раскапывался в 1921—1922 гг. (но в течение довольно короткого срока) Д. Золтаи, директором Дебреценского музея им. Дери. Результаты раскопок опубликованы не были, но отчеты и чертежи хранятся в Дебрецене. В 1927 г. на телье Херпай были проведены совместные раскопки Венгерского национального музея и Кембриджского университетского музея. В них участвовали такие известные археологи, как Л. Мартон, Ф. Томпа и Г. Кларк. Отчет о раскопках не был издан, и поэтому масштабы их неизвестны. Лишь в общей работе Ф. Томпы есть упоминания о некоторых результатах этих раскопок, в том числе о находке с керамикой культуры Бодроккерестур¹⁶. Именно это замечание Ф. Томпы стало поводом для новых раскопок разведочного характера, которые были проведены в течение недели в октябре 1955 г. Венгерским национальным музеем под руководством Й. Корека и П. Патаи. В шурфе всего около 6 кв. м площадью ими было прослежено 4—5 горизонтов группы Херпай, но никаких остатков культуры Бодроккерестур¹⁷.

Тель Херпай — высокий, удлинённой формы холм, длиной около 85 м при ширине 50 м, вытянутый с северо-северо-запада на юго-юго-восток (рис. 3). Тель окружен другими холмами, меньших размеров, которые, судя по подъемному материалу, также были заселены в древности, хотя и не ясно, были ли и они тельями или же нет. Мощност культурного слоя на главном холме еще не выяснена окончательно, так как раскоп не доведен до материка, но она значительна и превышает 4 м. Раскоп на главном холме уже сейчас более 500 кв. м, но в 1980 г. был заложен новый (Херпай III) на небольшом холме, расположенном в 70 м к востоку от главного теля. Размеры раскопа (200 кв. м) в ходе работ были увеличены.

В результате раскопок 1977—1978 гг. и 1980—1982 гг. был получен огромный археологический и остеологический материал, который сосре-

Рис. 3. Телль Херпай-халом в начале раскопок в 1977 г. Вид с юго-востока, с малого холма (Херпай III)

доточен теперь в Археологическом институте ВАН. Раскопки показали, что главный телль Херпай был заселен как в позднем неолите, так и в раннем и среднем бронзовом веке. Верхний метр культурных отложений составляют четыре основных горизонта бронзового века, которые характеризуются четко прослеживаемыми полами домов из зеленовато-желтой глины с красно-черными очажными пятнами. Три верхних горизонта относятся к группе Дюлаваршанд среднего бронзового века, а нижний, четвертый горизонт бронзового века — к культурной группе Отомань конца раннего бронзового века. В этом горизонте на раскопе II нами найдены на площади 200 кв. м остатки трех домов, стоящих очень близко друг к другу, на расстоянии 0,8—1 м. Дома прямоугольной формы, ориентированные в направлении восток—запад, имели длину более 9 м (выходят за пределы раскопа), ширина одного из них 6 м. Дома имели столбовую конструкцию и полы из желтой глины. Столбовые ямы идут точно по периметру жилища. Диаметр столбовых ям 20—40 см, и они находятся на расстоянии 100—160 см одна от другой. Многочисленные находки керамики свидетельствуют о широких связях культурных групп Дюлаваршанд и Отомань с другими культурами, в том числе с культурой Перьям-Печика на юге Алфёлда и с культурой инкрустированной керамики Задунавья. Найдены фрагменты крупных переносных печей, керамические колесики с выпуклой втулкой от моделей повозок.

Ниже слоев бронзового века на телле залегают поздненеолитические горизонты. Никаких остатков энеолитического времени не отмечено, а за длительный период времени, соответствующий энеолиту, на телле отложился лишь незначительный слой гумуса. Основное ядро телля Херпай сформировалось именно в позднем неолите, в первой половине IV тысячелетия до н. э. Поскольку материк пока не достигнут, трудно сказать, возникло ли поздненеолитическое поселение на небольшом естественном холме или же просто на берегу реки.

Поздненеолитическое поселение Херпая дало замечательные остатки домов, погибших в пожаре и потому превосходно сохранившихся, с полами, печами, нижними частями стен, крупными сосудами, стоявшими на полу жилищ, многочисленными фрагментами керамики, в том числе и расписной, с изделиями из кремня, обсидиана и других пород камня. Есть и находки меди и медных изделий. Среди домов, стоявших очень плотно один к другому, найдены и отдельные детские погребения, скор-

ченые, на правом или левом боку, с одним-двумя сосудами в качестве погребального инвентаря.

Хотя огромный керамический материал еще находится в процессе обработки, реставрации и изучения, уже сейчас можно сделать определенные наблюдения над развитием поздненеолитической керамики в Херпае, которые могут иметь значение для членения позднего неолита в восточной части Среднедунайского бассейна. В верхней части поздненеолитических отложений телля Херпай господствует нерасписная посуда, которая, однако, в своих формах и орнаментации показывает определенные связи с энеолитической культурой Тисаполлар, хотя и не идентична ей. Эту керамику из верхних горизонтов Херпая мы назвали «прототисаполгарской». В лежащих ниже горизонтах главного телля появляется посуда с росписью красной и белой краской. Широкие красные ленты, как правило, разделяют орнаментальную поверхность сосудов на панели, которые заполняются мелким белым узором. Этот стиль росписи можно сблизить с керамикой типа Чёсхалом. В горизонтах, лежащих еще ниже, преобладает роспись темной (черной или темно-коричневой) краской по светлому фону глины, или по белому ангобу. Это уже собственно херпайская роспись, которая особенно часто встречается на сосудах с высокими коническими поддонами — типичных формах группы Херпай. Но кроме местной, встречается и привозная посуда, в частности характерные расписные фрагменты керамики культуры Петрешть из соседней Трансильвании.

Раскопки, которые советские археологи проводят с 1980 г. на соседнем с главным теллем небольшом холме Херпай III, дали неожиданно важные и интересные результаты. Прежде всего они показали, что жизнь древнего поселения никогда не ограничивалась главным теллем, который, видимо, представлял собой лишь место непосредственного обитания человека и был столь плотно застроен жилыми домами, что там не оставалось места ни для производственных сооружений, ни для производственной деятельности. Последняя протекала на соседних холмиках, паходившихся на расстоянии 70—100 м от главного холма. К тому же опасность пожара требовала вынести мастерские за пределы поселения.

Нам удалось выяснить, что по крайней мере в бронзовом веке малый холм Херпай III был укреплен — обнесен рвом, треугольным в поперечном сечении. Ширина рва в верхней части 2,—2,3 м, максимальная глубина — от древней поверхности — около 1 м. Мы прорезали этот ров в западной и восточной частях холма, а подробная топографическая съемка показала, что ров опоясывал весь холм.

Херпай III, несомненно, был в бронзовом веке местом, где располагались мастерские. Он изрыт десятками ям различных размеров и формы, иногда довольно значительных, которые могут быть интерпретированы как ямы-мастерские. Так, обнаружена несомненно костерезная мастерская с многочисленными фрагментами костяных и роговых орудий и украшений (рис. 4, а—б). Недалеко от нее найден и фрагмент костяного конька. Ямы перерезают одна другую, образуя довольно сложную стратиграфическую картину. Среди находок преобладает керамика, типичная посуда культуры Дюлаваршанд, украшенная косыми и спиральными каннелюрами (рис. 5, 5). Часть ям относится к группе Отомань. Последующее изучение керамики из этих ям, несомненно, способствует уточнению периодизации культурных групп Дюлаваршанд и Отомань.

На холме Херпай III очень хорошо представлен и «прототисаполгарский» горизонт позднего неолита, причем как поселенческими, так и погребальными находками. Действительно, здесь найден и небольшой могильник этого времени: несколько скорченных на боку погребений с типичным инвентарем — сосудами (рис. 5, 2—4), каменным шлифованным плоским топором и ножом из кремня или обсидиана. Топор располагался у кистей рук, а нож — на черепе погребенного. Покойники были положены головой на восток. Захоронения совершены в культурном слое.

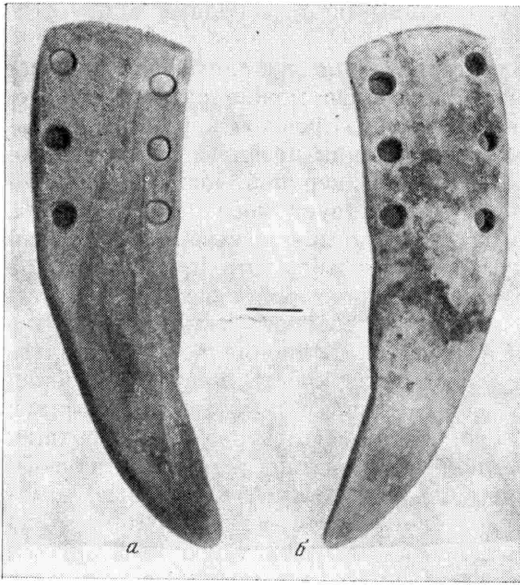
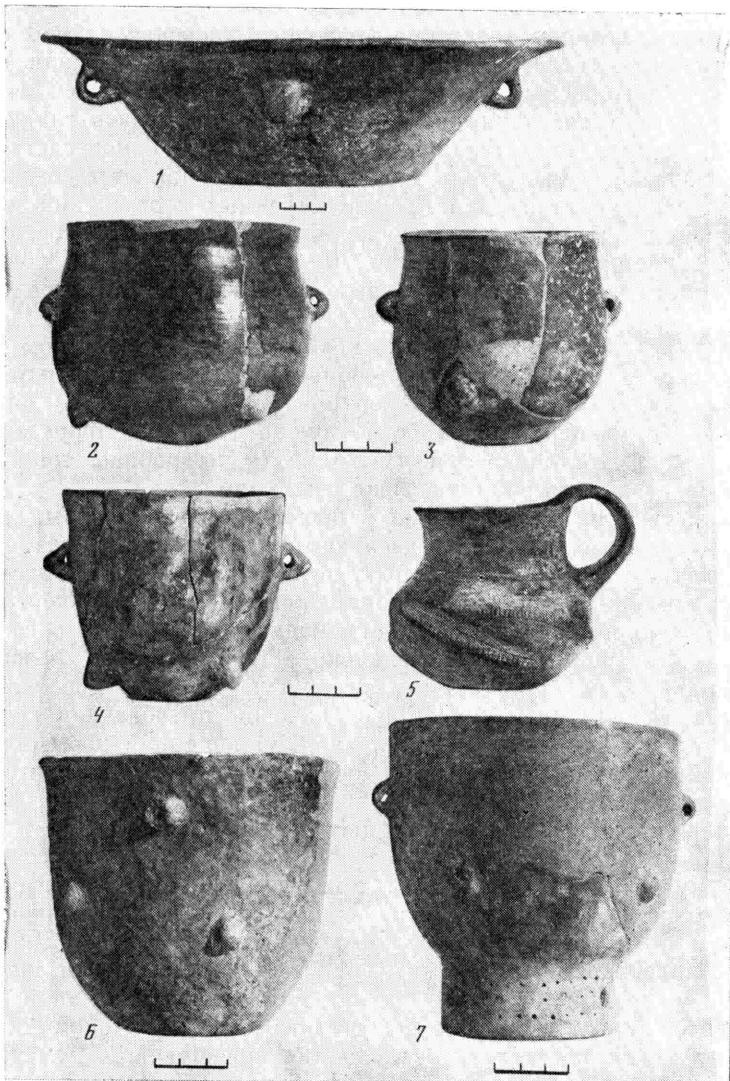

Рис. 4. Херпай III. Подвеска из клыка кабана

Рис. 5. Херпай III — керамика

1 — миска из ямы 18; 2 — сосуд из погребения 4; 3 — сосуд из погребения; 4 — сосуд из погребения 4; 5 — одноручный сосуд из ямы 20; 6 — сосуд из кв. «а»; 7 — сосуд на низком поддоне с круглыми отверстиями (Е/10); все сосуды, за исключением 5, который относится к бронзовому веку, поздне-неолитические, из них 1, 2, 3, 4, 7 могут рассматриваться как «прототисаполгарские»

Этот культурный слой и ямы, опущенные из него, дали довольно многочисленную «прототисаполгарскую» керамику (рис. 5, 7). Особый интерес представляла яма цилиндрической формы, которая содержала ряд целых или легко восстанавливаемых сосудов, в том числе одну крупную миску с характерными ручками (рис. 5, 1). Эта миска была помещена в яму целой, после того, как яма была заполнена до середины глубины, причем помещена горизонтально. В заполнении ямы найдены зернотерка, часть черепа быка с сердцевинной левого рога, кости крупного и мелкого рога-того скота, благородного оленя, косули и кабана. Ш. Бёкёньи, определявший костные остатки, обратил внимание, что большинство из них происходило от правой стороны животных. Можно предположить, что эта яма имела специфически культовый характер.

Довольно неожиданным было появление под «прототисаполгарским» слоем ям культуры Тиса, с материалами довольно раннего облика. До сих пор находок культуры Тиса на главном холме не было сделано, за исключением отдельных черепков. Ямы культуры Тиса на Херпае III представляют одну из самых восточных находок культуры Тиса в Алфёльде¹⁸.

Оказалось также, что холм Херпай III был выбран в раннем средневековье местом небольшого раппеаварского могильника. Об этом свидетельствует ряд могил, вскрытых нами в ходе раскопок 1981 г.

Совместные советско-венгерские раскопки основных объектов — Кестхей-Фенекпусты и Херпая продолжаются, но первые публикации их итогов уже подготовлены к печати, в частности поселенческих находок из раскопок в Кестхее-Фенекпесте (античный город и баденское поселение).

¹ Например, в кн.: Археологические открытия 1975—1981 г. М., 1977—1982; Mitteilungen der Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 6, 1976. Budapest, 1977, S. 123, 124. Они частично вошли в книгу: Археология Венгрии. Каменный век. М., 1980.

² Археология Венгрии, с. 34 и далее.

³ Предварительные итоги раскопок 1975 г. в Байоте и Чолноке подробно освещены в статье: *Титов В. С., Эрдели И.* Первые итоги раскопок Венгеро-Советской экспедиции на территории ВНР.— СА, 1980, № 1, с. 130—146. Материалы из среднеэнеолитического поселения в Байоте изданы В. С. Титовым в кн.: Археология Венгрии, с. 292—294, рис. 175—177.

⁴ *Пассек Т. С., Черныш Е. К.* Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. М., 1963.

⁵ Ср.: *Quitta H.* Zur Frage der ältesten Bandkeramik in Mitteleuropa.— In: Praehistorische Zeitschrift. Berlin, 1960, Bd. XXXVIII, S. 155—157; Археология Венгрии, с. 268—274 и примеч. 58 на с. 324.

⁶ Материалы старшей линейно-ленточной керамики из Кестхей-Фенекпусты изданы В. С. Титовым в «Археология Венгрии» (с. 268—270, рис. 157—158).

⁷ Определение остеологических материалов из совместных советско-венгерских раскопок в Кестхее-Фенекпесте сделано в Сельскохозяйственном му-

зее (г. Будапешт) Я. Матолчи и его сотрудниками.

⁸ *Dimitrijević S.* Lasinjska kultura.— In: Praistorija Jugoslavenskih Zemalja. III. Eneolitska doba. Sarajevo — Svjetlost, 1979, s. 164—165.

⁹ Определения палеоботанических материалов проведены в Музее Балатона (г. Кестхей) М. Фрешем.

¹⁰ *Banner J.* Die Pécelér Kultur.— In: Archaeologia Hungaricae S. N. Budapest, 1956, XXXV, S. 129, 214.

¹¹ Ibid., S. 215.

¹² *Neustupný E.* Die Badener Kultur.— In: Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur. Bratislava, 1973.

¹³ Одну из реконструкций плана римского города в Фенекпесте см. в статье: *Титов В. С., Эрдели И.* Первые итоги..., с. 136, рис. 5.

¹⁴ Там же, с. 141, рис. 11, 12.

¹⁵ Там же, с. 142, 144, рис. 23, 1—3.

¹⁶ *Tompa F.* 25 Jahre Urgeschichtsforschung in Ungarn.— 24/25 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Berlin, 1937.

¹⁷ *Korek J., Patay P.* A Herpályi-halom kőkorvégi és rézkori települése — Folia Archaeologica (Uj Folyam), 1956, évk. 8, old. 23—39.

¹⁸ О культуре Тиса и ее распространении см.: Археология Венгрии, с. 328—366, карта на рис. 190 и схема на рис. 191.

НЕКОТОРЫЕ АНАЛОГИИ НАХОДКАМ ИЗ АВАРСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ТОПОНАР И ФЕСЕРЛАК В ВЕНГРИИ

Одна из важных задач изучения аварских древностей — поиск аналогий для них в соседних с аварским каганатом областях. Такая работа начата на территории Польши¹. Выявляя аналогии вещам из изучаемых нами позднеаварских могильников VIII — начала IX в. Топонар и Фесерлак из области Шомодь в Юго-Западной Венгрии², мы особое внимание обратили на параллели, имеющиеся в археологических материалах с территории СССР. Если оба могильника, согласно периодизации Д. Бялековой, относятся к горизонту Блатница-Микульчице-Надъсентмиклош³, погребальный инвентарь их рядовых могил ничем не отличается от вещей из других позднеаварских могильников Венгрии, Словакии, Югославии и Австрии, то в богатых погребениях и находящихся под ними конских захоронениях, в отдельных ямах определенная часть предметов близка к находкам не только из позднеаварских могильников Венгрии (Чунь, Гатер, Дьёр, Хортобадь-Аркуш)⁴, Словакии (Блатница, Шаля II)⁵, Моравии (Микульчице, Хевлин)⁶, Югославии (Ада, Врбас, Дубовац, Нови Сад)⁷, Австрии (Мистельбах)⁸, но и салтово-маяцкой культуры⁹, а также наблюдаются связи с некоторыми категориями вещей из Скалистинского могильника в Крыму¹⁰. Так как часть сравниваемых материалов из Скалистого еще не опубликована, мы не всегда можем привести рисунки аналогий, о которых упоминаем в тексте.

Среди погребального инвентаря из захоронений VIII—IX вв. Скалистинского могильника с найденными в могильниках Топонар и Фесерлак можно сопоставить некоторые железные и бронзовые пряжки, наконечники поясов, гладкие литые бляшки простых типов, петли, буллы гривен, бубенчики.

Рассматриваемые нами железные пряжки, как правило, простые, подчетыреугольные, бесщитковые. Они крепились непосредственно к ремню, пропускавшемуся сквозь рамку. Размеры их колеблются от 3×2,9 до 6,7×6,1 см. Пряжка 397 из склепа 235 Скалистинского могильника по форме и размерам близка к пряжке, изображенной на рисунке 1, 20.

Из бронзовых литых пряжек с подвижной рамкой одна из склепа 38 в Чуфут-Кале по форме напоминает аварскую пряжку, изображенную на рис. 1, 27. Элементы узора, покрывающего щиток пряжки 35 из Чуфут-Кале (раскопки В. В. Кропоткина 1955 г.), сходны с деталями орнамента аварской пряжки, помещенной на рис. 1, 18, которая по форме рамки и язычка аналогична также пряжке 1 из склепа 122 Скалистинского могильника. По форме рамки и устройству шарнира среди венгерских аналогий следует упомянуть пряжку из погребения 140 аварского могильника в Себень, опубликованного Е. Гарам¹¹. Пряжка 488 из склепа 262 Скалистинского могильника по форме рамки и язычка аналогична аварской пряжке, изображенной на рис. 1, 26, которая, в свою очередь, по форме рамки и устройству шарнира имеет неполную аналогию в погребениях 11 и 203 аварского могильника в Себень¹².

К числу редких находок в аварских могильниках принадлежит восьмеркообразная подвеска пояса с подчетыреугольным ушком и двумя сильно стилизованными головками птиц по бокам (рис. 1, 12). Похожие подвески известны в материалах Салтовского и Дмитровского могильников и в Лизгоре (рис. 1, 23)¹³. Особого внимания заслуживают три литых бронзовых кольцеобразных предмета с прорезьями, два из них с четырьмя, один с шестью радиально размещенными спицами (рис. 1, 9—11). Диаметр двух первых 4,4—4,5 см, третьего 3,7 см. Они являлись принадлежностью пояса. По мнению Й. Хампеля, прорезные кольцевид-

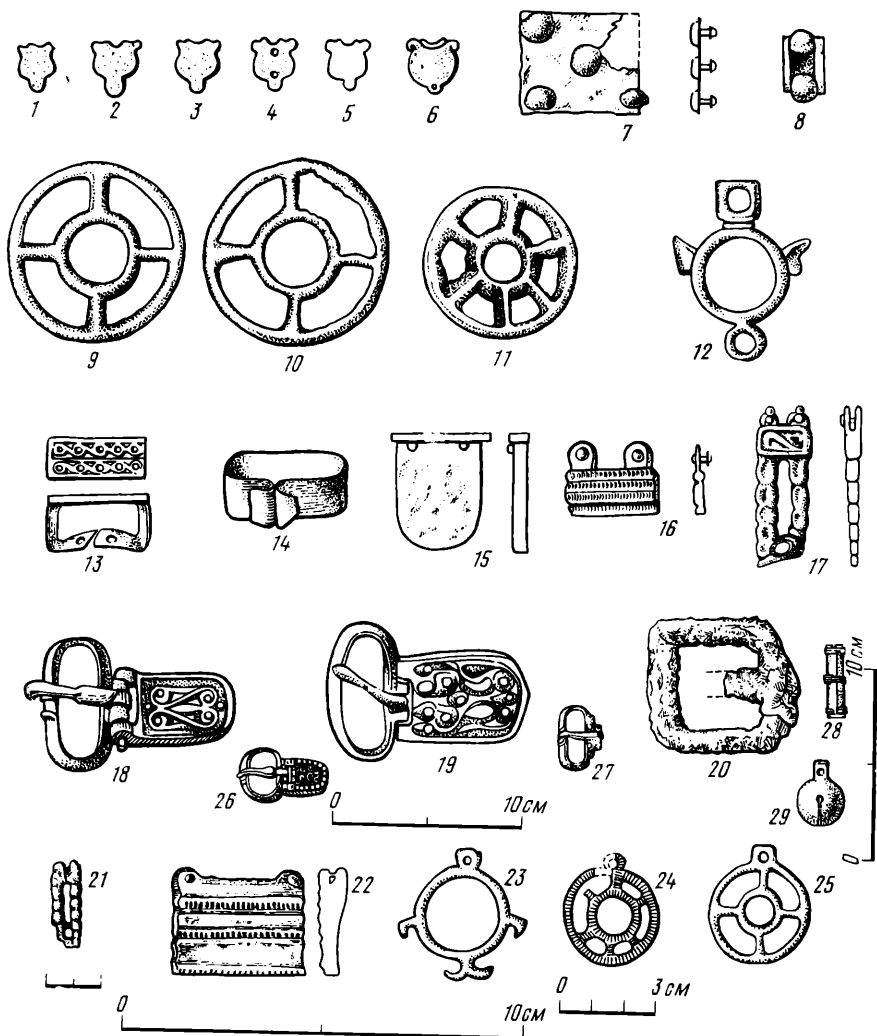

Рис. 1. Металлические предметы могильников Топонар, Фесерлак и их аналогии (вторая цифра — номер погребения)

Топонар: 1 — погребение 8; 2—5 — 94; 7, 8 — конское захоронение 39; 12 — 119; 13 — случайная находка; 15, 16 — конское захоронение 52; 17 — 40; 18 — 35; 19 — 11; 26 — 114; Фесерлак: 6, 27 — 5; 9, 10 — 38; 11 — 82; 14 — 44; 20 — 30; 28 — 26; 29 — 47; Рипнев 1, второй комплекс: 21; Микульчице, объект 652: 22; Салтово: 23—25

ные бляхи из Кестхея и Фенекпуста служили для регулирования трех ремней¹⁴. Кольцеобразные предметы с четырьмя или шестью спицами, но снабженные ушком с отверстием, известны из материалов Салтовского и Дмитровского могильников (рис. 1, 24—25). Возможно, они выполняли другую функцию, т. е. служили подвесками. По мнению С. А. Плетневой, это амулеты, связанные с символикой солнца¹⁵. Кольцеобразные бляшки с четырьмя-шестью спицами встречаются на территории Прибалтики в III—IV вв.¹⁶ Бляшки с зигзагообразными спицами и без внутреннего кольца встречены на городище V—VII вв. у с. Зимне на Волыни¹⁷, а также в германских могильниках V—VII вв. из Вюртемберга¹⁸.

Цилиндрическая капсула низкопробного серебра, перехваченная в трех местах по тулову двойными тонкими пластинчатыми обручами (рис. 1, 28, длина 3,8 см, диаметр полой части 0,9 см), изготовлена по византийским образцам. По форме, размерам и материалу она аналогична капсуле 936 из склепа 303 Скалистинского могильника. На территории

Венгрии подобная капсула известна из погребения одного из предтавителей знати в Тотипусте (область Феиер)¹⁹.

Небольшие гладкие литые бляшки (рис. 1, 1–6) размерами от 1,3 × 1,3 до 1,1 × 0,9 см, относящиеся к украшениям поясного ремня, имеют аналогии среди находок № 410 из склепа 220 Скалистинского могильника.

К украшениям узды из конского захоронения 52 в Топонаре относится наконечник (рис. 1, 16), литой, бронзовый, короткий, с двумя рельефными валиками на поверхности, украшенными косыми насечками размерами 2,2 × 1,2 см. Единственная аналогия ему известна из объекта 652 на городище Микульчицы в Моравии (рис. 1, 22)²⁰

Литой наконечник поясного ремня, выполненный в стиле сильно стилизованных зооморфных изображений (рис. 1, 17), широко распространен среди позднеаварских древностей. Похожий наконечник обнаружен во втором комплексе славянского поселения у с. Рипнева (Рипнев 1)²¹. В. В. Аулих совершенно справедливо датирует его VIII в., несмотря на то что в той же яме найдена большая шпора с крючкообразно вогнутыми внутрь зацепами (Я. Жак датирует подобные шпоры VI в., но, по мнению других исследователей, их правильнее относить к VII–VIII вв.).

Следует упомянуть и бронзовые литые бубенчики с ушком. Высота их колеблется в пределах 2,8–5 см, диаметр тулова от 2 до 2,6 см. Обычно поверхность их гладкая, реже украшена геометрическим орнаментом. В нижней части, как правило, одна или две прорези, последние расположены крестообразно. Аналогия бубенчику, изображенному на рис. 1, 29, происходит из склепа 307а (996) Скалистинского могильника.

В позднеаварских древностях обычны металлические петли, прикреплявшиеся к ремню посредством двух или четырех заклепок. Величина петель колеблется от 2,5 до 3,2 см при ширине 1 см или немного меньше. В большинстве своем поверхность их не украшена, но встречаются экземпляры с рельефной орнаментацией. Аналогия декору петли, изображенной на рис. 1, 13, прослеживается на бронзовом литом наконечнике ремня из Восточного отдела Государственного Эрмитажа (приобретен на Кавказе). Петли с отогнутыми концами без отверстий для заклепок, подобные изображенным на рис. 1, 14, найдены в склепах 291 (808) и 293 (799) Скалистинского могильника.

Рассмотренные данные свидетельствуют о распространении некоторых сходных типов вещей на обширных территориях — от Карпатского бассейна до Северного Причерноморья и от Одера до Дона — в период развитого аварского общества, представленного самобытным художественным стилем литых украшений.

¹ AP, 1962, s. 283–314; PAN, 1979, Ryc. 6.

² Szimonova E. Toponár, Fészerlakpuszta (Kom. Somogy, kp. Kaposvár) Avarisches Gräberfeld Mitt. Arch. Inst., 1969, S. 141, 142; N 3, 1972, S. 161–163; N 4, 1973, S. 185, 186; Arch. Eert., 98, 1971, 276; Szimonova E. Nouveaux cimetières de la fin de l'époque avare mis au jour sur le territoire du comitat Somogy.— Mitt. Arch. Inst., 1972, Beiheft 1, S. 129–132; Idem. Ausgrabungen — N 10 (Toponár) — Mitt. Arch. Inst., N 3, 1972, S. 161–163; Idem. Ausgrabungen — N 7 (Toponár).— Mirt. Arch. Inst., 1973, N 4, S. 185, 186; Szimonova E. Das spätawarenzeitliche Gräberfeld von Toponár.— Mitt. Arch. Inst., 6 (1976), Bp., 1977, S. 69–74.

³ Bialekova D. Slovenské obdobie.— Slovenska Archeologia, 1980, XXVIII, 1, 213–228.

⁴ В могильнике Хортобадь-Аркуш среди блях из конского погребения 27 боль-

шой интерес для нашей темы представляет одна диаметром 3,2–3,3 см, позолоченная, литая из бронзы, с изображением трех извивающихся змей — это прямая и пока единственная аналогия бляхе (фаларе?) из погребения 39 могильника Топонар. Она известна нам благодаря любезному сообщению автора раскопок в Хортобадь-Аркуш Э. Тот.

⁵ Cilinska Zl. Dva predvelkomoravske pohrebiska v Šali okr. Galanta.— AR, 1973, N 5, S. 527–539.

⁶ Skutil J. Avarske nalezky na Morave, 1937.

⁷ Nagy S. Le cimetiere de Vrbas de l'époque avare et ses rapports avec le trésor de Nagyszentmihályos et la tasse en argent d'Ada.— In: Conference Internationale 1971 a Szeged. Budapest, 1972, Taf. 21, 111–114.

⁸ Mitscha-Märheim H. Die frühmittelalterlichen Gräberfunde von Mistelbach,

- Katzelsdorf, Münchendorf und Schwachat. Niederdonau, Natur und Kultur VII, 1941, 1—58.
- ⁹ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967.
- ¹⁰ *Веймарн Е. В., Смирнов А. П.* Сосуд с росписью из могильника у с. Скалистое.— КСИА, 1965, вып. 100, с. 102—107.
- ¹¹ *Gárat E.* The Szebény I—III cemetery.— In: Avar Finds in the Hungarian National Muzeum, pl. XI, 14.
- ¹² Там же, pl. X, 13.
- ¹³ *Плетнева С. А.* От кочевий..., с. 175, рис. 49, 8.
- ¹⁴ *Hampel J.* Altertümer der frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905, t. I.
- ¹⁵ *Плетнева С. А.* От кочевий..., с. 175, рис. 49, 2, 6.
- ¹⁶ *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland. Tartu, 1938, t. II, S. 253—255.
- ¹⁷ *Аулих В. В.* Металеві пряжки і прикраси з верхнього горизонту в с. Зимне. Волинської області.— МДАПВ, Київ, 1962, вып. 4, табл. 11, 6—7.
- ¹⁸ *Veesk W.* Die Alamannen in Württemberg. Textband, p. 58.
- ¹⁹ *Bona I.* A népvándorlás kora Fejér megyében.— In: Fejér megye története az őskortól a honfoglalásig. Székesfehérvár, 1971, I, 307, old. 23 kép.
- ²⁰ *Klanica Z.* Předběžná správa o výzkumu slovanského hradiska v Mukulčicích za rok 1966 okres Hodonin.— Přehled výzkumu 1966. Brno, 1967, 95, Tab. 19. 9.
- ²¹ *Аулих В. В.* Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области.— МИА, 1963, № 108, рис. 9, 16.

В. Ф. СТАРКОВ, О. В. ОВСЯННИКОВ

РУССКИЕ ПАМЯТНИКИ XVIII В. НА АРХИПЕЛАГЕ ШПИЦБЕРГЕН

В течение трех полевых сезонов (1978—1980 гг.) на архипелаге Шпицберген работала Советская археологическая экспедиция. Короткое полярное лето и тяжелые погодные условия значительно усложняют проведение полевых исследований и сокращают время раскопок до 4 недель. Несмотря на это, объем произведенных работ уже довольно велик и позволяет сделать первые обобщающие выводы.

В указанные годы экспедицией произведены разведочные работы на значительном пространстве западного побережья острова Западный Шпицберген и на острове Сёркап. Детально обследованы большой участок южного берега залива Ис-фьорд, залив Грэн-фьорд, побережье земли Норденшельда, северный берег залива Бельсунн, бухта Решерж, южный берег земли Сёркап и остров Сёркап — всего на протяжении около 250 км. На этих участках было обнаружено 13 поморских жилищно-хозяйственных комплексов, 10 крестов и несколько захоронений. Это значительно расширило сведения об освоении Шпицбергена русскими промышленными людьми и дополнило известные исторические карты, опубликованные до начала наших работ¹. Помимо этого, экспедиция провела раскопки 11 поморских жилищно-хозяйственных комплексов, 7 крестов, 3 коллективных захоронений, большого лагеря экспедиции В. Я. Чичагова, а также 3 мест, где предполагались стоянки эпохи каменного века.

В настоящее время на Шпицбергене зафиксировано около 90 русских памятников, многие из которых, вероятно, относятся к XVIII в. — периоду расцвета поморской деятельности на архипелаге². Памятники этого времени имеются и среди раскопанных нами комплексов, причем 2 из них (Руссекейла II и Брёггер) получили абсолютные даты методом дендрохронологии³. Эти даты полностью подтвердили наши прежние представления относительно возраста этих памятников.

Остатки поморского дома, названные нами «Руссекейла II», находятся на южном берегу залива Ис-фьорд в местности Руссекейла (Русская бухта). Дом был расположен на мысу первой морской террасы высотой 4 м, на левом берегу р. Линнея (старое название — Русская река), которая вытекает из озера Линнея (старое название — Русское озеро). На противоположном берегу этой реки на такой же морской террасе был расположен еще один комплекс построек, раскопанный в 1955 и

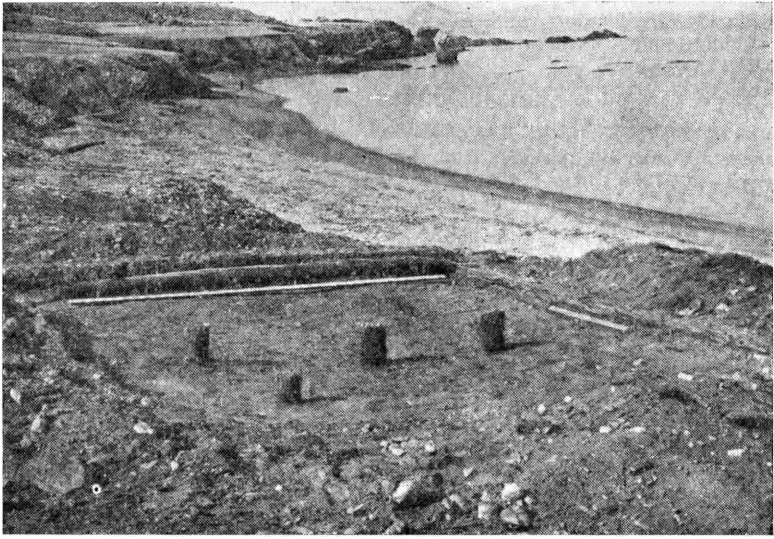

Рис. 1. Раскопанные остатки дома на Руссекейла II

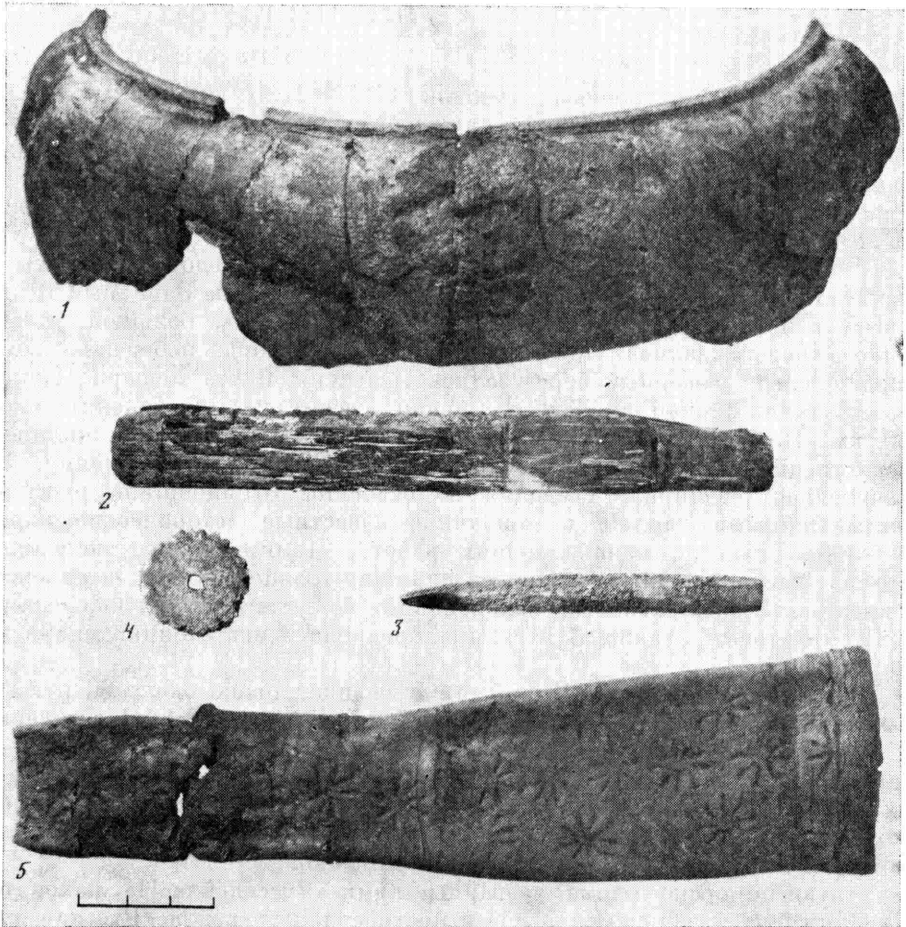

Рис. 2. Находки из дома на Руссекейла II

1—фрагмент горшка; 2—календарь; 3—костяной наконечник; 4—колесо с зубчатым краем;
5—кожаные ножны от ножа

1960 г. экспедицией скандинавских археологов под руководством Х. Христианссона и П. Симонсена. Последний комплекс особенно интересен. Он состоял из целого ряда совмещенных построек, среди которых выделены жилые и хозяйственные сооружения, в том числе кузница. Рядом с домом было раскопано 20 погребений. Среди находок выделяются орудия промыслов, циркуль, шахматные фигурки, различная хозяйственная утварь. Особое значение имеют 2 предмета, на которых вырезаны даты 1778 и 1786. Не исключено, что этот жилищно-хозяйственный комплекс связан с именем помора Ивана Старостина, который прожил на Шпицбергене 39 лет. Здесь он умер и похоронен. По предложению известного полярного исследователя А. Э. Норденшельда близлежащий мыс назван мысом Старостина.

Одновременно с «домом Старостина» существовал и дом «Руссекейла II». Его возраст установлен по найденной здесь монете 1749 г. и на основании данных дендрохронологии: окладное бревно постройки дало дату 1756 г.

Раскопанное сооружение представлено одночастной постройкой, срубленной из круглых бревен «в обло с остатком». От сруба сохранились 2 окладных бревна — северное и восточное, положение остальных хорошо угадывается по следам тлена и местам перерубов (рис. 1). Размеры сруба 4,6×4,7 м. Внутри постройки сохранились остатки трех вертикально поставленных столбов, которые как бы делят ее на 2 неравные части — западную (большую) и восточную. Не исключено, что это остатки полатей. Пространство внутри срубов заполнено битым кирпичом (печным) и наносным грунтом общей мощностью 20—25 см, ниже которого залегал слой щепы толщиной 4 см. В этом непотревоженном слое щепы и были сделаны почти все находки, что, несомненно, отражает их одновременность.

Наиболее многочисленную категорию находок составляют предметы из керамики: обломки посуды, кирпичи и печная обмазка.

Вся керамическая посуда относится к типу красноглиняной. Она представлена пятью горшками и одной миской. Миска довольно широкая: диаметр дна 21,5 см при высоте стенок 5 см. Венчики слегка загнуты внутрь, толщина стенок 7 мм, толщина дна 8 мм. Горшки двух типов. Первый тип (4 сосуда) имеет сильно раздутое тулово, шейка не выражена, венчик короткий и слегка отогнутый наружу. Один из горшков, лучше сохранившийся (рис. 2, 1), имеет диаметр устья 18,5 см. Толщина стенок 6 мм. Он слабо подлощен, остальные горшки просто заглажены. Горшок второго типа характеризуется раздутыми боками и хорошо выраженной шейкой. Венчик высокий, слегка отогнутый наружу. Толщина стенок 4 мм.

Изделия из дерева довольно разнообразны. Среди них особенно интересен календарь, изготовленный из прямой, треугольной в сечении планки. Один из концов календаря, где помещалась ручка длиной 2,9 см, уплощен с обеих боков. Общая длина изделия 15 см (рис. 2, 2). На одном из ребер календаря насечками нанесены 3 календарные недели: простыми вертикальными линиями обозначены обычные дни (сгруппированы по 6), воскресенья выделены более сложными лучевыми знаками.

Среди других деревянных изделий имеются 6 бондарных клепок от бочонка высотой 50 см, заготовка черпака, небольшая лопаточка и другие предметы.

Изделия из кости представлены двумя находками — наконечником стрелы и небольшим диском с зубчатым краем. Наконечник стрелы имеет вытянутую ланцетовидную форму с прямым основанием, слегка уплощенным с боков (рис. 2, 3). Сечение наконечника неправильное ромбическое, края и передний конец тонко заострены. Длина наконечника 8 см, ширина основания 7 мм, толщина 3 мм.

Костяной диск диаметром 2,5 см применялся, вероятно, в каком-то механизме и крепился неподвижно на оси: его центральное отверстие

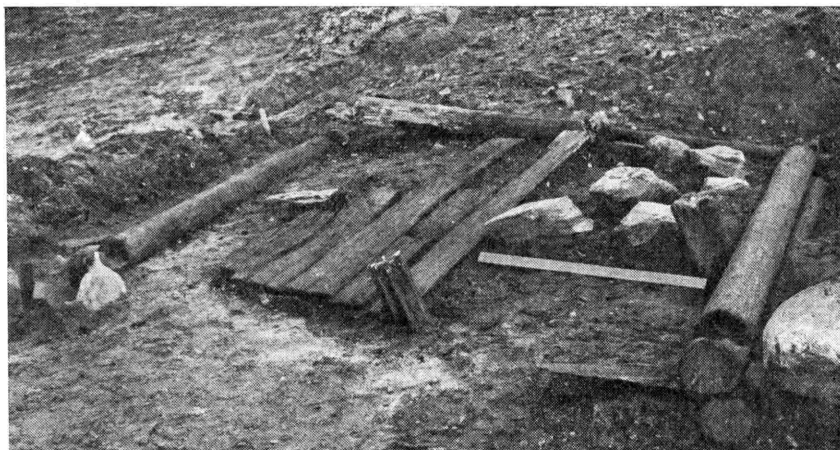

Рис. 3. Раскопанные остатки дома на полуострове Бреггер

Рис. 4. Находки из раскопок на полуострове Бреггер
 1 — фрагмент миски; 2 — фрагмент горшка; 3 — кресало; 4 — лошкарь; 5 — обрзок кожъ
 с прорезными буквами; 6 — курительная трубка; 7 — костяная игла для ремонта сетей;
 8 — сверло

имеет овальную форму и снабжено небольшими боковыми вырезами (рис. 2, 4).

Среди изделий из кожи обращают на себя внимание поясны для охотничьего ножа, украшенные тисненым орнаментом (рис. 2, 5). Рядом с ножнами были найдены кожаные кисточки, которые, вероятно, украшали этот важный атрибут охотничьего снаряжения. Длина ножен 19 см, ширина в верхней части 5 см, в нижней 2,5 см. Среди других кожаных изделий имеется 14 фрагментов обуви, а также многочисленные об-резки.

Большую категорию находок составляют металлические предметы: железные кованые гвозди длиной от 14 до 18,5 см, бортовые лодочные скобы, фрагмент дверной петли, дужка от ведра.

Среди находок выделяются 8 ружейных кремней и один отщеп. Ружейные кремни изготовлялись на месте из кусков мелового кремня, привезенных с материка. Об этом, в частности, говорят многочисленные заготовки этих изделий, найденные при раскопках других русских поселений на Шпицбергене. 3 кремня не несут на себе следов сработанности, остальные сильно забиты по краям.

Близкий по типу инвентарь был обнаружен при раскопках в том же 1978 г. русского дома на полуострове Брёггер (южный берег Конгс-фьорда). Памятник был открыт участниками гляциологической экспедиции Института географии АН СССР Л. С. Троицким и В. С. Корякиным. Он находится в районе мыса Люкт, недалеко от поселка Нью-Алесунн, широко известного в истории исследования Арктики. Дом помещался на краю морской террасы высотой 22 м, на мыске, образованном изгибом берега и неглубоким сухим оврагом. Как и все поморские дома на Шпицбергене, он был отделен от горного массива широкой террасовой площадкой (в данном случае шириной около 2 км), что в какой-то степени защищало постройки от сильных паводков. Неподалеку от дома протекает несколько небольших речек, стекающих с ледника Мёребрин.

В раскопе размером 48 кв. м вскрыто сооружение, которое представляло собой избу, рубленную из круглых бревен «в обло с остатком» (рис. 3). Диаметр бревен до 20 см. Периметр постройки сохранился не полностью: утрачена северо-западная часть избы, смещены окладные вепцы юго-восточной и северо-западной стен, отдельные части сооружения снесены под склон. Размеры постройки 3,18×3,18 м. Стены были установлены на подстилающем слое щепы, под северо-восточную стену были подложены короткие плахи, вероятно в целях нивелировки сооружения. С наружной стороны этой стены сохранились остатки завалины: вдоль нее помещалась доска, поставленная на ребро и укрепленная у одного из углов постройки двумя вбитыми в грунт кольями.

Внутренняя планировка дома несет на себе следы типичной русской постройки. В южном углу избы помещалась печь, от которой сохранился развал кирпича, который ранее покрывал каменное основание печи. Внутреннее пространство развала печи было забито мелким сильно обожженным камнем и углем. Грунт под камнями оказался сильно про-каленным и имел красноватый цвет. В этой же теплой половине избы сохранились 3 вкопанных в землю столба, вероятно остатки нар. Любопытно, что 2 из них имели продольные пазы, т. е. предназначались для сооружения стен. Не исключено, что это части разобранного сгоревшего дома, о чем говорит довольно интенсивный слой угля, который перекры-вал слой щепы и частично вымостку внутри здания. Доски пола уложены «по ходу» от восточной стены, где находилась дверь и где, вероятно, к клетке примыкали сени, о чем говорят остатки вымостки за пределами здания.

При раскопках обнаружено более 700 предметов, многие из которых были изготовлены на месте. Довольно разнообразна керамика. Она подразделяется на 2 основных вида — чернолощенная и красноглиняная (типологически к ней примыкает сероглиняная керамика). Чернолоще-

ная керамика представлена фрагментами 10 ладок, 2 крышек от ладок и одной миски.

Ладки — довольно толстостенная (до 12 мм), посуда, отличающаяся низкими и широкими пропорциями. Они снабжались короткими трубчатыми ручками, в которые вставлялись деревянные рукояти. Основные размеры ладок: высота от 2,5 до 6 см, диаметры устьев 12—30 см, диаметры донцев 8 см, длина ручек 7 см, диаметр ручек 2,3—2,5 см. Из двух крышек одна сохранилась полностью (отсутствует только навершие). Она имеет племовидную форму и снабжена небольшим носиком. Диаметры крышек 13 см.

Красноглиняная и сероглиняная керамика представлена большим количеством сосудов, среди которых имеется 14 мисок и не менее 25 горшков. Миски типологически сходны с чернолощенными. Их высота 4 см, диаметр венчиков 23—35 см, толщина стенок 3—5 см (рис. 4, 1).

Горшки однотипны. Они характеризуются сильно раздутым туловом, небольшими плечиками и низкими, слегка отогнутыми венчиками (рис. 4, 2). Размеры горшков: диаметр венчиков 13—20 см, диаметр донцев 10—14 см, толщина стенок 8—9 см.

Среди другой хозяйственной утвари отметим части бондарных изделий (бочонков и бочек), фрагменты двух сковородников, часть самой сковороды, 3 точильных бруска, фрагменты оконного стекла и штофов, кресало калачевидной формы (рис. 4, 3), части кожаной обуви и кожаную рукавицу. Рукавица почти целая, на правую руку. Внутри ее имеется войлочная подкладка. Длина рукавицы 25 см. Она имеет большой раструб, шириной 15 см, и сплошь покрыта тисненым орнаментом. На лицевой стороне нанесены узоры в виде прямых линий, чередующихся с отпечатками полулунного штампа. С обратной стороны орнамент имеет вид ромбической сетки, нанесенной зубчатым штампом.

Большую группу находок составляют предметы, связанные с промышленным характером деятельности обитателей этого дома. Среди них имеются: фрагмент кожаных ножен от охотничьего ножа, 11 ружейных кремней и 6 кусков мелового кремня, от которых отбивались заготовки кремней, 2 свинцовые пули диаметром 13 мм, деревянный мездряной нож, костяная игла для ремонта сетей (рис. 4, 7). Игла длиной 11,5 см имеет заостренный передний конец. Задний конец притуплен. В средней широкой части изделия имеется сквозное отверстие овальной формы. Кроме этого, в раскопе найден лодочный шпангоут с нагельками в пазах и следами обмазки (вара). Вообще в раскопе было собрано довольно много кусков вара, служившего для смоления лодок. Найдены также и мотки просмоленной бечевы.

Особый интерес представляют находки, связанные с изготовлением различных предметов быта и промыслов на месте, во время жизни на Шпицбергене. Среди них преобладают остатки кожевенного производства: целая сапожная колодка, сапожный молоток длиной 6,4 см, наборные каблуки, подошвы, головки и многочисленные обрезки кожи. Особое значение имеет один обренок, на котором видны прорезные русские буквы «...ПІК» (рис. 4, 5). Из других инструментов нужно отметить железный лошкарь (рис. 4, 4) и желобчатое сверло (рис. 4, 8). Сверло в верхней части, которая вставлялась в головку лучкового сверлильного инструмента, сильно улощено и имеет ромбическую форму. Нижняя, рабочая часть сверла плавно расширяется книзу и снабжена желобком.

Особую категорию составляют находки, имеющие нерусское происхождение: голландские курительные трубки из фаянса, белоглиняная бутылка с круглым клеймом, на котором имеется надпись «BALSAM», и доска от могильного креста с голландской надписью: «IOHAN SIHR—VAN NAMBIJG. VAN. T. SHIP. D. J. J. MAGDAIENA. COMMENDOR PIETER BOOYSEN AIT. 57. IANR 1790».

Трубки сохранились в виде фрагментов. Среди них имеется несколько обломков мундштуков, 3 из которых украшены кольцевым орнаментом, и 6 чубуков: 3 целых и 3 в обломках. Чубуки довольно тонкостен-

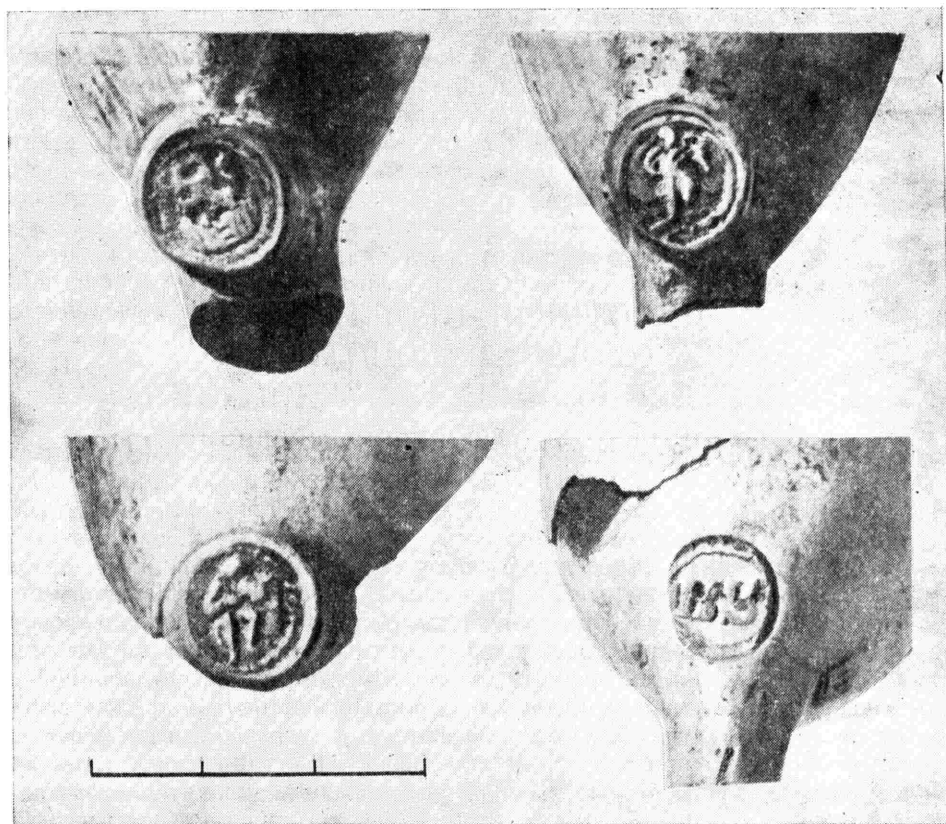

Рис. 5. Клейма на курительных трубках

ные, высокие (до 4 см высотой), в верхней части украшены пояском из отпечатков зубчатого штампа (рис. 4, 6). Они сопровождаются клеймами в виде стоящего или сидящего скрипача, восстающего льва и др. (рис. 5). По мнению голландского археолога Л. Хакборда, который ознакомился с коллекцией наших находок во время пребывания в 1980 г. в поселке Баренцбург, подобные трубки могут быть датированы временем не ранее XVIII в. Таким образом, дата, стоящая на доске, и возраст трубок примерно совпадают. Совпадает с ними и хронология деревянных конструкций дома: отсюда было взято 9 образцов на дендрохронологию, все они дали дату 1778–1780. Не исключено, конечно, что хронология памятника более растянута, но год постройки раскопанного нами дома — 1780-й.

Трудно сказать, каким образом попал в этот типично русский комплекс небольшой круг голландских вещей. Возможно, конечно, что трубки и бальзам были привезены сюда самими поморами с Руси, но, судя по надписи на кресте, в этом районе в 1790 г. побывало и голландское судно.

Русские памятники XVIII в., известные в настоящее время на Шпицбергене, не ограничиваются, конечно, двумя описанными комплексами, но их датировка строится пока на чисто типологической основе, что при общей слабой разработанности относительной хронологии поморских древностей на Шпицбергене требует уточнения со стороны вспомогательных дисциплин. При этом основная роль отводится дендрохронологии и палеографии. Состав находок большинства раскопанных памятников, среди которых имеются надписи и хорошо сохранившиеся детали строительных конструкций, позволит в будущем создать достоверную картину истории освоения архипелага русскими промышленными людьми.

- ¹ *Корякин В. С.* На краю тайны.— В кн.: Полярный круг. М., 1974, с. 343; *Белов М. И.* По следам полярных экспедиций. Л., 1977, с. 112.
- ² *Старков В. Ф., Овсянников О. В.* Археологические исследования на Шпиц-

бергене.— Вестн. АН СССР, 1980, 3, с. 128.

- ³ Дендрохронологический анализ древесины произведен в Институте археологии АН СССР Н. Б. Черных.

Р. М. МУНЧАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ МЕСОПОТАМИИ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (из итогов работ Советской экспедиции в Ираке)

Начиная с 1969 г. экспедиция Института археологии АН СССР ведет интенсивные археологические исследования в Северной Месопотамии. В течение 12 сезонов работы экспедиции сосредоточены в Синджарской долине, близ г. Телафар Ниневийской области Ирака. Эта часть Месопотамии до работ нашей экспедиции оставалась наименее исследованной в археологическом отношении областью Ближнего Востока. И прежде всего это относится к наиболее ранним памятникам¹. Археологические исследования здесь начались около 40 лет назад² и ограничились главным образом разведками, которые засвидетельствовали исключительную концентрацию в Синджарской долине памятников материальной культуры², начиная с VII тысячелетия до н. э.³ Стационарные же исследования были проведены в основном на двух объектах: экспедиция британской школы археологии в Ираке провела широкие раскопки ассирийского городища Телль-эль-Римах⁴, а экспедиция Токийского университета исследовала в 1967 г. к востоку от Телафара группу холмов под названием «Телул Талафат» с разновременными слоями, вплоть до убейдского и более ранних⁵ (раскопки Телул Талафата были продолжены и в 70-х годах)⁶.

Слабая изученность Синджарской долины и вместе с тем невероятная концентрация здесь археологических памятников (только на участке протяженностью около 60 км между городами Телафар и Синджар зафиксировано свыше 400 теллей), указывающая на важное значение данного региона в культурно-историческом развитии Месопотамии, обусловили выбор этой области Советской экспедицией для проведения регулярных и широких исследований. В результате проведенной зимой 1968 г. разведки сотрудниками ИА АН СССР Н. Я. Мерпертом и Н. О. Бадером была обследована группа из шести теллей, компактно расположенных близ ручья Джубара-Дяряси, к западу от Телафара, и известных под общим названием «Ярымтепе» (тюрк: «половина холма» — действительно половина одного из тепе смыта рекой), и установлено, что три из них (Ярымтепе I, II и III) характеризуют древнейшие раннеземледельческие культуры дописьменной Месопотамии — хассунскую, халафскую и убейдскую. Через год, весной 1969 г., экспедиция ИА АН СССР приступила к их стационарным исследованиям*. В 1969—1976 гг. экспедиция провела раскопки на поселениях Ярымтепе I (VI тысячелетие до н. э.)⁷

* Помимо сотрудников ИА АН СССР (Р. М. Мунчаева, Н. Я. Мерперта, Н. О. Бадера, В. А. Башилова, В. И. Гуляева, А. И. Кузы и С. С. Ширинского), в экспедиции участвовали О. Г. Большаков (Ленинградское отделение

Института востоковедения АН СССР), М. У. Юнисов (Институт этнографии АН СССР), О. М. Джапаридзе (Тбилисский государственный университет) и И. Г. Нариманов (Институт истории АН АЗССР).

и Ярымтепе II (V тысячелетие до н. э.)⁸, а в 1977—1980 гг. Ярымтепе III (V—IV тысячелетия до н. э.). В результате разведочных работ, систематически проводившихся экспедицией в предгорьях и долине Синджара, была выявлена значительная группа разновременных памятников (не менее 50), включая палеолитические местонахождения и самые ранние в Синджарской долине оседлоземледельческие поселения, характеризующие новую для Месопотамии раннеземледельческую культуру дохасунского периода. Это поселения Телль-Сотто⁹ и Кюльтепе¹⁰, подвергнутые раскопкам в 1971, 1973—1976 гг.

Огромный интерес представляет открытое экспедицией поселение Телль Магзалия¹¹, находящееся на грани долины и предгорий Синджара и относящееся к докерамическому неолиту¹². Это поселение — древнейший из исследованных экспедицией памятников в Месопотамии.

Поселение Телль Магзалия расположено на правом берегу р. Абры, к северо-западу от Ярымтепе. Сохранилась лишь западная половина поселения площадью около 4500 кв. м. Мощность культурного слоя телля свыше 8 м. В нем выделяется 15 строительных горизонтов¹³. Раскопками на площади около 600 кв. м выявлены остатки многочисленных хозяйственно-бытовых сооружений, часть оборонительной стены, восемь погребений и добыт большой и разнообразный археологический материал, включая обширную коллекцию костей домашних и диких животных и палеоботанические находки.

Для Телль Магзалии на всем протяжении его жизни была характерна прямоугольная архитектура. Дома сооружались на массивных каменных фундаментах со стенами из глины. Полы построек были забутованы камнем и глиной и покрыты сверху гипсовой обмазкой. Гипсом мостились проходы между домами и хозяйственные помещения. Крыши домов покрывались камышом и также обмазывались гипсом.

Вокруг жилых домов, некоторые из которых достигали площади до 100 кв. м и состояли из нескольких комнат, располагались хозяйственные постройки, очаги, большие прямоугольные печи, ямы-хранилища, вкопанные в землю гипсовые сосуды. Застройка поселка была нерегулярной и очень плотной. Важной особенностью поселения является то, что оно было ограждено с одной, напольной, стороны мощной каменной стеной, сохранившейся местами на высоту до 2 м. Стена вскрыта на протяжении около 60 м¹⁴. Это древнейшее оборонительное сооружение, известное до сих пор в Месопотамии, и один из наиболее ранних фортификационных объектов вообще.

Разнообразен вещевой материал из Телль Магзалии. В нем преобладают каменные и главным образом обсидиановые орудия труда. Среди них — небольшие по размерам зернотерки, терочники и песты, лезвия ножей и серпов, многочисленные скребки, резцы, провертки и т. д.¹⁵ Большую группу составляют кремневые черешковые и листовидные наконечники стрел на ножевидных пластинах¹⁶.

Немало в коллекции костяных изделий: шилья из обломков трубчатых костей, тонкие иглы, в том числе с ушком, отдельные предметы, украшенные резным орнаментом.

Выразительна коллекция каменных сосудов, браслетов и других украшений (подвески, бусы), а также различных поделок из камня, глины и кости. Значительный интерес среди последних представляют, несомненно, образцы антропоморфной и зооморфной пластики, выполненной в схематической манере.

Особого внимания заслуживают находки в Телль Магзалии кусков медной руды и медного кованого шила, являющиеся свидетельством самого раннего использования металла в Месопотамии.

Наконец, большой интерес вызывают коллекция зерен культурных злаков (пшеницы однозернянки, двузернянки и карликовой пшеницы, а также многорядного пленчатого ячменя) и остеологические материалы, указывающие на начальные фазы развития земледелия и скотоводства в данном регионе Ближнего Востока.

Телль Магзалия датируется, по предварительным данным, концом VIII — первой половиной VII тысячелетия до н. э. Этот памятник обнаруживает по многим параметрам близкие аналогии в соответствующих комплексах, расположенных на смежных территориях, в частности с поселениями Абу Хурейра и другими в бассейне Евфрата, в Сирии, Джармо, Шимшара и Али Кош в Иракском Курдистане и Иране, и в особенности с Чайоню-тепеси в Юго-Восточной Турции. Отмеченные памятники, включая Телль Магзалию, позволяют решать одну из ключевых проблем древнейшей истории — проблему формирования и начальных этапов развития производящего хозяйства в Месопотамии и на Ближнем Востоке в целом. При этом особенное значение приобретает поселение Телль Магзалия, находящееся у северной оконечности Эль-Джезиры и указывающее на один из конкретных путей, откуда началось освоение великой месопотамской долины.

Следующий этап культурно-исторического развития Месопотамии, характеризующийся широким распространением земледелия и скотоводства и заселением собственно долины Синджара и возникновением здесь «ординарных» земледельческих поселков, представляють исследованные экспедицией поселения Телль Сотто и Кюльтепе. Это были небольшие по размерам поселения, площадью каждое менее гектара, расположенные соответственно в 3 и 9 км к западу от Ярымтепе. Более широкому исследованию подверглось Телль Сотто.

Мощность культурного слоя поселения достигает 3,80 м. Внутри его выделены четыре горизонта: три верхних связаны с хассунской культурой, а самый нижний, четвертый относится к дохассунскому периоду. В последнем вскрыты остатки большого сырцового прямоугольного многокомнатного дома с длинным коридором между комнатами, детские захоронения в сосудах, хранилища для зерна, очаги, ваннообразные бассейны для воды, вмазанные в пол глиняные корчаги — хранилища. Выразительна коллекция археологических находок, включающая каменные зернотерки и кремневые вкладыши серпов, каменные клиновидные подшлифованные топорики, сосуды, браслеты и бусы, костяные шилья и проколки, а также медные бусины¹⁸. Особо следует сказать о керамике Телль Сотто. Она представлена грубыми толстостенными сосудами простых форм в виде баночных горшков и чаш. Некоторые из них украшены различными налепами, в том числе зооморфными и антропоморфными. Кроме того, небольшая часть сосудов была расписана красной краской. Здесь найдены также единичные образцы тонкостенных сосудов высокого качества, которые рассматриваются как импортные. Обращают на себя внимание находки отдельных глиняных зооморфных и антропоморфных статуэток, выполненных как в реалистическом, так и в схематическом стиле¹⁹.

Аналогичный в целом материал происходит и из Кюльтепе, а также из поселений Телул Талафат к востоку от Телафара и Умм Дабагия в районе Хатры, исследованного в 70-х годах английской экспедицией²⁰, и из ряда других памятников Эль-Джезиры. Все эти комплексы, характеризующие начальную стадию освоения данной области Месопотамии и развития здесь ранней оседлоземледельческой культуры, выделяются в единый культурно-хронологический пласт, непосредственно предшествующий периоду развития хассунской культуры. Своеобразие прежде всего керамики памятников типа Телль Сотто-Кюльтепе и ее орнаментации, генетически совершенно обособленной, позволяет рассматривать их как представляющие новую, неизвестную до их раскопок культуру Месопотамии²¹. Мы предложили именовать ее культурой Телль Сотто²². По предварительным данным, эту культуру следует датировать в пределах второй половины VII — начала VI тысячелетия до н. э.

Значительны результаты экспедиции по изучению хассунской культуры, отражающей следующий за Телль Сотто-Кюльтепе этап культурно-исторического развития Северной Месопотамии (середина — вторая половина VI тысячелетия до н. э.). В этот период осваивается почти

вся Синджарская долина и Эль-Джезира, наряду с небольшими поселениями, подобно Телль Сотто и Кюльтепе, здесь появляются сравнительно крупные поселения. Экспедиция исследовала комплексы хассунской культуры на трех поселениях — Ярымтепе I, Ярымтепе II и Телль Сотто, а также зафиксировала еще ряд поселений с материалами этой культуры. Наиболее значительные по масштабам работы проведены на Ярымтепе I.

Поселение Ярымтепе I достигало площади около 2 га, мощность культурного слоя его превышала 6 м. При этом весь слой, расчленяемый на 12 строительных горизонтов, принадлежал к хассунской культуре²³. Раскопкам подвергнута преимущественно восточная половина холма на площади 1720 кв. м. В таком объеме до сих пор не исследовано ни одно поселение хассунской культуры. В результате получены многочисленные и разнообразные данные, характеризующие архитектуру и строительное дело, развитие земледелия и скотоводства, а также керамического и других ремесел, связи и идеологические представления племен хассунской культуры на всем протяжении ее развития. Исследовано, в частности, не менее 1000 жилых и хозяйственных построек, включая остатки больших многокомнатных комплексов, множество очажных сооружений различного типа, в том числе гончарные печи, и значительное число погребений. Добыт огромный по количеству и разнообразию вещественный материал, прежде всего керамический. Последний содержит и характерные образцы посуды самарской культуры, а также включает самую богатую из известных до сих пор коллекций хассунской антропоморфной пластики²⁴. Многочисленны орудия, связанные с процессом земледелия и переработкой его продуктов: каменные мотыги, зернотерки, песты, терочники, ступки и кремневые вкладыши серпов. Найдены каменные клиновидные подшлифованные топоры, наконечники стрел и булава, обсидиановые ножи и костяные изделия, глиняные и алебастровые пряслица. Обращают на себя внимание различные поделки из камня, глины и кости, небольшая серия каменных печатей, являющихся древнейшими предметами подобного рода, подвески и бусы из разных пород камня, в том числе бирюзы²⁵.

Особый интерес представляют находки металла. Они сделаны на различных уровнях культурного слоя, начиная с древнейшего. Найдены более 20 кусков медной руды, медные провизки, обломок колечка, подвеска и массивный свинцовый браслет диаметром 9,2—10 см²⁶. Открытие медных и свинцового изделий, а также малахита в исследованных экспедицией памятниках — от поселения докерамического неолита Телль Магзалия до халафского поселения Ярымтепе II включительно, — позволило впервые осветить проблему возникновения и начального этапа развития металлургии в Месопотамии. Было установлено, таким образом, что в Месопотамии, как и в смежных областях — Турции и Иране, использование металла и развитие собственно металлургии началось примерно в одно и то же время (VIII—VII тысячелетия до н. э.), т. е. значительно раньше, чем казалось до этого.

Исследование Ярымтепе I, в особенности его древнейших слоев, характеризующих архаическую Хассуну, равно как и предшествующих ей комплексов Телль Сотто — Кюльтепе, заметно изменило общее представление о ходе развития раннеземледельческих культур в Северной Месопотамии и масштабе их распространения в данном регионе Ближнего Востока.

Не меньшее внимание уделила экспедиция исследованию следующего этапа развития Месопотамии, представленного знаменитой халафской культурой. Следует подчеркнуть при этом, что до начала работ экспедиции лишь единичные памятники данной культуры (Тепе Гавра, Телль Арпачия и др.) подверглись целенаправленным исследованиям и ни на одном из них раскопки не были доведены до начальных горизонтов культурного слоя.

Экспедиция исследовала два халафских поселения — Ярымтепе II и Ярымтепе III, а также значительное количество соответствующих погребальных комплексов. Наиболее значительные работы проведены на Ярымтепе II. Этот тель, давший название всей группе Ярымтепе, наполовину разрушен. Это был, видимо, округлый в плане холм диаметром 100—120 м при высоте 7 м²⁷. Поселение располагалось на правом берегу ручья Джубара-Дяряси, на месте небольшого хассунского поселка, остатки которого были здесь прослежены. Вскрытая до основания площадь поселения составила 500 кв. м. Ярымтепе II, таким образом, единственный в настоящее время памятник халафской культуры, исследованный на столь значительной площади на всю толщину культурного слоя. Изучена стратиграфия памятника. Холм содержит девять строительных горизонтов, отражающих все этапы развития халафской культуры в Синджарской долине — от времени ее появления здесь до смены ее убейдской культурой.

Распространение и развитие халафской культуры, охватывающее почти все V тысячелетие до н. э., знаменуют новый этап в культурно-историческом процессе Месопотамии. Работами экспедиции установлено, что долина Синджара являлась важнейшим, а возможно и основным, центром развития этой культуры, заметно отличной по многим атрибутам (формы архитектуры, керамика, скульптура и т. п.) от предшествующей хассунской культуры.

Раскопки Ярымтепе II со всей убедительностью показали, что в Синджарской долине в V тысячелетии до н. э. получает распространение совершенно новая архитектурная традиция. С самого появления халафской культуры здесь основной формой жилых сооружений становится круглый однокомнатный дом с куполовидным или, реже, плоским перекрытием, к которому были пристроены с одной или нескольких сторон прямоугольные хозяйственные постройки. На Ярымтепе II вскрыты остатки около 70 толосовидных сооружений — жилых, диаметром от 3 до 5 м, и хозяйственных, диаметром 1,5—2 м. Интересны круглые постройки, разделенные внутренними перегородками на ряд отсеков и служившие, видимо, зернохранилищами. Аналогичные им сооружения открыты и в халафском слое Ярымтепе III. Представляют интерес и узкие многокамерные прямоугольные постройки, которые также являлись, вероятно, зернохранилищами.

Халафская культура знаменита своей оригинальной расписной керамикой, отличающейся высокими технологическими качествами, разнообразием форм и богатством орнаментальных мотивов, как изобразительного, так и главным образом геометрического характера. Обнаруженная на поселениях Ярымтепе II и Ярымтепе III глиняная посуда представляет в настоящее время самую крупную коллекцию халафской керамики, отражающую, как нам представляется, основные этапы ее развития. В ней одинаково представлены формы посуды и мотивы росписи, характерные как для западной (евфратской) группы халафских памятников, так и восточной (в бассейне Тигра). Она включает в себя уникальные образцы антропоморфной и зооморфной посуды²⁸. Открытие на Ярымтепе II впервые для халафской культуры гончарных печей весьма сложной конструкции позволило установить наконец, в каких именно горнах северомесопотамские гончары V тысячелетия до н. э. обжигали глиняные сосуды и каким образом достигалась такая высокая и тщательная их термообработка²⁹.

Довольно впечатляюща и коллекция антропоморфных и зооморфных фигурок, найденных на поселениях Ярымтепе II и особенно Ярымтепе III. Она содержит как известные до этого образцы скульптуры, так и новые, выполненные, как правило, в схематической манере.

Обширен и многообразен и остальной материал из раскопанных экспедицией халафских памятников, включая многочисленные палеоботанические находки и палеозоологические остатки, частично введенные уже в научный оборот³⁰. Особо следует отметить исследование на Ярымте-

пе II ряда любопытных культовых объектов, а также нескольких десятков халафских погребений (как на этом поселении, так и на принадлежавшем ему некрополе), что значительно превышает общее число погребений данной культуры, известных до начала наших раскопок³¹. Впервые проведенное специальное изучение погребальных комплексов и обряда захоронений халафской культуры показало, что мир идеологических представлений земледельцев Северной Месопотамии этого периода был весьма сложным³².

Таким образом, работы Советской экспедиции позволили значительно полнее и шире осветить культурно-историческое развитие Северной Месопотамии в V тысячелетии до н. э. и внести определенный вклад в изучение сложной и не решенной до сих пор проблемы происхождения и генезиса халафской культуры.

Наконец, еще одна важная проблема месопотамской археологии была и остается предметом исследования Иракской экспедиции АН СССР. Это проблема убейдской культуры, культуры, непосредственно предшествующей началу собственно шумерской цивилизации, становлению древнейших городов и государственных образований Месопотамии. В отличие от более ранних культур (халафской и хассунской) она охватила всю территорию Месопотамии, а ее влияния широко распространились как в западном, так и в восточном направлении. При этом в северных районах Двуречья ее развитие приняло особые формы, что позволило некоторым исследователям говорить о специфической североубейдской культуре. Вопросы ее формирования, выработки отмеченной специфики, соотношения убейдской культуры с предшествующей халафской, характер перехода между ними и т. д., представляющие одну из серьезных проблем археологии дописменной Месопотамии, исследуются экспедицией на материалах убейдского слоя поселения Ярымтепе III. Это было крупное поселение, размером около 6 га, почти примыкавшее с северо-восточной стороны к Ярымтепе II. Общая мощность культурного слоя тепе достигает 12 м. При этом верхняя часть слоя толщиной не менее 4 м относится к убейдской культуре. В нем в нескольких последовательных строительных горизонтах вскрыты остатки восьми больших домов, имевших согласованную ориентировку и группировавшихся по сторонам открытых площадей. Каждый из них состоял из значительного числа больших и малых помещений, которые отличались прямоугольным планом и были разделены между собой узкими проходами. Стены их были сложены из крупных сырцовых кирпичей, размерами в среднем 65×25×8 см, и с обеих сторон покрыты глиняной штукатуркой³³.

Сравнительный анализ свидетельствует о большой близости строительных комплексов Ярымтепе III соответствующим комплексам таких известных памятников культуры Северного Убеяда, как Телль Арпачия и особенно Тепе Гавра. Аналогичен в значительной степени и вещевой материал данных памятников. Это касается прежде всего керамики, которая по технологическим, морфологическим и орнаментальным признакам полностью идентична глиняной посуде из убейдских слоев Тепе Гавра и Телль Арпачии.

Следует обратить внимание на исключительно большое число находок в убейдском слое Ярымтепе III каменных орудий, связанных с обмолотом зерна: зернотерок, ступок и пестов (найдено их в общей сложности не менее 150). Обнаружены и каменные мотыги и наверхия — утяжелители для палок-копалок, а также в значительном количестве остатки зерна, главным образом пшеницы.

Убейдский слой Ярымтепе III, датированный концом V — началом IV тысячелетия до н. э., свидетельствует о том, что Синджарская долина входила в основную территорию развития североубейдской культуры и являлась важнейшим путем распространения ее на запад.

Подводя итоги Советской экспедиции в Ираке, следует констатировать, что в результате ее работ значительно возрос общий фонд источников по первобытной археологии Северной Месопотамии, открыты и

изучены новые памятники, в том числе характеризующие неизвестную раннеземледельческую культуру Двуречья, носители которой, вероятно, положили начало заселению и широкому освоению великой месопотамской долины. Экспедицией исследован значительный круг памятников, охватывающих широкий хронологический диапазон (от VIII до IV тысячелетия до н. э.) и отражающих основные этапы культурно-исторического развития дописменной Северной Месопотамии — от развития производящего хозяйства вплоть до сложения цивилизации. И поэтому закономерным стало то, что ныне уже невозможно без учета результатов исследований Советской экспедиции в Ираке изучение ключевых проблем археологии, древнейшей истории и культуры Месопотамии и Ближнего Востока³⁴.

- ¹ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981, с. 8, 9.
- ² Lloyd S. Some ancient sites in Sinjar District.— Iraq. London, 1938, vol. V, p. 123—124.
- ³ Oates J. Prehistoric investigations near Mandali, Iraq.— Iraq, London, 1968, vol. XXX, p. 3, 4.
- ⁴ Oates D. Excavations at Tell Al Rimach 1966.— Iraq, London, vol. XXIX, 1967.
- ⁵ Fukai S., Horiuchi K., Matsutani T. Telul eth-Thalathat: The excavations of Tell II. Tokyo, 1970.
- ⁶ Fukai S., Matsutani T. Telul eth-Talathat: Excavations of Tell II. The fifth Season (1976). Tokyo, 1981.
- ⁷ Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии.— СА, 1971, № 3.
- ⁸ Merpert N., Munchaev R. Early agricultural settlements in Sinjar Plain, Northern Iraq.— Iraq, London, 1973, vol. XXXV.
- ⁹ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто (по материалам раскопок 1971, 1973—1974 гг.).— СА, 1975, № 4, с. 99—110.
- ¹⁰ Бадер Н. О. Некоторые результаты работ на раннеземледельческом поселении Кюльтепе в Северном Ираке.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1982, с. 50—57.
- ¹¹ Мунчаев Р. М., Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии.— Вест. АН СССР, 1979, № 2.
- ¹² Бадер Н. О. Телль Магзалия — ранне-неолитический памятник на севере Ирака.— СА, 1979, № 2.
- ¹³ Там же, с. 118—120.
- ¹⁴ Мунчаев Р. М. Археологические исследования в Месопотамии.— АО 1980 г. М., 1981, с. 489.
- ¹⁵ Бадер Н. О. Телль Магзалия..., рис. 5—7; 9.
- ¹⁶ Там же, рис. 6, 8—13; 7, 20—23.
- ¹⁷ Там же, с. 130.
- ¹⁸ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения..., с. 309—310.
- ¹⁹ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение..., рис. 6; 7.
- ²⁰ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971.— Iraq. London, vol. XXXIV, 1972; Eadem. Umm Dabaghiyah, 1974.— Iraq. London, vol. XXXVII, 1975.
- ²¹ Munchaev R., Merpert N. The archaeological research in the Sinjar valley (1971).— Sumer. Baghdad, 1973, vol. XXVII, p. 31, 32; Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971, p. 15.
- ²² Munchaev R., Merpert N. The archaeological research..., p. 32; Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения..., с. 12, 309.
- ²³ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения..., с. 18—20.
- ²⁴ Merpert N. Y., Munchaev R. M. Early agricultural settlements in the Sinjar plain, Northern Iraq.— Iraq. London, 1973, vol. XXXV, pl. XLIII.
- ²⁴ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения..., рис. 33—42.
- ²⁶ Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Древнейшая металлургия Месопотамии.— СА, 1977, № 3.
- ²⁷ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения..., с. 161—163.
- ²⁸ Там же, с. 251—253.
- ²⁹ Там же, с. 179—181.
- ³⁰ Бахтеев Ф. Х., Янушевич З. В. Находки культурных растений на раннеземледельческих поселениях Ярымтепе I и Ярымтепе II в Северном Ираке; Бибикова В. И. Животноводство в Северной Месопотамии в V тысячелетии до н. э. (по материалам халафского поселения Ярымтепе II). Приложения 1 и 2 к кн.: Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения..., с. 287—307.
- ³¹ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения..., с. 198—214.
- ³² Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия).— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1982, с. 28—49.
- ³³ Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Поселение убейдской культуры Ярымтепе III в Северной Месопотамии.— СА, 1982, № 4.
- ³⁴ Oates J. The background and development of early farming communities in Mesopotamia and the Zargos. PPS for 1973, vol. 39, p. 153, 154; Mellart J. The Neolithic of the Near East. London, 1976; Oates J. and D. The rise of civilisations. London, 1976; Lloyd S. Archaeology of Mesopotamia. London, 1976.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ СОВЕТСКО-АФГАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Совместная Советско-Афганская археологическая экспедиция была организована в 1969 г. и работала десять полевых сезонов, осуществляя разведочные маршруты и раскопки отдельных памятников на территории Северного Афганистана. Ежегодно в работах экспедиции принимали участие от 6 до 10 советских археологов, реставраторов и других специалистов и от 3 до 5 афганских археологов. Всего за десять сезонов работ в экспедиции приняли участие 22 советских ученых и 15 афганских¹.

Основной задачей экспедиции было обследование малоизученного района Северного Афганистана между течением р. Амударья и отрогами Гиндукуша, выявление археологических памятников, подготовка археологического атласа Северного Афганистана. До работ Советско-Афганской экспедиции на территории Северного Афганистана раскопки проводила Французская археологическая делегация: в г. Балх, Шар и Бану, Закертепе, Тепе-Нимлик, Кундуз, Ай-Ханум². Кроме того, очень небольшие исследования вела здесь экспедиция Киотского университета³ а также английская⁴, индийская⁵, немецкая⁶ и американская⁷ экспедиции. За небольшим исключением, все они концентрировали свое внимание на памятниках района Балха, Ташкурмана, Хазарсума и Кундуза. В связи с этим Советско-Афганская экспедиция начала свои разведки в северо-восточных районах между городами Герат и Ташкурман и особенно в районе г. Шеберган и к юго-западу и северо-востоку от него.

В 1969 г. разведочные отряды под руководством В. И. Сарияниди и А. В. Виноградова, при участии В. А. Башилова, О. Б. Бабаева, И. Т. Кругликовой нанесли на карту более 120 неизвестных ранее археологических памятников, относящихся к периоду от эпохи камня до эпохи средневековья. Одновременно с этим были начаты раскопки поселения эпохи поздней бронзы Тилля-тепе⁸, крупного города кушанского и раннесредневекового времени Емши-тепе⁹ и средневекового поселения IX—XI вв. Чильмар-тепе, находившихся вблизи г. Шеберган к северо-востоку от него.

Раскопки Тилля-тепе дали интересный комплекс расписной керамики с геометрическим орнаментом, которая показывает принадлежность этого памятника к кругу восточноросанской культуры¹⁰. В целях получения более полной информации о культуре североафганских племен в раннем железном веке раскопки Тилля-тепе были продолжены в 1977 и 1978 гг. Была выявлена мощная оборонительная стена, окружавшая цитадель, находившуюся на высокой кирпичной платформе. На цитадели обнаружены остатки монументального здания. За пределами цитадели располагались дома рядового населения. Выявлено пять строительных горизонтов, показывающих многовековую историю этого поселения в период раннего железного века¹¹. С Тилля-тепе связано и выдающееся открытие царского некрополя раннекушанского времени. Уже после гибели поселения, прекратившего свое существование в V в. до н. э., на его руинах на рубеже нашей эры были произведены богатые захоронения раннекушанских правителей, имевших, возможно, свою резиденцию в городе, который находился примерно в полукилometре от холма Тилля-тепе и известен в литературе под именем Емши-тепе.

В некрополе в 1978 г. было раскопано шесть погребений, и все они дали необычайно богатый погребальный инвентарь: золотые бляшки, подвески, пуговицы, золотые короны, височные подвески, пряжки, пояса, браслеты, перстни, ожерелья, пластины и многие другие украшения из золота, иногда украшенные рельефами, ажурной резьбой, часто инкрустированные бирюзой и гранатами¹². По количеству найденных в мо-

гилах золотых вещей этот некрополь можно сравнить с богатыми царскими погребениями под курганами Северного Причерноморья. Но в отличие от последних сами погребальные сооружения были очень скромными.

Раскопки на территории г. Емши-тепе, произведенные в 1969 г., выявили мощный слой культурных напластований от греко-бактрийского времени до средневековья. Этот город в плане имеет круглые очертания, что связано с местной бактрийской традицией. Он окружен необычайно мощными сырцовыми стенами, многократно подновлявшимися и утолщавшимися. Площадь города внутри стен 18 га. Она перепажана и культивируется в течение длительного времени, что не позволяет прочесть планировки города по его микрорельефу. Раскопками были вскрыты главным образом слои позднекушанского времени. Город был центром сельскохозяйственной территории. Вокруг него расположены многочисленные руины небольших сельских поселений греко-бактрийского, кушанского и средневекового времени, однако на территории города средневековые слои обнаружены только на его цитадели. Жизнь на основной части поселения, вероятно, прекратилась с приходом эфталитов.

С 1970 г. район основных раскопочных работ экспедиции переместился к северо-западу от Шебергана, в пустынные земли между городами Акча и Фарукабад Балхской провинции. Здесь был обнаружен древний оазис эпохи бронзы, ахеменидского и античного времени, включавший большое количество разнотипных поселений и могильников. Одновременно продолжались разведки с вскрытием площадей и со стратиграфическими разрезами в соседних районах. Это дало возможность выявить четыре оазиса эпохи бронзы: Давлетобадский, Дашлинский, Ничкинский и Фарукабадский — и воссоздать довольно сложную картину жизни земледельческих племен Северного Афганистана в эпоху бронзы и раннего железа¹³. Особенно большие раскопочные работы проводились в Дашлинском оазисе, расположенном примерно в 30 км к северу от г. Акча и примерно на таком же расстоянии от р. Амударьи. Здесь была вскрыта часть укрепленного поселения Дашлы 1 с мощными оборонительными стенами, имевшими массивные округлые башни и сплошную жилую застройку внутри поселка. До работ Советско-Афганской экспедиции поселения эпохи бронзы не были известны совсем на территории Северного Афганистана. Сейчас в результате широко поставленных раскопок там не только стали известны жилые поселки типа Дашлы 1, но и выявлены особые дворцово-культовые сооружения, имевшие общественное назначение, как, например, круглый храм Дашлы 3, вокруг которого широким поясом располагалось множество помещений, как бы окружавших центральный храм тремя кольцами. Это были жилые помещения, весь комплекс которых, в свою очередь, был окружен наружной оборонительной стеной. В самом центре круглого храма, стены которого имели выступающие башенки, помещался, возможно, алтарь, где сжигали жертвенных животных. Общие планировочные принципы этой постройки и ее архитектурное оформление находят аналогии в культовых зданиях Северной Месопотамии. Рядом с круглым храмом, на соседнем холме, находилось второе монументальное здание. В центре его был прямоугольный двор 38×40 м, а по сторонам двора тянулся коридор, с которым были соединены перпендикулярные ему Т-образные коридоры и большие помещения, расположенные между коридорами. Алябастровая мозаика, пилястры у стен и другие особенности архитектурного оформления и планировки здания позволили предположить его дворцово-культовое назначение.

К концу II тысячелетия до н. э. здание уже не функционировало. На его руинах появился небольшой поселок земледельцев, устроивших некрополь на месте круглого храма, к тому времени уже заброшенного.

Сравнение памятников Бактрии эпохи бронзы с открытыми археологами памятниками Маргианы того же времени показало необычайную близость материальной культуры этих двух культурных областей, что

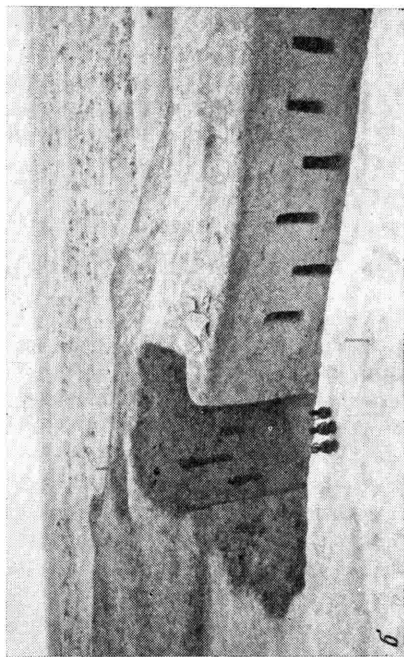
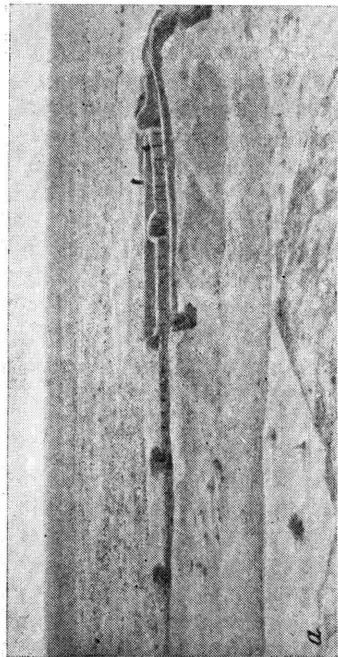
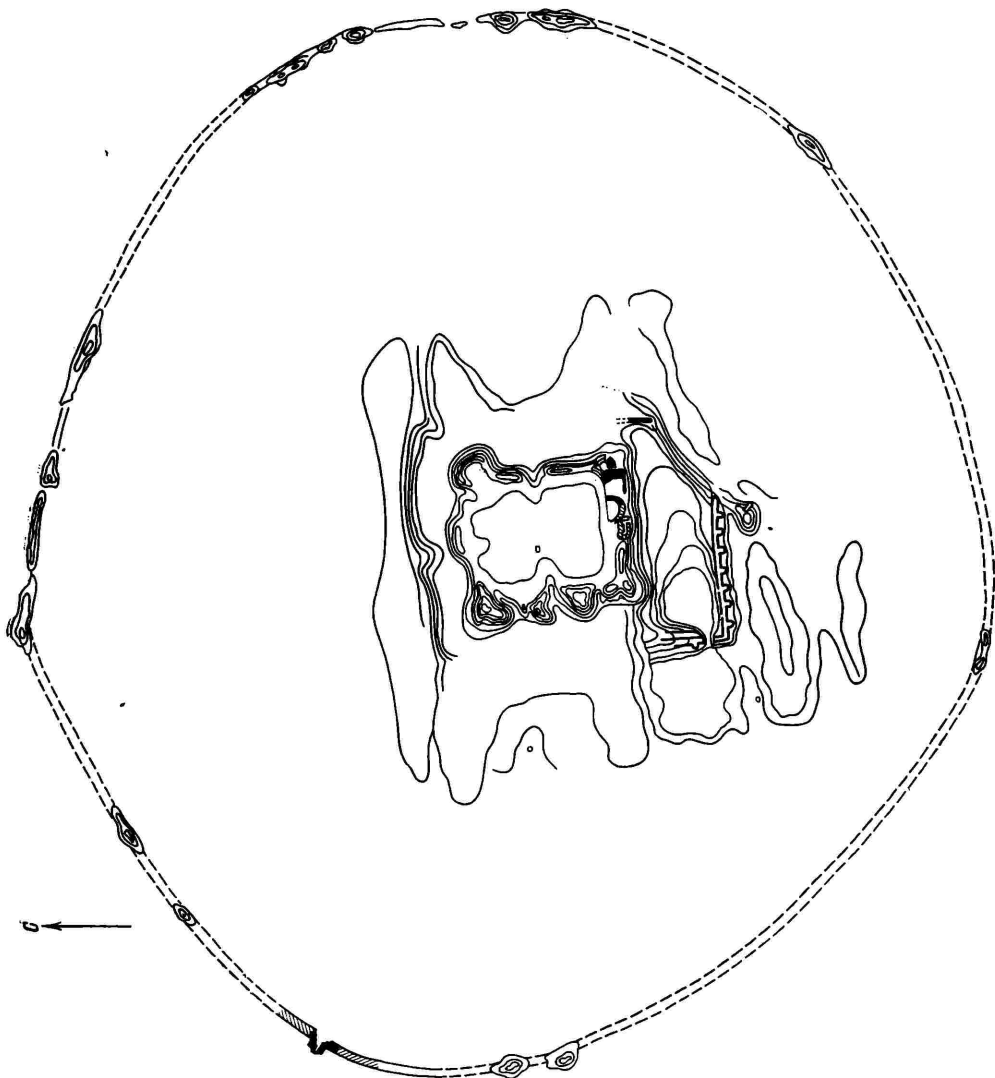

Рис. 2. Раскопки оборонительной стены

а — общий вид; б — деталь

Рис. 1. План городища Алтын Дильбер-тепе

позволило В. И. Сарияниди высказать предположение об единстве бактрийско-маргианского археологического комплекса этого периода.

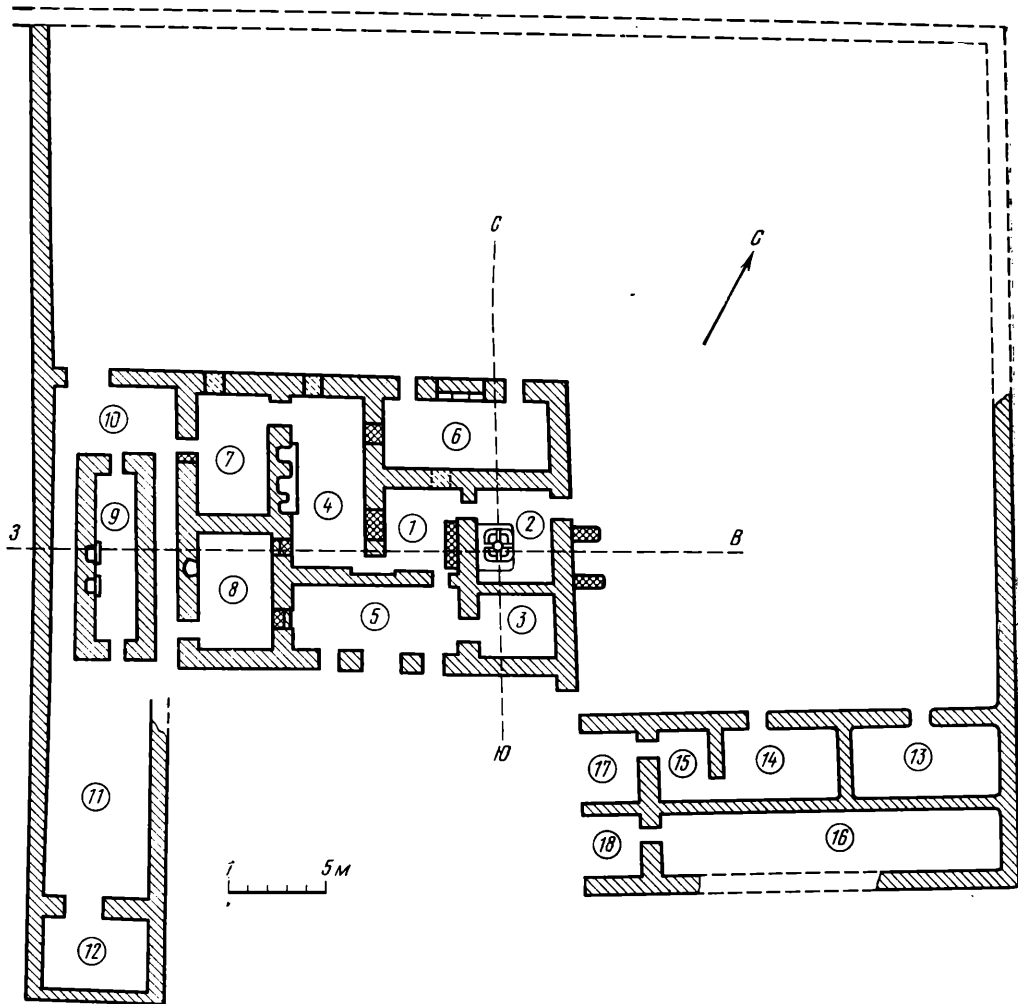
Еще менее, чем о памятниках эпохи бронзы, до работ Советско-Афганской экспедиции было известно о культуре Южной Бактрии при Ахеменидах. Нигде на территории Афганистана не исследовались памятники ахеменидского времени.

Рис. 3. Культурное здание Алтын-Дильер II

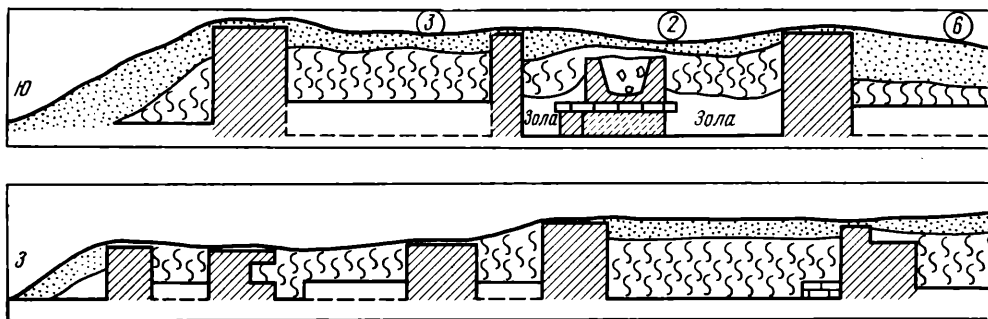
А — план; Б — разрезы

а — пахсовые стены; б — кладка из сырцовых кирпичей; в — закладки из пахсы; г — завал; д — песок; е — номер помещения

А

Б

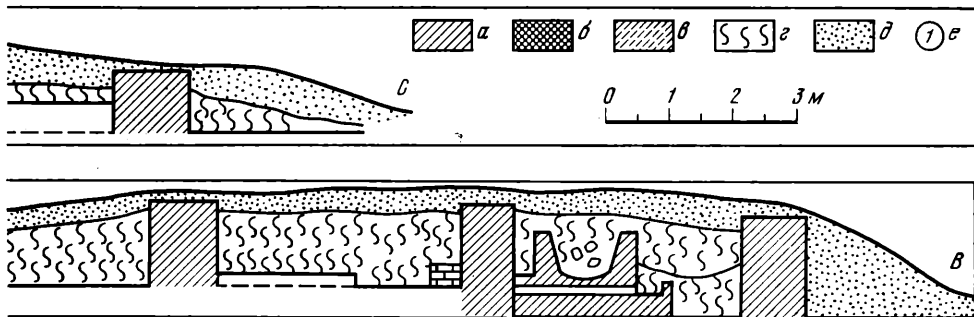

Отрядами экспедиции под руководством В. И. Сарияниди и З. Хакимова было обнаружено и раскапывалось несколько поселений и отдельных монументальных сооружений ахеменидского периода. Среди них крупное поселение Алтын-Дильер, отождествляемое Э. В. Ртвеладзе с бактрийским городом Аорном, упоминаемым Аррианом (Анабасис, III, 29, 1) ¹⁴.

Городище Алтын-Дильер-тепе расположено в пустыне к северу от г. Балх, на древнейшем караванном пути, который вел из Южной Бактрии через р. Окс в Северную Бактрию и Согд. Это — огромное городище, диаметром около 600 м, обнесенное оборонительной стеной с башнями. В центре его находится прямоугольная в плане цитадель площадью около 3 га со сложной фортификационной системой, включавшей два ряда стен с башнями. Раскопки З. Хакимова в 1977 г. уточнили план городища (рис. 1), выявили часть внешней оборонительной стены цитадели, имевшей внутреннюю галерею и полукруглые башни, выступающие вперед через интервалы в 7—8 см. Расстояние между внешней линией обороны цитадели и основной ее стеной с большими круглыми башнями, ограждавшей самую верхнюю прямоугольную часть цитадели, более 50 м (рис. 2). Сохранились следы многочисленных перестроек и забутовок, свидетельствующие о длительности функционирования укреплений. Жизнь в городе, по-видимому, прекратилась в конце ахеменидского периода, может быть, при вторжении войск Александра Македонского.

В том же году З. Хакимов произвел раскопки большого культового здания, расположенного вблизи Алтын-Дильера к юго-востоку от него. Этот комплекс культовых помещений еще полностью не раскопан. Его общая площадь была около 50×50 м (рис. 3). Вскрыто 16 помещений, в том числе компактная группа из 10 помещений, расположенных в средней части всего комплекса. Вход в это здание был оформлен двумя колоннами из сырцовых кирпичей. Из айвана, куда попадал входящий, минуя колонны входа, вели дверные проемы в помещения, расположенные за его тремя стенами. Все помещения были прямоугольными и имели различные размеры. Наиболее интересно помещение 2, в которое можно было проникнуть через главный вход и помещение 1, а также со двора, находившегося северо-западнее здания. В помещении 2 находился большой, очень сильно обожженный глинобитный алтарь размером 2,30×1,80 м (рис. 3). Большие размеры алтаря, высота стенок которого достигала 1,25 м, его сильная обожженность позволяют предположить его культовое назначение и связать его с культом огня, а всю постройку — с храмом огня. Очень небольшое количество находок в раскопанных помещениях не противоречит отнесению данного памятника к ахеменидской эпохе, а близость к городищу Алтын-Дильер позволяет связать данный культовый комплекс с городищем.

Совсем иной характер имеют два культовых сооружения, раскопанные В. И. Сарияниди, — Кутлуг-тепе в Фарукабадском оазисе и Ат-Чарпар в Дашлинском оазисе. Архитектура этих круглых в плане построек генетически связана с архитектурой эпохи бронзы, в частности с круглым храмом Дашлы 3, и свидетельствует о сохранении древних архитек-

турных традиций, а вероятно и культовых, в эпоху Ахеменидов. Эти традиции проявляются и в последующие эпохи, и не только на территории Южной Бактрии, где известно круглое городище Емши-тепе, но и в более широком регионе, например Кой-Крылган кала в Хорезме.

Особый интерес вызывают две монументальные вероятно светские, постройки Алтын 10 в Дашлинском оазисе, которые вместе с укрепленным поселением Алтын 1 В. И. Сарияниди считает административно-политическим центром всего оазиса ахеменидского времени¹⁵. Кроме упомянутых памятников, при археологических разведках были обнаружены многочисленные неукрепленные поселения эпохи Ахеменидов, в том числе специализированные поселения гончаров.

Исследования в районе Дашлинского оазиса показывают, что этот цветущий и сильно заселенный в период Ахеменидов край ко времени создания Греко-Бактрийского государства был полностью заброшен. Поселения переместились на расположенные к югу земли. Это было связано с изменением водного режима. Орошаемые каналами, защищенные со стороны пустыни мощной глинобитной стеной¹⁶ поселения античного времени тяготели уже к Балху, являвшемуся центром нового Балхского оазиса и столицей государства.

Заслугой Советско-Афганской экспедиции является открытие участка оборонительной стены Балхского оазиса, длина которой прослежена на протяжении 60 км. Она выполняла, вероятно, те же функции, что и стена Антиоха Сотера в Маргиане¹⁷. За стеной начиналась пустыня.

Ближайшим к стене укрепленным городом, который с 1970 по 1977 г. раскапывала экспедиция, является Дильберджин-тепе. Раскопки его довольно хорошо освещены в литературе¹⁸.

Широкий размах работ позволил восстановить историю города начиная от греко-бактрийского времени и до раннесредневекового периода. Изучены история и конструкции его оборонительных сооружений¹⁹, раскопана значительная часть его цитадели, в нижних слоях которой обнаружены следы поселения ахеменидского времени. В городе раскопано пять святилищ, исследование которых показало наличие в городе приверженцев различных религиозных систем, а также смену культов в главных храмах города в зависимости от смены правящих династий. Почитание греческих божеств — Диоскуров уживалось, по-видимому, с поклонением местным божествам, например богине Анахит, буддийский храм существовал одновременно со святилищем Геракла²⁰, с династийным кушанским культом и с индуистским культом Шивы. Даже в кушано-сасанидское время в изображении местного женского божества прослеживаются черты и атрибуты греческой Афины. Открытие настенных росписей в храмах и святилищах Дильберджина, относящихся к различным историческим периодам, позволило проследить развитие художественной бактрийской школы живописи²¹, что до раскопок Дильберджина сделать не удалось.

Раскопаны два жилых дома, находившиеся вне городских стен. Они дали образцы крупной богатой и бедной небольшой усадеб, позволили выявить характерные особенности бактрийской архитектуры²².

Жилые постройки на цитадели и в западной части города дали возможность составить представление о городских жилищах рядового населения в позднекушанский и кушано-сасанидский периоды.

Большое значение имеет открытие бактрийской монументальной надписи²³, а также бактрийских курсивных надписей на настенных фресках и на черепках²⁴. Интересны находки глиняных статуй, связанных с буддийским культом и с культурами других божеств. Не меньшее значение, особенно для истории художественного ремесла и культов, имеют многочисленные терракотовые статуэтки, обнаруженные при раскопках. Они показывают наличие в бактрийской корошлястике различных течений, отражающих местные традиции изображения божеств бактрийского пантеона, греко-эллинистические традиции, выражающиеся в трактовке тела, позы, одежды и в наличии образов круга греческой мифологии, а также

влияние индийской культуры, и особенно буддийской религии с ее специфической иконографией и канонами.

Западнее Дильберджина в 1974, 1976 и 1977 гг. исследовалось городище Жига-тепе²⁵, или, правильное, Джагат-тепе, представлявшее собой круглый холм диаметром около 220 м. В центре холма был бугор, скрывавший руины укрепленной цитадели. Вокруг цитадели концентрировались постройки. Городище было окружено широким рвом. Вокруг него простиралась неукрепленная часть поселения из отдельно стоящих домов-усадеб. В целом поселение занимало площадь 1×0,6 км. Прослежена сеть арыков и каналов, около которых концентрировались постройки.

Раскопки на цитадели показали, что мощность культурного слоя достигает 14 м. На цитадели было расчищено около 50 помещений, находившихся в различных строительных горизонтах. Обнаружено 5 строительных горизонтов. Верхний из них относится к V в. н. э., датировка нижнего пока не ясна. Г. А. Пугаченкова относит его к греко-бактрийскому времени. Она датирует круглое здание, стены которого расчищали в 1974 г., III в. до н. э. В. Н. Ягодин, основываясь на находке в 1977 г. в нижележащем слое монеты Варахрана IV, считает его принадлежащим к совсем иной эпохе — к концу IV — началу V в., а прямоугольное здание, часть которого он обнаружил под круглой постройкой, он относит ко времени Варахрана IV. Таким образом, датировку напластований цитадели еще следует уточнить после обработки всего массового материала.

Раскопки вне укрепленной части поселения обнаружили большой сельский дом конца IV—V в., имевший более 11 помещений.

Одновременно с раскопками и широкими маршрутными разведками экспедиция занималась изучением исторической топографии Балха. В 1974 г. А. Мухтаров собирал в Балхе средневековые эпиграфические памятники, разыскивал и изучал неопубликованные рукописи, хранящиеся в частных архивах и мечетях, собирал различные предания. Это нашло отражение в его монографии²⁶.

Как показывают уже опубликованные и частично еще не нашедшие отражения в литературе материалы Советско-Афганской экспедиции, круг изучавшихся ее сотрудниками вопросов был очень широк. Работы А. В. Виноградова впервые позволили нарисовать картину развития северных областей Афганистана в период каменного века. Открытые им стоянки периода мезолита значительно удревняют историю населения этих районов. Исследованные В. И. Сарияниди памятники эпохи бронзы дали совсем новый аспект истории народов Центральной и Средней Азии в III—II тысячелетиях до н. э. Открытие памятников ахеменидского времени вписало новые страницы в историю этого, ранее темного, периода для территории Афганистана. Разнообразие открытых Э. Хакимовым и В. Сарияниди памятников заставляет теперь по-новому взглянуть на культуру древней Бактрии. Работы Г. А. Пугаченковой, И. Т. Кругликовой, Т. Ходжаниязова, В. С. Долгорукова, В. Н. Ягодина и других на памятниках античного времени обогатили науку открытиями великолепных настенных росписей, позволившими впервые проследить развитие бактрийской школы живописи, выявили новые бактрийские города, дав возможность изучить разнообразные оборонительные системы, и дали множество ценнейших находок, характеризующих культуру Южной Бактрии, которая до работ Советско-Афганской экспедиции была очень слабо изучена. Особо следует отметить открытие необычайно богатого царского некрополя на Тилля-тепе. Успехи экспедиции связаны с тем, что в ней впервые в Афганистане осуществились совместные археологические работы, в которых на равных правах приняли участие как советские, так и афганские археологи, без помощи которых экспедиция не смогла бы так успешно проводить свои работы.

¹ С советской стороны в разные годы в работах экспедиции принимали участие: В. А. Башиллов, О. Б. Бабаев,

О. Бердыев, В. П. Бурый, А. В. Виноградов, Ю. М. Десятников, В. С. Долгоруков, В. С. Ерофеев, В. Зверев, И. Т.

- Кругликова, А. М. Мирбабаев, А. М. Мухтаров, В. С. Соколовский, В. И. Саррианиди, Р. Сулейманов, У. Пулатов, С. А. Панарин, Ш. Р. Пидлаев, Г. А. Пугаченкова, Э. Хакимов, Т. Ходжаниязов, В. Н. Ягодин; от Института археологии Афганистана в разные годы участвовали в экспедиции: Асадулло Набизода, Абдулхабиб Азами, Абдулраб Гаус, Абдулкаюм Гулями, Алимухаммед Тауфик, Асаф Шарки, Абдул Гаук, Залмай Хейдери, Мухаммедхабиб Соли, Мухаммед Федомамат, Мухаммед Аджан Наними, Мухаммедтахир Динмухаммед, Мухаммеднаим Гулямджайн Али, Наджибуло Ноэль, Хабибуло Самани.
- ² *Foucher A.* La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila.— MDAFA, Paris, 1942, t. I; *Schlumberger D.* La prospection archéologique de Bactres.— Syria, 26, 1949, N 3—4; *Schlumberger D.* Délégation archéologique à Bactres (1947).— MDAFA, Paris, 1957, t. XV, p. 9—13; *Carl J.* Fouilles dans la site de Shahr-i-Banu et sondages au Zaker-Tépe.— MDAFA, Paris, 1959, t. VII, p. 59; *Hackin J.* Foilles de Kunduz.— MDAFA, Paris, 1959, t. VIII, p. 19; *Schlumberger D.* The Excavation at Surkh Kotal and Problem of Hellenism in Bactria and India.— Proceedings of British Academy, London, 1961, vol. XLVII, p. 77—95; *Bernard P.* Ai Khanum on the Oxus: a Hellenistic City in Central Asia.— Albert Reckitt Archaeological Lecture British Academy. London, 1967; *Bernard P.* et les autres. Fouilles d'Ai Khanoum.— MDAFA, Paris, 1973, t. XXI, I.
 - ³ *Mizuno S.* Haibak and Kashmir-Smast. Kyoto 1962; *Mizuno S.* Dumen Tepe and Lama. Kyoto, 1968, p. 93—108.
 - ⁴ *Barger E.* Exploration of Ancient Site in Northern Afghanistan.— Geographical journal, N 5, London, 1937, vol. XCIII, s. 377; *Barger E., Wright.* Excavations in Swat and Explorations in the Oxus territories of Afghanistan.— MASI, Calcutta, 1941, N 64.
 - ⁵ *Wheeler R. E. M.* Archaeology in Afghanistan.— Antiquity, vol. XXI.
 - ⁶ *Fischer K.* Preliminary remarks on archaeological survey in Afghanistan.— Zentralasiatische Studien. Wiesbaden, 1969, p. 349.
 - ⁷ *Coon C. S.* The seven caves. N. Y., 1957; *Dupree L., Howe B.* Results of an archaeological survey for stone age sites in north Afghanistan.— Afghanistan, 1963, N 8 (2), p. 1—15.
 - ⁸ *Саррианиди В. И.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972.
 - ⁹ *Кругликова И. Т.* Кушанское городище Емши-тепе в Северном Афганистане.— КСИА, 1973, вып. 136, с. 104 и сл.
 - ¹⁰ *Саррианиди В. И.* Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана.— КСИА, 1973, вып. 136, с. 17—22.
 - ¹¹ *Саррианиди В. И., Ходжаниязов Т.* Продолжение работ на Тилля-тепе.— КСИА, 1980, вып. 162, с. 109—118.
 - ¹² *Саррианиди В. И.* Царский некрополь в Северном Афганистане.— Вестн. АН СССР, 1979, № 7, с. 76—88.
 - ¹³ *Саррианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
 - ¹⁴ *Ргвеладзе Э. В.* О местоположении бактрийского города Аорна.— ВДИ, 1982, № 1, с. 149.
 - ¹⁵ *Саррианиди В. И.* Древние земледельцы..., с. 128.
 - ¹⁶ *Кругликова И. Т., Дильберджин. М., 1974; Пугаченкова Г. А.* К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана.— В кн.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 137.
 - ¹⁷ *Массон М. Е.* Маргианская стена Антиоха.— В кн.: Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939, с. 149.
 - ¹⁸ *Кругликова И. Т., Дильберджин; Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А., Дильберджин. М., 1977; статья И. Т. Кругликовой, В. П. Бурого, В. М. Соколовского, Г. А. Пугаченковой, В. А. Лившица, М. И. Воробьевой-Десятовской и др. в книгах «Древняя Бактрия» (М., 1976, 1979). См. также: Krouglikova I. T., Sarianidy V. I. La Bactriane ancienne dans l'optique de nouvelles recherches archéologiques. «Kushan Culture and History». Kabul, 1974, p. 19—42; Krouglikova. Les fouilles de la mission archéologique soviéto-afghane sur le site gréco-kushan de Dilberdjin en Bactriane (Afghanistan). Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1977. Paris, 1977, N 2, p. 407—427. Кругликова И. Т. Дильберджин — кушанский город в Северном Афганистане.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1982, с. 153—175.*
 - ¹⁹ *Долгоруков В. С.* Оборонительные сооружения Дильберджина.— В кн.: Древняя Бактрия. М., 1983, вып. 3.
 - ²⁰ *Пугаченкова Г. А.* Геракл в Бактрии.— ВДИ, 1977, № 2, с. 61 и сл.
 - ²¹ *Бурый В. П.* Технично-технологические особенности монументальной живописи Дильберджина (к вопросу о развитии монументального искусства древней и раннесредневековой Бактрии): Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ташкент, 1982.
 - ²² *Пугаченкова Г. А.* Большой дом.— В кн.: Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин, с. 5—60 и 91—103.
 - ²³ *Лившиц В. А., Кругликова И. Т.* Фрагменты бактрийской монументальной надписи из Дильберджина.— В кн.: Древняя Бактрия. М., 1979, вып. 2, с. 98.
 - ²⁴ *Лившиц В. А.* Два острака из Дильберджина.— В кн.: Древняя Бактрия, 1979, вып. 2, с. 95; *Воробьева-Десятовская М. И.* Надпись брахми из Дильберджина.— В кн.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 170.
 - ²⁵ *Пугаченкова Г. А.* Жига-тепе (раскопки 1974 г.).— В кн.: Древняя Бактрия, вып. 2, с. 63—94.
 - ²⁶ *Мухтаров А. М.* Позднесредневековый Балх. Душанбе, 1980.

МАТЕРИАЛЫ СОВЕЩАНИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ «НЕОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Н. Я. МЕРПЕРТ

«НЕОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ (некоторые моменты разработки проблемы в зарубежной науке)

За 57 лет своего существования проблема «неолитической революции» претерпела ряд существенных изменений. Они коснулись и фактологической базы, и географических и хронологических ее рамок, и широты подхода к ней, и использования при ее разработке данных различных наук — как гуманитарных, так и естественных, и акцентировки основных моментов проблематики, и, главное, определения, анализа и всестороннего осмысления основных сторон огромного по своему значению исторического явления. Проблема стала чрезвычайно многосторонней. И это совершенно закономерно. В этой связи следует подчеркнуть, что если сам переход от присваивающей к производящей экономике явился важнейшим фактором человеческой истории, то осознание его как особой проблемы стало крупнейшим вкладом в археологическую проблематику и в самый ход археологического, да и не только археологического, исследования древнейшего прошлого человечества.

Ближний Восток — один из основных первоначальных центров «неолитической революции». С ним связано возникновение и этого термина, и самой проблемы. Материалы Ближнего Востока привлекались на всех этапах ее разработки в первую очередь. Они использовались и при создании основных связанных с ней теорий. Именно эти материалы наряду с материалами Мезоамерики привлекаются для определения общих закономерностей «неолитической революции» и своеобразия ее в конкретных регионах, ее периодизации, механики и места в историческом процессе. Многосторонность проблематики представлена в материалах Ближнего Востока во всей своей полноте.

В советской археологической литературе как общая проблематика «неолитической революции» на Ближнем Востоке, так и ряд конкретных ее вопросов нашли освещение и развитие в ряде работ В. С. Титова, В. М. Массона, Б. В. Андрианова, Г. Н. Лисицыной, С. А. Семенова, Р. М. Мунчаева, В. А. Шнирельмана, Н. О. Бадера и др.¹ В них достаточно четко поставлены вопросы о роли комплекса предпосылок, как природных, так и культурных, в самом процессе и механизме перехода к производящему хозяйству. Значительное внимание уделено в них и ряду других сторон проблемы: этапам «неолитической революции», специфике ее в отдельных регионах, экономическим, социальным и культурным ее последствиям и т. д. В силу этого в настоящей статье я кратко остановлюсь лишь на самых общих этапах осмысления проблемы, обратившись прежде всего к работам зарубежных исследователей.

Но предварительно в тезисной форме следует осветить вопрос об историко-археологическом фонде проблемы. В момент ее возникновения фонд собственно археологических источников был минимален. Сами постановка и обоснование проблемы были обусловлены достижениями палеобиологии, прежде всего трудами Н. И. Вавилова. Вместе с тем они были связаны с традициями построенных на этнографических данных культурно-эволюционных схем XIX в., восприняв и сильные и слабые их стороны. Накопление огромного материала, начиная с 40-х годов, прежде всего в результате специальных исследований по разработке проблемы полевых исследований, привело к созданию значительного и всевозрастающего фонда источников, который требует постоянного пересмотра и анализа, определенной селекции, оценки роли конкретных явлений в рассматриваемом процессе, принадлежности их непосредственно к периоду «неолитической революции» или к определенным ступеням обусловленного ею дальнейшего развития, хронологического и исторического соотношения между ними. Ряд моментов подлежит еще здесь серьезному обсуждению, а отдельные заключения неоднократно менялись. Территориальные рамки проблемы заметно расширились, охватив Восточное Средиземноморье, Южную Турцию, Северную Месопотамию, ряд районов Ирана, Закавказье. Нижняя хронологическая граница отодвинулась до рубежа IX—VIII тысячелетий до н. э. Отдельные памятники и целые культуры перемещены с одной ступени процесса на другую, хронологическое же их соотношение до сего времени вызывает заметные разночтения². Все это вызывает необходимость дальнейшего историко-археологического анализа, предельного уточнения места конкретных явлений в ходе «неолитической революции», от чего зависит и само ее осмысление.

До 1925 г., когда В. Г. Чайлд особо подчеркнул роль перехода к производящей экономике и впервые ввел само понятие «неолитической революции»³, явление это мало привлекало внимание археологов как фактор человеческого развития, на тысячелетия определивший судьбы экономики и культуры. В. Г. Чайлд, следовавший в основном упомянутым культурно-эволюционным схемам, обратился к вопросу о воздействии производящего хозяйства на весь строй жизни охотников и собирателей Европы периода дикости. Источник этого явления он видел на Ближнем Востоке. Здесь он искал возможный центр происхождения производящей экономики, из которого она диффузионировала в Европу за тысячелетия до условного начала древней истории. Этот выдающийся ученый располагал тогда весьма ограниченным фактическим материалом и основывался в значительной мере на своих огромных знаниях и способностях научного синтеза и предвидения.

В данном случае синтезом соответствующих представлений В. Г. Чайлда явилась «оазисная теория». Согласно ей, с отступлением ледника — около 10 000 лет до н. э. — дожди, увлажнявшие некогда Северную Африку и Аравийский полуостров, передвинулись севернее, к Европе. Это привело к иссушению большей части Ближнего Востока. Иссушение и явилось стимулом для перехода к производящему хозяйству. В поисках пищевых ресурсов население группировалось теперь в оазисах, где естественная концентрация растений, животных и людей привела к своего рода симбиозу, к трехстороннему взаимодействию, завершившемуся domestikацией.

При своей несомненной логичности «оазисная теория», по сути дела, априорна и может рассматриваться как выразительный пример географического детерминизма. Дальнейшие исследования не подтвердили ни связи древнейших очагов domestikации с намеченными В. Г. Чайлдом оазисами, ни наличия значительного иссушения в конце плейстоцена. Однако теория имела своих приверженцев и дожила до 1950 г., когда по отношению к Иерихону ее упорно защищала К. Кенион⁴ в дискуссии с Р. Брейвудом — создателем новой теории, явившейся следующей ступенью в осмыслении условий и механизма перехода к производящему хозяйству.

Основываясь уже на результатах целенаправленных полевых исследований, прежде всего в Курдистане, Р. Брейдвуд оспорил теорию В. Г. Чайлда об определяющей роли климатических сдвигов. В переходе к производящей экономике он видел результат «возросшей в определенный момент культурной дифференциации и специализации человеческих общин»⁵, т. е. социально-экономического и культурного развития, достигнутого конкретными коллективами. Правильно подчеркивая роль технико-экономического фактора, Р. Брейдвуд считал наиболее действенным проявление его на оптимальном экологическом фоне, т. е. в областях естественного обитания и наибольшей концентрации диких предков растений и животных, domesticированных в процессе «неолитической революции». В самом этом процессе он выделял два различных уровня производящей экономики и развития в целом: эру первоначальной культивации и доместикиции (первые опыты воздействия человека на природу, искусственный перенос растений, прежде всего злаков, за пределы их естественного ареала, специализированная охота и пр.) и эру первичных деревень (завершение доместикиции, формирование новой системы экономики и воздействие ее на все основные стороны человеческой жизни). В конкретных коллективах эти эры, естественно, развивались неодновременно, но в целом они не обязательно следовали одна за другой. Здесь предполагается мозаичная взаимозависимость между различными по характеру развития группами, прежде всего между оседлыми земледельцами и подвижными скотоводами. Развивая эту мысль Брейдвуда, К. Ламберг-Карловский писал: «С древнейших времен ближневосточная пищевая экономика поддерживала две различные культурные модели: оседлых земледельцев и кочевых скотоводов. Взаимодействие между ними представляет один из лейтмотивов ближневосточной цивилизации. Это взаимодействие связано с определенной враждой и предубеждением, но оно же символично во многих отношениях, поскольку оседлые и кочевые группы связаны многочисленными каналами обмена»⁶.

В качестве оптимальной области процесса первичной доместикиции Р. Брейдвуд рассматривал холмистые фланги Загроса, в которых видел «основное ядро» («nuclear area»), давшее начало распространению производящего хозяйства.

Полностью признавая значение теории Р. Брейдвуда как весьма значительного этапа в исследовании рассматриваемой проблемы, подчеркну, что ныне нельзя уже говорить ни о едином факторе, определившем переход к производящей экономике, ни о едином территориальном его ядре, даже в пределах конкретного ближневосточного центра. Сомнению подвергся и тезис об оптимальной области процесса. После известного эксперимента Д. Харлана, показавшего большую продуктивность собирательства диких злаков⁷, появилось мнение, что процесс доместикиции стимулировался не столько в центре областей естественного распространения диких съедобных растений, сколько на окраинах таких областей, где естественных пищевых ресурсов не хватало и возникла необходимость искусственного их умножения.

Само возникновение подобной необходимости неизбежно связывается с кризисными явлениями, порожденными либо естественными, либо антропогенными факторами, либо, наконец, сложным сочетанием тех и других. И естественной следующей ступенью в разработке нашей проблемы стал экологический подход к вопросу о происхождении производящего хозяйства⁸. К. Соер, а позже Л. Уайт рассматривали этот процесс как изменение в адаптации, изменение в характере взаимодействия между культурой и средой, вызванное либо климатическими катаклизмами, либо ростом народонаселения, превышавшим возможности естественных пищевых ресурсов определенных областей⁹.

Дальнейшее развитие эти положения нашли в работах Л. Бинфорда¹⁰. Этот исследователь постулировал, что общество охотников и собирателей определенным образом регулирует демографию, сохраняя соответствие ее природным ресурсам. Однако для конца плейстоцена он предположил

быстрое нарушение такого равновесия, вызванное резким ростом населения на базе широкого использования водных ресурсов и обусловленной им оседлости. Рост населения вызвал миграции из прибрежных районов во внутренние области. Это, в свою очередь, вело к демографическому давлению в областях распространения диких съедобных растений и вызывало дальнейшие миграции, уже в окраинные районы, где полуоседлые группы мигрантов вынуждены были прибегнуть к совершенствованию адаптации и выработке новой технологии, чтобы избежать голода. На этих окраинах создались «зоны адаптивного напряжения», с которыми и связано начало земледелия.

Однако основные положения этой гипотезы остаются априорными. Ни движение населения во внутренние области, ни демографическое давление в прибрежных районах никаких фактических доказательств пока не имеют. Сам Л. Бинфорд убеждает читателей в том, что они должны быть найдены в будущем. Но можно согласиться с французским исследователем Ж. Ковэном, иронически заметившим по этому поводу: «„Модель“ перерастает здесь в пророчество»¹¹.

Стремление избежать односторонности и охватить проблему с максимальной широтой характерно для работ К. Флэннери, последовательно дополняющих и развивающих предложенные гипотезы, а в определенных случаях пересматривающих и изменяющих их. Свое построение К. Флэннери пытается обосновать системой последовательных экономических моделей, отражающих совершенствование использования природных ресурсов и прежде всего усиление преобразующего фактора в этом процессе, ведущем к производству пищи. Основное внимание концентрируется здесь не столько на причинах, сколько на самом механизме перехода к производящей экономике.

Надо отметить, что выделяются два типа теорий, касающихся этого направления исследований. Первый тип предполагает осознанное воздействие человека на животных в экономических, религиозных и культурных целях. Пример тому — утверждение Ф. Цейнера, что «social relationships» между людьми и некоторыми дикими животными неизбежно приводит к «symbiotic relationship», результатом которого является domestикация¹². Теории второго типа подчеркивают определяющее значение среды и адаптации в определенной экосистеме как основных факторов domestикации. К этому типу могут быть отнесены теории Р. Брейдвуда, Л. Уайта, в известной мере Л. Бинфорда и большинства других специалистов по древнейшим периодам развития производящей экономики на Ближнем Востоке. К их числу должен быть отнесен и К. Флэннери¹³. Отмечу три значительных тезиса. Первый: еще в период верхнего палеолита в обществе охотников и собирателей наметилась тенденция к заметному расширению и совершенствованию использования природных ресурсов («революция широкого спектра»), связанным с определенным техническим прогрессом. В результате численность населения заметно возросла еще до перехода к производящему хозяйству. Второй тезис: переход этот произошел в окраинных районах горных областей Ирана, Ирака и Турции и на лесистых плато Палестины. Третий тезис: с самого начала следует говорить о полицентризме процесса перехода к производящему хозяйству.

Весьма важным представляется положение К. Флэннери о много-ресурсности присваивающего хозяйства и об использовании различных экологических ниш в разные сезоны. Особо подчеркивается, что адаптация касалась не единой специфической среды, а определенных растений и животных, обитавших в различном окружении, в нескольких экологических нишах. Дабы с должной полнотой использовать эти ресурсы, стали необходимы сезонные передвижения и определенная их регламентация. Именно дифференцированная и регламентированная эксплуатация пищевых ресурсов различных экологических ниш характерна для начального периода культивации и domestикации. Она привела к заметным изменениям в отношениях между людьми, животными и растениями, обитавшими в различных биотопах. С ней же связаны и первые опыты перенесения диких

растений в новые биотопы, что способствовало естественному отбору, а в дальнейшем и бессознательному искусственному отбору с созданием особых популяций.

Большое значение придает К. Флэннери данным роста населения на окраинах «оптимальных районов», где увеличение продуктивности использования пищевых ресурсов требовало максимальной человеческой активности, приведшей в конце концов к возникновению земледелия. Определенную роль сыграли здесь климатические колебания в конце плейстоцена: К. Флэннери признает их значение для определенного расширения зоны произрастания диких злаков. Но решающими факторами он считает здесь демографическое давление, связанное с «революцией широкого спектра», и наличие технологических предпосылок, обусловивших саму возможность освоения новых территорий с культивацией перенесенных на них растений.

Наконец, принципиальное значение имеет четкий и исчерпывающе аргументированный вывод этого исследователя о наличии ряда центров, в которых независимо складывалась производящая экономика.

С исследованием механизма перехода к производящему хозяйству на Ближнем Востоке связано и выявление еще одного фактора этого процесса. Им было применение огня при загонной охоте, приводившее к сложным и противоречивым процессам как позитивного (обновление травяного покрова, рост поголовья и расширение ареала диких животных, улучшение условий для диких злаков), так и негативного (нарушение стабильности внутри экологических, а следовательно, и среди хозяйственных систем) характера¹⁴. И те и другие сыграли свою роль в процессе перехода к земледелию и скотоводству, при котором использовались отмеченные условия и компенсировалось нарушение стабильности.

Учет и сравнительный анализ как приведенных выше, так и ряда других теорий привели к широко принятому ныне заключению о наличии целого ряда факторов (природного, технологического, демографического и др.), обусловивших переход к производящей экономике. То же следует сказать и о предпосылках этого процесса, связанных с характером адаптации, опытом использования определенных пищевых ресурсов, образом жизни и т. п. Роль и сочетание тех и других в конкретных случаях могли быть различными. По-разному рассматривается и вопрос об их взаимообусловленности (Т. Линч, Г. Райт, Ф. Смит, Т. К. Янг)¹⁵. Значительный интерес представляет в этом аспекте и упоминавшееся уже исследование Ж. Ковэна, построенное прежде всего на материалах памятников Сирии и Палестины IX—VII тысячелетий до н. э.¹⁶

Ж. Ковэн, принимая основные положения Р. Брейдвуда, К. Флэннери, Т. Линча и других, касающиеся причин, механики и последствий «неолитической революции» на Ближнем Востоке, пересматривает ряд конкретных вопросов, предлагая оригинальные, а в ряде случаев убедительные и остроумные решения их. Прежде всего он отмечает, что синхронизм, долгое время предполагавшийся для возникновения связанных с «неолитической революцией» явлений, таких, как производящее хозяйство, оседлость, формирование деревень, специфические формы искусства и другие, поставлен под сомнение последними открытиями (стационарные поселки с присваивающим хозяйством, временные стоянки с производящим хозяйством и пр.). Поэтому истоки и ход развития каждого из этих явлений должны рассматриваться особо. Всего автором выделено шесть следующих факторов процесса экономической и культурной трансформации на Ближнем Востоке с X по VI тысячелетие до н. э.: 1) выход из гротов и создание открытых искусственных поселков; 2) нарастание стационарности этих поселков; 3) совершенствование архитектурного решения поселков; 4) производство средств существования; 5) эволюция технологии и технические инновации; 6) эволюция идеологии (прослеживаемая по данным искусства и погребального обряда).

Особо подчеркнуто, что каждый из этих факторов должен рассматриваться в теснейшей связи с природной средой, представляющей седьмой

фактор при изучении общего процесса. Взаимозависимость перечисленных факторов не может более утверждаться а priori и должна аргументироваться для каждого случая отдельно.

Первые опыты создания открытых искусственных поселков отмечены Ж. Ковэнном еще для кебарийской культуры на грани верхнего палеолита и мезолита (Ein Guev I), для этого же времени засвидетельствованы и случаи сборов диких злаков (Ein Guev II), причем оба явления здесь не взаимосвязаны. В мезолитической натуфийской культуре известен уже ряд искусственных поселков (Эйн Маллаха, Рош Зин, Рош Хореша, Нахал Орен), однако без следов производящего хозяйства. Автор видит в них сезонные лагеря с относительной еще степенью стационарности (а следовательно, и оседлости населения), крайней примитивностью жилищ и, скорее всего, доземледельческим характером хозяйства. Дальнейшее развитие связывается прежде всего с усложнением поселков, упрочением их стационарности, совершенствованием жилищ и появлением земледелия. Ж. Ковэн отмечает скудость материалов, связанных со следующим за натуфийской культурой периода PPNA (Иерихон А, Мурейбит 2—3, Абу Салем, Нахал Орен, Эль Хиям, Джильгал и др.). Вместе с тем этот период ознаменован явным прогрессом техники строительства, появлением фундаментальных каменных построек (знаменитая иерихонская башня), требовавших «роста коллективизма и организации», заметным ростом и усложнением самих поселков. В конце периода происходит переход от повсеместно господствовавшей ранее круглой формы домов к прямоугольной, допускающей более легкие пристройки, ставшие необходимыми при «усложнившихся семейных структурах».

И к этому же периоду Ж. Ковэн относит возникновение земледелия. При этом он подвергает сомнению безусловность постулата о связи этого явления лишь с окраинными районами «оптимальной зоны», население которых пыталось искусственно создать здесь такое же обилие злаков, как и в ее центре («своего рода ответ с помощью новой стратегии на лагуну природного окружения»). Он иронически замечает, что согласно этому постулату обилие ресурсов, необходимых для перехода к земледелию, исключает его появление, а их отсутствие, напротив, такое появление обуславливает¹⁷. Между тем данные последних исследований, прежде всего палинологических, противоречат этому постулату. Древнейшие находки культивируемых злаков (*Triticum Dicotum*, *Hordeum Distichum*) известны ныне на поселениях PPNA, находящихся в центре «оптимальной зоны» (Иерихон А, Нахал Орен, Мурейбит III B и др.). Они явно предшествуют распространению культивации в окраинных районах, относящемуся уже к периоду PPNB. Причины же перехода к земледелию автор видит не в экономической необходимости и ограниченности возможностей присваивающего хозяйства, а в демографическом давлении, резком росте коллективов и усложнении их социальной структуры. Последнее, по его мнению, было обусловлено высокой продуктивностью присваивающего хозяйства «широкого спектра» и, в свою очередь, вызвало значительную напряженность внутри резко возросших групп. «Специалисты по групповой психологии, — пишет автор, — хорошо знают, что нет другого средства противостоять внутренним конфликтам, вызванным ростом группы, как разрядить напряженность новой практикой»¹⁸. Последней и явилось прежде всего земледелие, потребовавшее в отличие от собирательства диких злаков прежде всего коллективизма, а следовательно, и более высоких форм организации. «Земледелие, — заключает Ж. Ковэн, — в большей степени является формой адаптации человеческого общества к самому себе, нежели к его внешней среде»¹⁹.

Многое в критике Ж. Ковэнном предшествующих построений по рассматриваемой проблематике заслуживает внимания. Правильно подчеркнута и необходимость активизации исследований социального аспекта проблемы, вопросов роста и усложнения структуры коллектива, а также вызванных ими явлений психологического порядка. Но отрицание определяющей роли экономических факторов, обусловивших «неолитическую

революцию» и ее последствия, в том числе и социальные, непропорционально. Автор ссылается на отдельные положения К. Маркса и Ф. Энгельса²⁰, но проявляет здесь определенную непоследовательность, упуская главное для исторического материализма положение об основной движущей силе исторического процесса — развитии производительных сил.

Можно согласиться с Ж. Ковэном относительно того, что ряд явлений, связанных впоследствии с неолитической революцией», имел очень глубокие предпосылки, далеко не всегда развивавшиеся во взаимодействии. Действительно, заметное совершенствование орудий, резкий рост их многообразия и функциональной дифференциации фиксируются уже в верхнем палеолите. Еще раньше, начиная по меньшей мере с начала верхнего палеолита, известны искусственные и, очевидно, достаточно долговременные жилища. С верхним палеолитом связаны и распространение антропоморфной скульптуры, и, наконец, отдельные разрозненные и не имевшие прямого продолжения и решающих последствий опыты регулярных сборов и даже начальной культивации злаков. Свидетельства таких опытов известны сейчас и на Ближнем Востоке и в Северо-Восточной Африке²¹. Все эти явления достаточно важны, их необходимо учитывать. Но вместе с тем необходимо четко сознавать, что все они должны рассматриваться как отдельные инновации внутри системы присваивающего хозяйства, которую они принципиально не меняли. Можно говорить о постепенном количественном росте этих инноваций. В то же время некоторые из них, как уже отмечалось, не получили прямого продолжения, ибо не были обязательной закономерностью в ходе развития присваивающей экономики. «Неолитическая революция» знаменовала качественный скачок в ходе всего социально-экономического развития, создание принципиально новой системы, отмеченной сочетанием ранее разрозненных и не дававших решающих последствий явлений во взаимосвязанный комплекс, обусловивший возникновение новой системы и отражающий уже основные закономерности ее развития. Следует отличать отдельные предпосылки от этого комплекса, представлявшего собой качественно новое явление, изучение которого не может ограничиться изолированным рассмотрением хода развития отдельных слагаемых (хотя последнее и проведено Ж. Ковэном чрезвычайно интересно и убедительно).

Я уделю особое внимание книге Ж. Ковэна как последнему крупному обобщающему исследованию, посвященному рассматриваемой проблеме и критически пересматривающему ряд выдвинутых ранее гипотез. В заключение должен подчеркнуть, что единственно результативными представляются комплексный подход к проблеме, учет и критическая оценка всех основных факторов, определивших сложный и многосторонний процесс перехода к производящей экономике. И только на основе исторического материализма, при последовательном соблюдении его принципов, возможна подлинно научная разработка ключевых вопросов «неолитической революции», ее причин, механики, социально-экономических последствий, места в истории развития человечества. И весьма симптоматично, что к этим принципам обращаются и наиболее значительные из западных исследователей данной проблематики.

¹ *Титов В. С.* Первое общественное разделение труда. Выделение земледельческих и скотоводческих племен.— КСИА, 1962, вып. 88; *Массон В. М.* Поселение Джейтун.— МИА, 1971, вып. 180; *Андрианов Б. В.* Земледелие наших предков. М., 1978; *Лисицына Г. Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978; *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974; *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1984; *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М., 1980; *Бадер Н. О.*

Телль Магзалия — раннеолитический памятник на севере Ирака.— СА, 1972, № 2 и др.

² *Lamberg-Karlovsky C. C., Sabloff J. A.* Ancient Civilizations. The Near East and Mesoamerica. Mehlo Park. California, 1979, p. 62; *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. London, 1976, p. 24, 25.

³ *Childe V. G.* The Dawn of European Civilization. London, 1925; Idem. Man Makes Himself. N. Y., 1951.

⁴ *Kenyon K.* Jericho and Its Setting in Near Eastern History.— Antiquity. London, 1957, N 122.

- ⁵ *Braidwood R. J.* Prehistoric Man. Chicago, 1974, p. 92.
- ⁶ *Lamberg-Karlovsky C. C., Sabloff J. A.* Ancient Civilizations, p. 46.
- ⁷ *Harlan J. R.* A wild harvest in Turkey.— *Archaeology*, N. Y., 1967, N 20(3); *Harlan J. R., Zohary D.* Distribution of wild wheats and Barly.— *Science*, 1966, N 153, NY.
- ⁸ *Шнирельман В. А.* Современные концепции происхождения производящего хозяйства.— *СА*, 1978, № 3, с. 261.
- ⁹ *Sauer C.* Seeds, Spades, Hearths and Herds. Cambridge, Mass, 1952; *White L.* The Evolution of Culture. N. Y., 1959.
- ¹⁰ *Binford L. R.* Post-pleistocene adaptation.— In: *New Perspectives in Archaeology*. Chicago, 1969.
- ¹¹ *Cauvin J.* Les premiers villages de Syrie — Palestine du IXème au VIIème millénaire avant J. C. Lyon, 1978, p. 73.
- ¹² *Zeuner F. E.* History of Domesticated Animals. Chicago, 1963, p. 192.
- ¹³ *Flannery K. V.* The Ecology of Early Food Production in Mesopotamia.— *Science*, 1965, vol. 147, p. 1247—1256;
- Flannery K. V.* Origins and Ecological Effects of Early Domestication in Iran and the Near East.— In: *Domestication and Exploitation of Plants and Animals*. Chicago, 1969; *Flannery K. V.* The Origins of Agriculture.— In: *Annual Review of Anthropology*, 1973, vol. 2.
- ¹⁴ *Lewis H. T.* The Role of Fire in the Domestication of Plants and Animals Southwestern Asia: a Hypothesis.— *Man*, 1972, vol. 7, N 2, p. 195—219; *Шнирельман В. А.* Современные концепции..., с. 262—263.
- ¹⁵ *Шнирельман В. А.* Современные концепции..., с. 263.
- ¹⁶ *Cauvin J.* Les premiers villages...
- ¹⁷ *Ibid.*, p. 73.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. 78.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 76.
- ²⁰ *Ibid.*, p. 76.
- ²¹ *Lamberg-Karlovsky C. C., Sabloff J. A.* Ancient Civilizations, p. 45; *Wendorf F., Schild R.* The Earliest Food Producers.— *Archaeology*, New York, 1981, vol. 34, N 5, p. 30—36.

Н. О. БАДЕР

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОТОВОДСТВА В СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ *

Ближний Восток — один из древнейших центров становления производящих форм хозяйства. История развития земледелия и скотоводства в этом районе не только представляет большой конкретный интерес, но и позволяет понять общие закономерности перехода человечества к производящей экономике.

Новые важные материалы для решения этих вопросов дали работы Советской археологической экспедиции в Ираке, которая начиная с 1969 г. ведет систематические исследования в районе Синджарского хребта¹.

До работ экспедиции первой земледельческой культурой Северной Месопотамии считалась хассунская. Древнейший хассунский материал происходил из нижнего слоя Тель-Хассуны (Ia), который интерпретировался исследователями как остатки временного лагеря охотников и собирателей, характерного для доземледельческого этапа развития экономики. На подгорной равнине Синджара местонахождения хассунской культуры также были древнейшими из известных здесь археологических памятников. Работами Советской археологической экспедиции в этом районе открыты памятники более раннего, до сих пор неизвестного этапа хассунской культуры, который был назван нами этапом Сотто по одному из исследованных поселений этого типа², и раннеземледельческий докерамический памятник VII тысячелетия до н. э. Телль Магзалия. Эти новые материалы принципиально изменили наши представления об истории Северной Месопотамии в период неолита.

Новые памятники находятся у подножия Джебел Синджара, в зоне современного неполивного земледелия. Пыльцевые диаграммы из культурных отложений показывают, что подгорная равнина в то время пред-

* Настоящая работа представляет собой развернутые тезисы доклада автора на заседании Ученого совета Института археологии АН СССР 6 марта 1981 г.

ставляла собой субтропическую полусаванну, а склоны окружающих гор были покрыты мезофильными лесами и ксерофильными редколесьями. Судя по остаткам охотничьей фауны из Телль Магзалии, на подгорной равнине жили большие стада различных антилоп, в том числе джейрана и мелкой газели, встречались бык, кабан, овца, коза и лисица.

Поселение Телль Магзалия, открытое в 1977 г. и затем широко исследовавшееся на протяжении четырех полевых сезонов, расположено в холмистых отрогах Синджара, обрамляющих с севера плодородную лесовую равнину. Поселение находится на правом берегу р. Арбы недалеко от ее истоков. Площадь телля первоначально превышала 1 га. Сейчас он почти наполовину разрушен рекой. Холм высотой более 8 м целиком сложен из развалин глинобитных построек на мощных каменных фундаментах. Вся толща культурных отложений предварительно может быть расчленена на 15 горизонтов, которые, в свою очередь, разбиваются на три больших периода существования памятника.

На уровне третьего-четвертого горизонтов от вершины холма все поселение было обнесено глинобитной стеной на каменном цоколе, претерпевшем несколько перестроек. Камни в ее основании достигают полутора метров в поперечнике. Высота цоколя в отдельных местах приближается к 2 м. На севере поселения обводная стена имеет подковообразный выступ диаметром около 3 м, который образуется фундаментом башни. На западе в стене выявлены входные ворота. Поселение было застроено прямоугольными многокамерными домами. В жилых комнатах прослежены входные двери, небольшие очаги и выгородки для хранения зерна, глиняные лежанки или скамьи вдоль стен. В небольших квадратных или узких вытянутых помещениях, по-видимому, находились кладовые.

Глинобитные дома также ставились на каменный фундамент. Глиняные стены выполнены в технике «tooth». Стены и полы помещений обмазаны толстым слоем гипса. Крыши покрывались камышовыми циновками и также обмазывались гипсом. Большое количество отпечатков циновок найдено на обломках таких обмазок в завалах помещений. Перед одним из домов прослежена обмазанная гипсом площадка, перекрытая навесом. Следы столбов, поддерживавших перекрытие, видны в гипсовой обмазке пола. В ямах столбы укреплялись каменной забутовкой.

В толще отложений древнего поселения найден неолитический могильник с восемью погребениями. Захоронения сделаны в неглубоких ямах, обложенных каменными плитами. Положение костяков скорченное, ориентировка северная или южная. Погребения безынвентарные. Лишь в одном случае у шеи погребенного найдена мраморная бусина.

Поселение существовало без перерывов. Материальная культура из всей толщи отложений характеризуется высокоразвитой техникой расщепления и шлифовки камня и обработки кости. Характерны черешковые наконечники стрел на кремневых пластинах, концевые скребки, угловые резцы, кремневые и обсидиановые жатвенные ножи или вкладыши для серпов, клиновидные шлифованные топоры, костяные ложила, проколки, тонкие иглы с ушком, тщательно обрезанные медиальные части трубчатых костей, которые могли быть костяными рукоятками или звеньями ожерелий, песты и зернотерки из туфа. Геометрические микролиты отсутствуют. Obsидиан, происходящий из местонахождений Анатолии, преобладает над кремнем во всей толще отложений, кроме верхнего слоя.

Керамика отсутствует. Характерны ямы-хранилища. В одном случае глиняное хранилище для зерна примитивной бочонковидной формы было наполнено, о чем можно судить по отверстию для сыпки зерна в его основании. Разнообразны плетения, в том числе отпечатки корзин, каменные и гипсовые сосуды.

Широко распространены глиняные антропоморфные и зооморфные фигурки, но имеются и каменные статуэтки. Великолепно выполнено навершие составного костяного орудия в виде головки газели. Много украшений — каменных бус, подвесок, мраморных браслетов.

В слое найдены три обломка медной руды и медное шило. По определению Н. В. Рындиной, оно сделано методом холоднойковки. Медь также принесена на поселение с севера.

Хозяйство обитателей Телль Магзалии было комплексным: сочетание охоты и собирательства с земледелием и скотоводством. На занятие охотой указывают многочисленные наконечники стрел и кости диких животных, в первую очередь антилопы. По определению Д. В. Гаджиева, бык из Телль Магзалии мог уже быть частично одомашнен, а овца и коза безусловно были домашними. В верхних слоях кости овцы и козы, по-видимому, преобладали. Большая коллекция злаков из слоя, по определению Г. Н. Лисицыной, включает зерна культурного вида ячменя, пшеницы двузернянки, может быть, и карликовой пшеницы, сопровождающих зерновые культуры сорняков.

Поселение Телль Магзалия безусловно экстраординарный памятник, отражающий яркую вспышку в развитии культуры, вызванную переходом к производящим формам хозяйства. Поселение могло возникнуть только на основе производящего хозяйства. Сооружение обводной стены и больших домов требовало высокой организации и совместных усилий всего родового коллектива. Стены вокруг поселения, скорее всего, выполняли оборонительную функцию.

Абсолютная датировка памятника пока неизвестна. Судя по близким аналогиям с соседними датированными поселениями Сирии и Турции, прежде всего Чейеню Тепеси, Телль-Магзалия может быть отнесена к VII тысячелетию до н. э.

Исследование памятников VIII—VII тысячелетий до н. э. показывает, что развитие земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке проходило в различных регионах различными путями³.

В последние годы ряд докерамических и раннекерамических памятников исследован в Северной Месопотамии, в верховьях Тигра и Евфрата. При большом разнообразии, равно как и при заметных влияниях с запада, эти памятники (Абу Хурейра, Букра, Чейеню Тепеси и некоторые более мелкие) проявляют ряд общих черт. Работы на поселении Телль Магзалия, которое находится в центре всего региона, позволяют наметить в Северной Месопотамии новую область своеобразного развития культур, еще один центр возникновения земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке. Особое культурное сходство проявляют Магзалия и Чейеню Тепеси.

Судя по материалам из различных районов Ближнего Востока, первоначальное становление земледельческо-скотоводческого хозяйства прошло по крайней мере три этапа развития. Первый представлен небольшими открытыми стоянками охотников и собирателей конца мезолита — начала неолита (Жарим Шахир). Второй — крупными долговременными поселениями охотников и примитивных земледельцев и скотоводов (Иерихон А, Мурейбит, нижний слой Абу Хурейры⁴, нижний слой Чейеню Тепеси⁵). Их характерная черта состоит в преобладании на поселениях остатков охотничьей фауны над остатками домашних животных и в большом количестве зерен дикорастущих злаков. Зародившееся земледелие и скотоводство не были еще биологически закреплены. Третий, заключительный этап — время окончательного сложения земледелия и скотоводства. При сохранении заметной роли охоты и, по-видимому, собирательства остатки домашних козы и овцы начинают преобладать над дикими животными, широко распространяются зерна культурных злаков, складывается земледельческое хозяйство (Иерихон В, верхние слои Абу Хурейры и Чейеню Тепеси). К этому времени относится и Телль Магзалия, во всяком случае верхняя часть ее отложений.

Все это время памятники тяготеют к холмистым предгорьям и в целом не выходят за рамки зоны естественного распространения диких предков домашних животных и злаков.

Первоначальное освоение земледельцами равнины знаменует конец «неолитической революции» и начало победного шествия производящих

форм хозяйства. С нашей точки зрения, этот момент фиксируется на памятниках типа Сотто, также открытых и исследованных экспедицией. Все они расположены на подгорной равнине и имеют сложившийся земледельческий характер. Охота перестает играть сколько-нибудь заметную роль в добывании пищи. Памятники типа Сотто предшествуют известным хассунским и связаны с ними генетически. Это убедительно прослежено на широко исследованных поселениях Телль-Сотто и Кюльтепе⁶. Близкие аналогии эти памятники находят в соседних поселениях Джезиры (Ярымтепе I⁷, Телюль эт-Телафат⁸, Умм Дабагия⁹, Телль-Хассуна Ia¹⁰) и в Загросе (Али Ага, керамический слой Джармо¹¹). Отдельные близкие аналогии имеют они и в керамическом слое Букры¹².

Культуры Магзалии и Сотто проявляют определенное генетическое сходство и стадияльно, несомненно, сменяют одна другую. Однако прямой преемственности между ними не устанавливается, что может объясняться как заметным хронологическим разрывом между этими памятниками, так и большими изменениями в характере хозяйства. Для окончательного решения этого вопроса необходимы дополнительные фактические материалы.

Таким образом, работами Советской археологической экспедиции выявлен новый район возникновения производящих форм хозяйства в Северной Месопотамии. Исследованные памятники фиксируют принципиальный момент в истории этого процесса. Магзалия относится к завершающему этапу первоначального становления земледелия и скотоводства, конечному этапу «неолитической революции». Памятники типа Сотто — целиком земледельческо-скотоводческие поселения, первые в этом районе поселения на равнине. Выход земледельцев на равнину фиксирует окончательную победу производящих форм хозяйства.

¹ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Ранние земледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.

² Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.).— СА, 1975, № 4.

³ Массон В. М. Средняя Азия и Ближний Восток. М.; Л., 1964.

⁴ Moore A. M. The Excavation of Tell Abu Hureyra in Syria.— PPS, 1975, vol. 41.

⁵ Cambel H., Braidwood R. An Early Farming Village in Turkey.— Scientific American, March 1970.

⁶ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.).

⁷ Башилов В. А., Большаков О. Г., Куза А. В. Древнейшие слои хассунского поселения Ярым-тепе I в Северном Ираке.— СА, 1980, № 1.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.

⁸ Fucal S., Matsutani T. Excavations at Tellul eth-Thalathat, 1976.— Sumer, 1977, vol. XXXIII, N 1.

⁹ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah 1974: a forth preliminary report.— Iraq, 1975, N 37.

¹⁰ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna.— Journal of Near Eastern Studies, Chicago, 1975, vol. IV, N 4.

¹¹ Braidwood R., Howe B. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan.— SAOC, 1960, N 31.

¹² Akkermans P. A., Loon M. N. van, Roerdenberg J. I., Waterbolk H. T. The 1976—1977 Excavations at Tell Bougras.— AAAS, 1978.

Г. Н. ЛИСИЦЫНА

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДЯЩИХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВА В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Процесс перехода от присваивающих форм экономики к производящим, впервые всесторонне рассмотренный Г. Чайлдом на примере археологических материалов оседлых неолитических поселений Египта и Ближнего Востока, получил в специальной литературе условное наименование «неолитического» переворота, «экономической» или «неолитиче-

ской революции»¹. Обращение английского археолога к разработке проблемы становления производящего хозяйства дало толчок к серии целенаправленных комплексных исследований в Евразии и Америке, позволивших выявить и разработать основные аспекты этого исключительного по своей значимости этапа человеческой истории². Важнейшим вопросом в этом плане является реконструкция истории земледелия, начальным моментом которой следует считать первичную доместикацию растений, переход от сбора диких травянистых видов, в первую очередь злаковых, к их выращиванию. Академик Н. И. Вавилов вопросы происхождения основных видов культурных растений неразрывно связывал с историей земледелия, которую он считал одной из главных проблем археологии. Основываясь на всесторонней оценке ботанических материалов из различных стран мира, он конкретно указывал на страны Востока как на важнейшую область, где следует искать «ключи к решению интереснейших агрономических задач, как, например, происхождение земледелия, происхождение культурных растений и животных...»³. Именно на территории Ближнего Востока Н. И. Вавилов выделял один из важнейших очагов древнейшего земледелия, назвав его переднеазиатским⁴. Внутри его им обособлялись три ботанических локуса — в Турции, Закавказье и Северном Иране (Туркмено-Хорасанская провинция)⁵. Лишь частично с рассматриваемой территорией связан Средиземноморский очаг, имеющий самостоятельное значение⁶. Положение Н. И. Вавилова об исключительной значимости Ближнего Востока в истории мирового земледелия нашло полное подтверждение в археологических, палеоэтноботанических, палеозоологических и других материалах, накопленных в последние десятилетия для этого района. Здесь отмечается оптимальное сочетание природных и исторических факторов, необходимых для перехода человеческого коллективов в эпоху неолита от присваивающих типов хозяйства к производящим. К этой области вплотную примыкают и два древнейших в СССР очага производящей экономики — Кавказский и Прикаспийский, что определяет общий повышенный интерес к ней со стороны советских историков древности.

Зарождение земледельческого производства произошло на Ближнем Востоке в VIII—VII тысячелетиях до н. э. в условиях сухого субтропического климата, в общих чертах близкого к современному, на базе богатых ресурсов растительного мира, в локусе сосредоточения максимума его видового разнообразия⁷. Однако вопрос о точной географической локализации пунктов первичной доместикации растений до сих пор остается достаточно сложным. Н. И. Вавилов твердо придерживался мнения, что очаги древнейшего земледелия связаны с горными районами субтропических и тропических областей⁸.

На Ближнем Востоке в качестве одной из оптимальных зон для зарождения производящего хозяйства выделяют так называемую область «плодородного полумесяца», охватывающую примыкающие к горам низменные и холмистые районы, а также горные долины Загроса, Армянского Тавра и Восточного Средиземноморья⁹. Здесь имеет место совпадение ареалов дикорастущих предков основных злаковых и бобовых растений, которые первыми были введены в культуру. Многолетние археологические изыскания привели к открытию на этой территории, а также в ряде сопредельных районов целой серии древнейших оседлых поселений с несомненно земледельческо-скотоводческим укладом хозяйства.

Основными документальными свидетельствами занятия земледелием являются находки растительных остатков, сохраняющихся на древних поселениях в виде карбонизированных зерен и семян, их отпечатков на глине, керамике, обмазке стен и полов, а также в виде ботанической смеси, получаемой в процессе специальной отмывки сырцовых масс, глины, использовавшейся для домостроительства, и культурного слоя, заполняющего жилые и хозяйственные конструкции. Интерпретация этих материалов достаточно сложна.

По-видимому, началу domestikации предшествовал длительный подготовительный период, связанный со специализированным собирательством, нередко проходившим в условиях достаточно прочной оседлости (см. материалы поселения Мурейбит в Северной Сирии)¹⁰. В этом отношении справедливо мнение В. А. Шнирельмана, что «на ранних стадиях domestikации и растения и животные еще ничем не отличались от своих диких сородичей, а по характеру инвентаря невозможно разделить комплексы, связанные с усложненным собирательством и ранним земледелием, которые практически идентичны»¹¹. Так, при практическом отсутствии остатков растений на мезолитических памятниках и в одновременных слоях многослойных поселений для этих археологических комплексов показательны находки жатвенных ножей, предназначенных для сбора растений (возможно, диких злаков, тростника и т. д.), а также каменных орудий для переработки части продуктов сбора — зернотерок, ступок, пестов. Такие находки известны на памятниках натуфийской культуры (X—IX тысячелетия до н. э.), в Зави-Чеми-Шанидаре (IX—VIII тысячелетия до н. э.), Карим-Шахире (VIII тысячелетие до н. э.) и на многих других ближневосточных мезолитических поселениях. Не без основания можно предполагать, что именно при специализированном собирательстве происходил первичный отбор наиболее ценных для человека видов растений. Среди злаков это были прежде всего голо- и крупнозерновые, а также жесткостержневые популяции. Подтверждением этому могут служить одновременные совместные находки на ряде раннеолитических памятников как диких, так и культурных видов одного и того же рода (Иерихон, Бейда, Хаджилар, Али-Кош и др.)¹², среди которых отмечены голозерные формы. Например, в Али-Коше (Южный Загрос, Хузистан) в слоях, относимых к VIII—VII тысячелетиям до н. э., обнаружены дикая пшеница однозернянка (*Triticum baеoticum* Boiss) и ее культурный вид (*Tr. monococcum* L.), дикий ячмень (*Hordeum spontaneum* C. Koch.) и культурный голозерный, многорядный (*H. vulgare* var. *nudum*)¹³. Подобные находки не единичны.

Широкое применение палеозитоботанических методов исследования при археологических раскопках дало в руки биологов и историков древности новый разнообразный и очень ценный материал, который полностью подтвердил научные предвидения Н. И. Вавилова, а в ряде случаев позволил расширить и уточнить его отдельные положения.

Карта географического расположения неолитических поселений Ближнего Востока и соседних районов, а также характер археологических материалов, отражающих культурный аспект отдельных групп населения рассматриваемой территории этого исторического периода, позволяют локализовать здесь семь древнейших регионов становления экономики нового типа: Южноанатолийский, Восточноанатолийский, Восточномедитерранский, Загросский, Месопотамский, Кавказский (точнее, Закавказский или Южнокавказский) и Прикаспийский¹⁴. Выделенные центры безусловно отражают лишь состояние археологических исследований в настоящий момент. Ни один из них не представляет собой строго изолированного очага и не имеет четких границ, более того, нередко эти центры фактически сливаются в единую крупную область, как, например, Загросский и Месопотамский. Выделение центров не означает также, что пространства между ними не были заселены, так как следы жизни человека обнаруживаются повсюду. Археологические факты позволяют считать, что между отдельными коллективами людей, принадлежавшими как к одной, так и к разным культурным общностям, существовали достаточно тесные контакты, предполагавшие постоянный обмен пищевыми продуктами и природными материалами.

Для рассмотрения некоторых вопросов становления земледельческого производства обратимся к одному из интереснейших районов Ближнего Востока — Загросско-Месопотамскому центру. В 1977—1980 гг. Советской археологической экспедицией, ведущей многолетние работы в Синдженской долине на северо-западе Ирака, было открыто и обследовано осед-

лое поселение раннеолитического времени — Телль Магзалия¹⁵. Оно представляет собой искусственный холм площадью до 2 га, при мощности культурного слоя более 8 м, и расположен в холмистых предгорьях Синджарского хребта. В комплексе материальной культуры обнаружено большое количество кремневых, обсидиановых и каменных орудий, среди которых имеются жатвенные ножи, зернотерки, терочники, песты¹⁶. Анализ всех собранных на Магзалии материалов позволил дать общую оценку этого памятника, как характеризующего культуру докерамического неолита с высоким уровнем техники обработки кремня и развитым домостроительством¹⁷. Основным занятием населения этого поселка, по-видимому, были охота, земледелие и скотоводство. Н. О. Бадер проводит сопоставление между Магзалией, Джармо (наиболее полно изученным в палеоэтноботаническом отношении памятником Загроса) и Шимшарой (Магзалия — нижние слои Джармо — нижние слои Шимшары, VII тысячелетие до н. э.), однако оговаривает, что, несмотря на хронологическую и культурную близость, их материальные комплексы нетождественны.

В 1978 г. были проведены специальные работы по сбору растительных остатков на Магзалии, чтобы получить конкретные свидетельства о раннем земледелии и видовом составе древнейших возделываемых культур в Северной Месопотамии. Полное отсутствие находок карбонизированных остатков потребовало широкого применения метода отмывки, при этом полноценные результаты получены только при обработке проб, взятых у очагов. Полученная палеоэтноботаническая коллекция насчитывает около 300 фрагментированных и целых зерен и семян культурных и дикорастущих растений, сильно деформированных под действием воды (табл.). В целом зерна культурных злаков с поселения Магзалия очень мелкие и имеют архаичный облик¹⁸.

Сравнение коллекции из Магзалии с палеоэтноботаническими материалами из Джармо, расположенного в горах Загроса, уже на значительно больших высотах, показывает несомненное сходство в составе основных возделывавшихся злаков (табл.)¹⁹.

Определенную близость по видовому составу коллекция из Магзалии обнаруживает также и с палеоэтноботаническими материалами, полученными для древнейших поселений, расположенных на примыкающей к Синджарскому хребту аллювиальной равнине Северной Месопотамии и относимых к культуре Телль Сотто—Умм Дабагия (архаическая Хассуна) и собственно хассунской (Телль Сотто, Умм Дабагия, Ярымтепе I)²⁰, которые генетически связаны с культурой ранних земледельцев VII тысячелетия до н. э. этой же территории. Не менее интересно и сравнение с коллекциями, известными для памятников более южных районов — Эс-Севвана и Шога Мами²¹.

В VII—VI тысячелетиях до н. э. население Загроса и примыкающей к нему северной части Месопотамии, очевидно, уже достаточно интенсивно занималось земледелием, при этом характерна культивация первоначально трех основных злаков — пшениц однозернянки и двузернянки, а также ячменя, дикие предки которых широко произрастали на большей части Переднеазиатского очага Н. И. Вавилова²².

Палеоэтноботанические исследования на памятниках Северной и Центральной Месопотамии VII—VI тысячелетий до н. э. показали, что расширение состава возделывавшихся злаковых культур происходило за счет гексаплоидных пшениц (мягкой, карликовой, спельты) (табл.). Этот факт очень интересен. Известно, что мягкая пшеница (*T. aestivum* L.) не имеет прямого дикого предка, а образуется в процессе гибридизации диких одно- и двузернянок с эгилопсами²³. С ботанико-географической точки зрения областями происхождения этого вида могли быть Закавказье, Северный Иран и Гималайско-Гиндукушский локус. Загросско-Месопотамский центр не входит в область предполагаемого первичного образования мягких пшениц, но ее древнейшие находки, исключая Кавказ, известны не только здесь, но и в других районах Переднеазиатского

**Палеоботанические находки с памятников VII—VI тысячелетий до н.э.
Загросско-Месопотамского центра ***

Род и вид растений	Магалия, VII тыс. до н.э.	Тель Сого, нач. VI тыс. до н.э.	Джармо, VII тыс. до н.э.	Умм Дабания, VI тыс. до н.э.	Яримтепе I VI тыс. до н.э.	Эс Севан, VI тыс. до н.э.	ШогаМами, VI тыс. до н.э.
Культурные растения							
<i>Triticum</i> sp. — пшеница без видового определения	+	+					
<i>Triticum monococcum</i> L. — пшеница однозернянка	+		+	+	+	+	+
<i>Triticum dicoccum</i> Schrank. — пшеница двузернянка	+	+	+	+	+	+	+
<i>Triticum aestivum</i> L. — пшеница мягкая					+	+	+
<i>Triticum compactum</i> Host. — пшеница карликовая	+				+		
<i>Triticum spelta</i> L. — пшеница спельта					+		
<i>Hordeum</i> sp. — ячмень без видового определения	+	+		+			
<i>H. distichum</i> L. — ячмень двурядный, (плечатый)	+		+			+	+
<i>H. vulgare</i> var. <i>nudum</i> — ячмень многорядный, голозерный	+	+		+	+	+	+
<i>Linum usitatissimum</i> L. — лен	+					+	
<i>Lens</i> sp., <i>Lens esculenta</i> L. — чечевица			+		+		+
<i>Pisum</i> sp. — горох			+		+		+
Дикорастущие растения							
<i>Triticum baeticum</i> Boiss. — пшеница дикая однозернянка			+				+
<i>Triticum dicoccoides</i> Körn. — пшеница дикая, двузернянка			+				
<i>Hordeum spontaneum</i> C. Koch. — ячмень дикий			+	+			+
<i>Hordeum lagunculiforme</i> Bacht. — ячмень бутылковидный					+		
<i>Aegilops</i> sp. — эгилопс	+					+	
<i>Adonis</i> sp. — адонис	+						
<i>Astragalus</i> sp. — астрагал							+
<i>Avena</i> sp., <i>Avena ludoviciana</i> L. — овес дикий	+	+					+
<i>Bromus</i> sp., <i>Bromus danthoniae</i> Trin. — коостер							+
<i>Lathyrus</i> sp. — чина	+	+	+				
<i>Lythospermum arvense</i> L. — воробейник полевой	+						
<i>Lolium</i> sp. — райграс							+
<i>Phalaris</i> cf. <i>paradoxa</i> L. — канарская трава							+
<i>Sueda maritima</i> L. — сведа							+
<i>Capparis spinosa</i> L. — каперсы						+	+
<i>Quercus</i> sp. — плоды дуба			+				+
<i>Pistacea atlantica</i> L. — фисташка			+				
<i>Prosopis stephaniana</i> L. — прозопис							

* Кроме перечисленных в таблице видов и родов, в коллекциях памятников Загросско-Месопотамского центра найдены остатки, принадлежащие семействам Ranunculaceae, Rubiaceae, Caryophyllaceae, Chenopodiaceae, Compositae, Cyperaceae, Leguminosae, Liliaceae, Polygonaceae, Gramineae и др.

очага Н. И. Вавилова. Очевидно, что по имеющимся данным пока невозможно точно определить места ее формирования и пути распространения. Скорее всего, благодаря исключительной экологической пластичности и легкой приспособляемости к самым различным типам климата и почв мягкая пшеница сравнительно быстро распространилась на обширной территории, став основной хлебной культурой земного шара, а вопрос о ее происхождении остается предметом специальных дискуссий²⁴. По своим биологическим свойствам к мягкой пшенице близка карликовая (*Tr. comractum* Host.). Основной ее потенциал установлен в Средней Азии и на Кавказе²⁵. Экологически это типичный злак горных районов, однако находки ее на Ближнем Востоке в целом и в рассматриваемом центре в частности пока единичны и не имеют строгой географической приуроченности.

Достаточно широко карликовая пшеница встречена только в Прикаспийском и Кавказском центрах, что неудивительно, поскольку Н. И. Вавилов считал, что максимум ее разнообразия находится в Афганистане. Низкая продуктивность и склонность к полеганию не способствовали ее широкому распространению²⁶. Интересно отметить, что карликовая пшеница в настоящее время как реликтовый вид сохранилась в культуре только в Закавказье (Армения, Азербайджан) и в Средней Азии, а также в Турции и Афганистане, т. е. в пределах своего древнейшего ареала. Наиболее сложен вопрос о пшенице спелые (*Tr. spelya* L.), поскольку ее определения в древних коллекциях сделаны пока Э. В. Янушевич только для поселений группы Ярымтепе, (Ярымтепе I, II, III) и не имеют никаких материалов для сравнения.

В настоящее время нет точных хронологических данных о начале культивации бобовых, но несомненно, что уже в VII—VI тысячелетиях до н. э. такие растения, как чечевица, горох, вика эрвлия и нут, широко использовались человеком²⁷.

Очень важны также находки на древнейших памятниках Загросско-Месопотамского центра семян льна — *Linum usitatissimum* L. (Магзалия, Эс Севван, Шога Мама).

По мнению Н. И. Вавилова, древнейшей формой земледелия было богарное, неполивное²⁸. Несомненно, что именно эта форма практиковалась в Загросе и в северной части Месопотамии (предгорья Синджара, аллювиальные равнины) в зоне, где среднегодовое количество осадков было не ниже 400 мм в год²⁹. Однако для равнинных районов Г. Хельбек на примере поселения Умм Дабагия допускает развитие земледелия при сознательном использовании паводковых вод, скапливавшихся на пониженных участках рельефа³⁰. Наблюдения, проведенные советскими археологами в Синджарской долине, также позволяют считать, что здесь практиковалось богарное земледелие, но в удалении от гор. Как дополнительный источник воды использовались собиравшиеся в понижениях дождевые и полные воды. Таким образом, первые попытки применения искусственного полива были связаны с использованием естественных водных ресурсов без устройства каких-либо специальных сооружений. На этой базе развивалось земледелие с нерегулярным режимом поливов. Расселение земледельческих племен на юг, в районы, где среднегодовое количество осадков не превышало 200 мм, требовало перехода к регулярному орошению, т. е. к иной системе земледелия. Бесспорные следы применения регулярной ирригации в Месопотамии зафиксированы Дж. Оатс у поселения Шога Мама³¹.

Развитие орошаемого земледелия и ирригационной техники было необходимым условием широкого освоения Месопотамской низменности в VI—V тысячелетиях до н. э. (самарская и хассунская культуры).

Важно отметить, что различия в системах земледелия разных зон Загросско-Месопотамского центра не находят прямого отражения в составе основных возделываемых культур. В 60-е годы Г. Хельбек, основываясь прежде всего на палеоэтноботанических материалах из Эс Севвана, считает возможным назвать триаду мягкая пшеница — шестирядный яч-

мень—лен классической для районов с орошаемым земледелием³². Однако новые материалы, полученные для зоны богарного земледелия Северной Месопотамии, не позволяют с такой определенностью, как это сделано Г. Хельбеком, относить вышеуказанные виды только к искусственно орошаемым областям. Находки на Магзалии свидетельствуют об очень раннем введении в культуру богарных посевов гексаплоидных пшениц, шестирядных голозерных ячменей и льна. При этом использовались далеко не плодородные, маломощные, каменистые почвы плакорных участков, окружавших поселение.

Сравнение основных моментов процесса сложения земледельческого хозяйства в Загросско-Месопотамском центре с другими значительными центрами производящего хозяйства Передней Азии дает в целом однотипную картину. В Южной и Восточной Анатолии памятники VII—VI тысячелетий до н. э. в основном приурочены к межгорным равнинам и предгорным районам (Конийская равнина, долина Алгинова, южные предгорья Армянского Тавра). Первоначально здесь основными возделываемыми злаками была пшеница одно- и двузернянки и различные формы ячменей; возможно, несколько позднее к ним добавились мягкие пшеницы, бобовые и лен³³. Однако не исключено и одновременное введение этого комплекса видов в культуру, что требует дополнительных исследований. Земледелие здесь, как и в горах Загроса (см. коллекцию Джармо), существенно подкреплялось собирательством, для которого имелась прекрасная природная база, поскольку в этой части Передней Азии находится важнейший ботанический локус генетического разнообразия плодовых и орехоплодных растений.

Особое место занимает Восточносредиземноморский центр, природные условия которого имеют ряд специфических черт. Он совпадает с одним из основных ареалов диких пшениц двузернянок и ячменя, и именно эти две злаковые культуры были domestцированы здесь первыми и стали основными на ранних этапах развития земледелия (см., например, палеоэтноботанические коллекции Иерихона, Бейды, Рамада)³⁴, но с VI тысячелетия до н. э. в этих районах уже появляются пшеницы однозернянки, мягкие и карликовые, разнообразные формы ячменя и бобовые. Характерно, что в ранних посевах исключительно важную роль играет двузернянка, в условиях Средиземноморья отличающаяся крупнозерностью. Есть основания считать, что из этого центра она была широко интродуцирована в Южную Анатолию и далее через Эгейский архипелаг на Балканы. По-видимому, крупнозерновые формы двузернянки проникали и в восточные районы, где происходило смешение аборигенных и интродуцированных разновидностей. Пути проникновения в Восточное Средиземноморье мягких и карликовых пшениц пока неясны, но не исключено, что в этом процессе немаловажную роль могло играть Закавказье.

Прямая связь между древнейшими центрами производящего хозяйства и ботаническими очагами Н. И. Вавилова выявляет определенные закономерности в происхождении и эволюции важнейших видов культурных растений. Обращает на себя внимание биологический факт; концентрация генетического разнообразия отдельных растительных видов наблюдается на перифериях их ареалов. Если обратиться к палеоэтноботаническим фактам, то этому имеются подтверждения. В тех случаях, когда собирательская база была исключительно богата не только злаковыми и бобовыми, но и другими травянистыми, кустарниковыми и древесными видами, семена и плоды которых могли употребляться в пищу, не только земледелие, но также садоводство, огородничество и виноградарство развивались неравномерно. Наоборот, на перифериях ботанических локусов возделывание культурных растений шло интенсивно и целенаправленно. Именно здесь внутривидовые мутационные процессы проходили быстрее, приводя к образованию новых, более продуктивных и приспособленных для возделывания разновидностей. Материалы Загросско-Месопотамского центра и особенно новые палеоэтноботанические материалы в этом отношении достаточно показательны.

- ¹ *Childe G.* The Dawn of European Civilization. London, 1925; *Idem.* Man Makes Himself. London, 1939; *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М., 1949; *Он же.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
- ² *Бахта В. М.* К вопросу о структуре первобытного производства.— ВИ, 1960, № 7; *Титов В. С.* Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена.— КСИА, 1962, вып. 88; *Массон В. М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики).— МИА, 1971, № 171; *Cole S.* The Neolithic Revolution. London, 1959; *Mac Neish R. S.* The Origins of American Agriculture.— Antiquity, 1965, vol. 39, p. 154; *Zeist W. van.* Oecologische aspecten van de neolithische revolutie. Groningen, 1969; *Braidwood R. J.* The agricultural revolution.— Scientific American, 1960, vol. 203, 3; и др.
- ³ *Вавилов Н. И., Букин Д. Д.* Земледельческий Афганистан.— Избр. труды, М.; Л., 1959, т. I, с. 45.
- ⁴ *Вавилов Н. И.* Ботанико-географические основы селекции.— Избр. труды. М.; Л., 1960, т. II, с. 42—46.
- ⁵ Там же, рис. 1.
- ⁶ Там же, с. 46—50.
- ⁷ См. подробно: *Butzer K. W.* Climatic change in arid regions since the pliocene.— AZR, Paris, 1961, XVII; *Idem.* Physical conditions in Eastern Europa, Western Asia and Egypt.— САИ, 1970, I; *Zeist W. van, Woldring H., Stapert D.* Late Quaternary vegetation and climate of Southeastern Turkey.— Palaeohistoria, 1975, t. XVII; *Zeist W. van, Bottema S.* Palynological Investigations in Western Iran.— Palaeohistorica, 1977, t. XIX; *Zeist W. van, Woldring H.* A postglacial pollen diagram from Lake Van in East Anatolia.— Review of Palaeobotany and Palynology, 1978, vol. 26.
- ⁸ *Вавилов Н. И.* Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований.— Избр. труды. М.; Л., 1965, т. V, с. 148—151.
- ⁹ *Zohary D.* The progenitors of wheat and barley in relation to domestication and agricultural dispersal in the Old World.— In: The domestication and exploitation of plants and animals (Ed. P. J. Ucko, G. W. Dimbleby). London, 1969, p. 47—66.
- ¹⁰ *Zeist W. van.* The Oriental Institute excavations at Mureybit, Syria: Preliminary Report on the 1965 Campaign. Part III. The paleobotany.— JNES, 1970, 29, p. 167—176.
- ¹¹ *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М., 1980, с. 61.
- ¹² *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеозитоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977, с. 91—97.
- ¹³ *Helbaek H.* Plant collecting, dry-farming and irrigation agriculture in prehistoric Deh Luran. Appendix I.— Memoires Museum Anthropology. University Michigan, Michigan, 1969, I, p. 386, 389—391.
- ¹⁴ *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеозитоботанические находки Кавказа..., с. 31—52.
- ¹⁵ *Бадер Н. О.* Телль Магзалия — раннеземледельческий памятник на севере Ирака.— СА, 1979, № 2; *Мунчаев Р. М., Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии.— Вестн. АН СССР, 1979, 2.
- ¹⁶ *Бадер Н. О.* Телль Магзалия..., с. 127.
- ¹⁷ *Мунчаев Р. М., Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение..., с. 110—112; *Бадер Н. О.* Телль Магзалия..., с. 130—131.
- ¹⁸ Определения Г. Н. Лисицыной и Т. Дмитриевой-Атанасовой (НРБ). Коллекция просматривалась на V палеозитоботаническом симпозиуме в ГДР (г. Халле) в 1980 г. М. Хопф (ФРГ) и В. ван Цайстом (Голландия).
- ¹⁹ *Helbaek H.* Palaeoethnobotany of the Near East and Europe.— In: Prehistoric investigation in Iraqy Kurdistan (Ed. R. J. Braidwood, B. Howe). Chicago, 1960, p. 99—118.
- ²⁰ *Helbaek H.* Traces of plants in the early ceramic site of Umm Dabaghiyah.— Iraq, London, 1972, vol. XXXIV, p. 17—19; определения З. В. Янушевич, Ф. Х. Бахтеева, Г. Н. Лисицыной, Л. В. Леткиной.
- ²¹ *Helbaek H.* Early Hassunan vegetable at Es — Sawwan near Samara.— Sumer, Baghdad, 1964, XX, 1—2, p. 192; *Idem.* Samarran irrigation agriculture at Choga Mami in Iraq.— Iraq, London, 1972, vol. XXXIV, p. 46, 47.
- ²² Пшеницы мира. Л., 1976, с. 13, 17—19, 23—25, 28—31; *Вавилов Н. И.* Селекция на наука.— Избр. труды. М.; Л., 1960, т. II, с. 9. Подробно см.: *Harlan J. R., Zohary D.* Distribution of wild wheats and barley.— Science, N. Y., 1966, 153, p. 1074—1080; *Лисицына Г. Н.* Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тысячелетиях до н. э.— СА, 1970, № 3, с. 58—60; *Bakhteyew F. Kh.* Present Problems of the origin of barley.— Folia Quaternaria. Krakow, 1976, 46, p. 73—81.
- ²³ *Лисарев В. Е.* История мягкой пшеницы.— ВСН, 1961, 4, с. 39—40.
- ²⁴ Пшеницы мира, с. 83.
- ²⁵ *Вавилов Н. И.* К познанию мягких пшениц.— Избр. труды, М.; Л., 1960, т. II, с. 349, 405.
- ²⁶ Пшеницы мира, с. 80.
- ²⁷ *Van Zeist W.* On macroscopic traces of food plants on southwestern Asia (with some reference to pollen data).— Trans. R. phil. Soc. London, 1976, vol. 275, p. 37—38.
- ²⁸ *Вавилов Н. И.* Проблема происхождения мирового земледелия..., с. 151.
- ²⁹ *Guest E. R.* The climat of Iraq.— In: Flora of Iraq, 1966, vol. I, p. 12—21.
- ³⁰ *Helbaek H.* Traces of plants..., p. 19.
- ³¹ *Oates J.* Choga Mami, 1967—68: A preliminary report.— Iraq, London, 1969, vol. XXXI, p. 2, p. 122—128.
- ³² *Helbaek H.* Early Hassunan vegetable..., p. 45—48.
- ³³ *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеозитоботанические находки Кавказа..., с. 92—97, с. 111—114.

⁷⁶ Hopf M. Plant remains and early farming in Jericho.— In: The domestication and exploitation of plants and animals (Ed. P. J. Ucko, G. W. Dimbleby). London, 1969, p. 355—359; Helbaek H. Pre-pottery Neolithic farming at Beid-

ha.— Palestine Exploration Quat., 1966, 98, p. 61—66; Zeist W. van., Bottema S. Paleobotanical investigations at Ramad.— Annual Archeol. Arabes Syriennes, 1966, 16, p. 179—180.

В. С. ТИТОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И НА ЮГЕ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ ¹

Возникновение и распространение земледелия и скотоводства — производящей экономики, — которые на большей части Европы имели место в период раннего неолита, является одним из важнейших событий в древней истории этого континента, определивших ее ход и направление развития на тысячелетия вперед. Действительно, производящая экономика принесла в древнюю Европу новый уклад жизни — сельский, или деревенский, который господствовал здесь вплоть до недавнего времени и который существует и сейчас. Распространение земледелия и скотоводства шло бок о бок с установлением более или менее прочной оседлости — собственно, впервые в истории Европы с увеличением общего количества населения и его плотности и, что не менее важно, с установлением преемственности населения. Прочная оседлость и преемственность способствовали развитию и передаче культурных традиций от поколений к поколению, от одной культуры к другой, и потому рассмотренная ретроспективно история Европы может быть с достаточной четкостью доведена вглубь, именно до времени возникновения и распространения производящей экономики ².

В период раннего неолита в Европе впервые достаточно четко выступают первые крупные историко-культурные общности, которые отражают, видимо, культурную, языковую и даже этническую общность населения, опирающуюся на единство происхождения, единство хозяйственных и культурных традиций.

На значительной части территории Европы распространение земледелия и скотоводства идет рука об руку не только с распространением оседлости, но и с появлением первых прочно построенных домов наземного или полуземляночного типа, с изготовлением орудий с помощью приемов шлифовки и полировки камня, с производством сосудов и других изделий из глины и их последующим обжигом. Все эти явления, которые называют неолитическими, в Европе большей частью распространяются вместе, в виде единого комплекса черт, хотя бывают и исключения, когда одна черта, например оседлость или прочно построенные дома, возникает раньше других, а другая черта, изготовление сосудов из глины, запаздывает. Тем не менее в Европе можно говорить о едином процессе неолитизации — о распространении комплекса черт новой эпохи.

Процесс неолитизации может принимать различные формы, в том числе миграцию неолитической культуры в ранее не заселенную неолитическим населением область, аккультурацию — передачу ряда признаков неолита, неолитических явлений местному населению. Ниже мы попытаемся показать еще одну форму процесса неолитизации, как представляется типичную для него в древней Европе.

Приступая к изучению ранних стадий неолитизации европейского общества, следует напомнить, что огромное большинство материалов, относящихся к периоду возникновения и распространения древнейшего земледелия и скотоводства, было получено лишь в самое недавнее время, в последние 30 лет, пожалуй, лишь с начала 50-х годов³. Этих материалов еще отнюдь не достаточно, чтобы нарисовать полную и исчерпывающую картину. Имеется очень много пробелов и белых пятен, о многом мы можем лишь догадываться. Неизвестного гораздо больше, чем известного, и потому тем строже следует отделять гипотетическое, предположительное от твердо установленного.

Мне уже приходилось в той или иной степени заниматься изучением распространения производящей экономики в Европе⁴, однако новые материалы, полученные европейской наукой в последнее десятилетие, позволяют предпринять сейчас конкретно-историческое исследование процесса неолитизации Юго-Восточной и Средней Европы на основе данных как археологии, так и смежных дисциплин, антропологии, палеоботаники, палеозоологии и др.

Разбор новых работ по проблемам неолитизации, появившихся за последнее время в науке, не может быть проведен в рамках доклада, тем более что это совсем недавно было предпринято А. Бенацем, к работе которого я и отсылаю читателей⁵.

Распространение производящей экономики в Юго-Восточной Европе и на юге Средней Европы прошло ряд этапов, или ступеней. Первая ступень охватывает период докерамического неолита и датируется в основном, видимо, второй половиной VII тысячелетия до н. э. (здесь и далее приводятся радиоуглеродные даты). Эта ступень охватывает, по имеющимся до сих пор данным, лишь крайний юг Балканского полуострова, а именно Фессалию, по крайней мере часть Пелопоннеса и о. Крит. Примечательно, что уже в этот период имеются определенные отличия экономики в материковой Греции и на Крите.

Экономика материковых поселений базируется на земледелии и скотоводстве при незначительной роли охоты. В составе стада резко преобладает мелкий рогатый скот, в земледелии отмечены смешанные посевы с преобладающей ролью в них эммера. Определенную роль играет выращивание бобовых. Говорят о триаде, на которой базируется экономика докерамического неолита Греции, — овца — коза — пшеница (или эммер).

Докерамический неолит Греции лишь довольно поздний и бедный отпрыск длительного и богатого периода докерамического неолита более восточных регионов — Анатолии, Сирии, Палестины, Ирака. Он представлен менее мощными культурными слоями и не показывает ни следов каменной архитектуры, ни оборонительных сооружений, ни святилищ, ни общественных зданий. Более того, до сих пор нет свидетельств развития культуры докерамического неолита во времени. Кратковременность периода докерамического неолита в материковой Греции показана лучше всего в пещере Франхти, где серия радиоуглеродных дат свидетельствует, что докерамический неолит падает на самый конец VII — начало VI тысячелетий до н. э. Для Фессалии этого периода радиоуглеродных определений получено не было.

Каменная индустрия докерамического неолита материковой Греции не является достаточно характерной, и потому хозяйственные особенности этого периода приобретают важную роль в определении генезиса всей культуры. Производящее хозяйство в некоторых районах Ближнего Востока сделало к середине VII тысячелетия до н. э. ряд существенных шагов и добилось известных успехов. Оно прошло путь, насчитывающий более двух тысячелетий; более того, сложился ряд традиций, опирающихся на разные хозяйственные комплексы, на те или иные культурные растения или на тех или иных domestцированных животных. Все это нельзя не учитывать при решении вопроса о происхождении производящего хозяйства в Юго-Восточной Европе.

Есть только две возможности происхождения производящей экономики в материковой Греции: или она возникло на месте, или принесена с востока. Рассмотрим их подробнее.

В Фессалии, где наблюдается концентрация поселений докерамического неолита, нет или почти нет памятников предшествующего периода мезолита. Зато в Южной Греции, в пещере Франхти, раскопаны мощные слои мезолита и даже верхнего палеолита, но и там свидетельства производящего хозяйства, в первую очередь значительные количества костей мелкого рогатого скота, появляются одновременно, внезапно и в очень больших количествах. Та триада, на которой покоилась экономика докерамического неолита Греции, устойчивый комплекс овца — коза — эммер, не могла сложиться в Греции. Основная злаковая культура — эммер не имеет в Греции и вообще на Балканах дикорастущего предка — дикой двузернянки. Более того, мы знаем, что эммер был впервые культивирован уже в конце IX тысячелетия до н. э. в Палестине, т. е. на 2000 лет (и даже более, если учитывать не радиоуглеродную, а календарную хронологию) раньше, чем он появился в Юго-Восточной Европе, и за это время прошел значительный путь.

Никаких предков мелкого рогатого скота в голоценовых отложениях в Европе не найдено. Нет и следов попыток их domestикации. И в Фессалии, и в Южной Греции козы и овцы появляются domestцированными сразу и в больших количествах. Значит, хозяйственный комплекс докерамического неолита материковой Греции складывался где-то в другом месте, а в Грецию был принесен в сложившемся виде.

Но это еще не означает, что в Греции не были сделаны определенные шаги к производящей экономике, чему способствовало наличие дикорастущих предков таких важных зерновых культур, как ячмень и пшеница-однозернянка, на юге Балканского полуострова. По данным раскопок пещеры Франхти мы знаем, что и дикий ячмень, и дикую однозернянку собирали уже чуть ли не в финальном палеолите и, может быть, даже пытались экспериментировать с ней, тем более что едва ли та и другая росли непосредственно у пещеры Франхти на берегу моря. Видимо, обитателям Франхти приходилось совершать специальные экспедиции за этими растениями, как предполагается, например, для обитателей Телль Абу Хувейра в Сирии VIII тысячелетия до н. э. Но видимо, эти шаги к производящему хозяйству не увенчались успехом, а производящее хозяйство было принесено сюда в готовом виде с востока.

Антропологических материалов, которые освещали бы период докерамического неолита в Греции, равно как и предшествующий ему мезолит, до сих пор еще немного. Примечательно, что они не свидетельствуют о появлении на рубеже неолита и мезолита новых антропологических типов в материковой Греции. В пещере Франхти в мезолите представлен долихоцефальный евроафриканский тип, менее грубый, чем натуфийское население Палестины. Видимо, этот же расовый тип сохраняется и в раннем неолите. Вспомним, что именно евроафриканский антропологический тип преобладал среди населения Чатал Хейюка и широко представлен в древней Анатолии. Поэтому если новое земледельческое население пришло из Анатолии, то его приход не мог изменить картины распространения антропологических типов в Греции VII — начала VI тысячелетия.

Второй период распространения и развития производящего хозяйства в Юго-Восточной Европе охватывает первую половину и середину VI тысячелетия до н. э. В это время керамическое производство впервые возникает в Европе. Оно развивается и достигает значительных высот (производство высококачественной расписной керамики типа Протосеск-ло, а также черноверхой и «фарфоровой» посуды). Этот период включает культуру первого периода керамического неолита Южной и Средней Греции, раннекерамический неолит, протосеск-ло. Производящее хозяйство в этот период охватывает уже значительную часть материковой Греции и распространяется вплоть до северных ее районов, но не выходит за пределы областей со средиземноморским (умеренно средиземноморским)

климатом. Можно предположить, что раннеолитическая культура с производящей экономикой в этот период проникает в котловины среднего течения Струмы с их мягким средиземноморским климатом и благоприятными условиями земледелия.

Культура этого второго периода, по всем имеющимся признакам, возникает и развивается на основе культуры предыдущего периода. Большинство памятников Фессалии не показывает никаких стратиграфических разрывов между слоями докерамического и керамического неолита. Столь же плавное идет развитие во Франкхи. Плотность населения становится большей, чем в первый период. Увеличивается количество поселений по сравнению с предшествующим временем во всех областях Греции.

Еще один очень существенный момент: все памятники этого времени в материковой Греции могут быть объединены в одну культурно-историческую общность, несмотря на определенные различия между, скажем, культурой Протосескло Фессалии и культурой I периода неолита Пелопоннеса или той культурой, к которой относится Неа Никомедия в Македонии. Объединяет их в единую общность целый комплекс черт материальной и духовной культуры, равно как и особенностей хозяйственного развития. Называя лишь часть из них, упомянем керамику светлых тонов обжига, достаточно высококачественную, с преимущественным господством сферических и полусферических форм сосудов на низких кольцевых и дисковидных поддонах, роспись (редкую) красной краской по ангобированной или просто более светлой поверхности, специфические черты глиняной антропоморфной пластики, пинтадеры, каменные и глиняные украшения для ушей и (или) губ, отдельно стоящие столбовые дома прямоугольной или квадратной формы, незначительную роль охоты в хозяйстве, большую роль мелкого рогатого скота и пр.

Лишь один памятник второго периода распространения и развития производящего хозяйства в Юго-Восточной Европе позволяет бросить взгляд на антропологический тип носителей этой культурно-исторической общности. Это Неа Никомедия в Македонии, раннеолитические отложения которой в значительной степени могут быть отнесены именно к этой общности. Обитатели Неа Никомедии относятся к евроафриканскому расовому типу и очень близки к обитателям раннеолитического Чатал Хейюка (деривация менее 1%)⁷. Отличия объясняются миграцией и присоединением некоторого числа короткоголовых европейских мезолитических охотников. Антропологи подчеркивают относительную генетическую изоляцию населения Неа Никомедии, средний возраст 30—31 год, хорошее питание и почти полное отсутствие войны в его жизни.

Третий период распространения производящего хозяйства в Юго-Восточной Европе приходится, видимо, на последнюю четверть VI тысячелетия до н. э. или на слегка более раннее время. В этот период производящее хозяйство делает решающий шаг и выходит за пределы лишь средиземноморской зоны. Оно впервые вступает в зону умеренного климата, чему, несомненно, должен был способствовать теплый и влажный климат атлантического периода. Это был очень важный шаг, детали которого еще далеко не ясны. Раннеолитические памятники и группы памятников появляются в долинах Балканских гор, в котловинах и на низких плоскогорьях, а также на юге Карпатского бассейна, на Дунае и его притоках, в районе Железных ворот, на р. Жиу, в Олтении и даже в Трансильвании в районе Клужа. Общей чертой всех этих памятников является керамика — тонкая, высококачественная, обожженная до светлых и красных тонов, часто с росписью белой краской по красному фону, включающей простые геометрические мотивы. Есть и другие керамические группы, в том числе сосуды с орнаментацией защипами пальцев, отпечатками ногтя и (или) кончика пальца. Определенной негативной характеристикой может служить отсутствие темной росписи и барботинной орнаментации.

Эти раннеолитические памятники включают группу Породин в

Пелагонии⁸, раннюю часть овчепольской группы (Анзабегово I и Вршник I), и, что самое важное, ряд памятников, предшествующих собственно старчевской культуре, которые мы назовем здесь Протостарчевом, используя термин, предложенный Д. Срейовичем⁹, хотя и вкладывая в него несколько иное содержание. Типичными представителями Протостарчева для нас являются Гура Бачулуй I, Кырча-Ла Ханурь I—II, нижние слои Окна Сибиулуй, соответствующие им материалы из Доньей Браньевины, Дивостина и других поселений.

Протостарчево было выделено еще совсем недавно, поэтому дать характеристику его экономики довольно затруднительно: определения фаунистических остатков публиковались не по горизонтам, а в целом для памятника, или, в лучшем случае, для отдельных культурных слоев, а определений растительных остатков почти не делалось. Однако то, что сейчас известно для Протостарчева, говорит о некоторых отличиях его экономики от старчевской. Так, Лепенский Вир III (Протостарчево+Старчево II вместе) показал очень значительную роль охоты в хозяйстве его обитателей, равно как и необычайно высокий процент костей крупного рогатого скота¹⁰. Старчевский слой Дивостина (Протостарчево и Старчево) дал свидетельств меньше, чем в раннеолитическом Лепенском Вире, важности охоты, но роль крупного рогатого скота в составе стада столь же значительна (45% всех найденных костей принадлежит крупному рогатому скоту, лишь 43% — мелкому)¹¹. Гура Бачулуй (находки в землянках, 1960 г.) показал большой процент костей домашнего быка (55,11%, или 33,33% по числу особей) и меньший (35,22% всех костей, или 23,81% числа особей) — козы и овцы¹². Вероятно, в недалеком будущем особенности хозяйства Протостарчева будут известны лучше.

Антропологический тип населения Протостарчева известен лишь по немногим находкам. Погребенный в могиле Гура Бачулуй I относится к брахикранному альпийскому типу¹³; неолитические обитатели Лепенского Вира III (Протостарчево и Старчево) принадлежат к средиземноморскому таксону и могут быть подразделены на более сильный и более грациальный варианты¹⁴. Материалы Анзабегова I, хотя и не относятся к собственно Протостарчеву, а представляют самостоятельную группу, могут быть до известной степени привлечены для выяснения антропологического типа населения, принесшего производящее хозяйство в умеренную зону Юго-Восточной Европы. Древние обитатели Анзабегова принадлежат к средиземноморскому или протосредиземноморскому расовому типу, грациальному, подчеркнута долихоцефальность¹⁵. Все эти данные говорят о том, что в антропологическом отношении носители первых земледельческо-скотоводческих культур в умеренной зоне Юго-Восточной и на юге Средней Европы решительно отличались от местного мезолитического населения, которое относилось к оберкессельскому варианту кроманьонского типа, а распространение производящего хозяйства на север сопровождалось сильным смещением, подвижкой населения, проникновением на север носителей разных вариантов средиземноморского или протосредиземноморского антропологического типа.

Протостарчеву, по крайней мере на части ареала его распространения, предшествует культура Лепенский Вир — мезолитическая или даже протонеолитическая, установленная на ряде памятников в районе Железных ворот. Культура Лепенский Вир датируется второй половиной VII — первой половиной VI тысячелетия до н. э.¹⁶ Ее носители сделали ряд важных шагов в направлении неолитизации как в области материальной, так и духовной культуры, они добились более или менее прочной оседлости, опираясь, видимо, на прогрессивную и достаточно гибкую систему хозяйства, которая тем не менее продолжала носить присваивающий характер, строили достаточно прочные и долговременные дома; их поселок достиг значительных размеров (число домов доходит до 30¹⁷, количество населения определяется в 100—150 человек). Но в основе экономики оставалась охота на благородного оленя в первую

очередь и рыбная ловля. Культура Лепенский Вир не могла быть генетическим предком Протостарчева¹⁸. Об этом говорит очень многое: и стратиграфический разрыв между Лепенским Виром II и III, и огромные различия в домостроительстве, в экономике и духовной культуре, в антропологическом типе населения. Если носители культуры Лепенский Вир относятся к кроманьонскому типу, то носители культуры Протостарчество — к грацильному средиземноморскому.

Но может быть, население культуры Протостарчево продвинулось с юга тем самым вардаро-моравским путем, который с легкой руки Г. Чайлда вошел во все популярны работы по древней Европе? Прежде всего о самом пути и о возможности его использования в древности. На основании географических и археологических данных, видимо, следует отказаться от теории его существования, по крайней мере для раннего неолита. Долина Вардара в его среднем течении, видимо, была непроходима для древнего человека, и лишь в новое время там с огромным трудом были проложены шоссейные и железная дороги¹⁹. Югославские археологи предполагают путь по Струме, затем вверх по ее притоку Струмице, чтобы объяснить возникновение овчепольской группы памятников. Но сама овчепольская группа стоит в стороне от основной линии развития и не может считаться предком культуры Старчево. Последняя попадает сюда в готовом виде с севера на ступени Анзабегово II.

Гораздо более вероятным путем, но отнюдь не единственным через Балканы была долина Струмы. Струма течет через ряд котловин с очень благоприятными условиями для земледелия²⁰, которые не могли не использоваться древними земледельцами. Появление памятников Протостарчева на Олте (Кырча, Окна, Сибиулуй) и, может быть, в Трансильвании (Гура Бачулуй) говорит именно о более восточном пути, который мог проходить вверх по Струме (Стримону) в бассейн Софии, а оттуда вниз по Искыру к Дунаю. Но это лишь главный путь, возможны и другие, подтверждения чему находят все более и более. Но может ли возникновение Протостарчева и других групп (Породин, овчепольская) быть объяснено простой миграцией с юга, из Македонии или, скажем, Фессалии, где в период Пресескля господствует очень близкая культура Магулица? Мне представляется, что речь здесь должна идти не о простой миграции с юга, а о более сложном процессе, о возникновении нового, вторичного центра производящего хозяйства, со своей особой системой экономики и со своими чертами материальной культуры.

Тем не менее Протостарчево, овчепольская группа, группа Породин могут быть включены в ту же самую культурно-историческую общность ранне-неолитической расписной керамики, что и Протосескля, культура радужной керамики юга Греции. Об этом говорят общность керамических форм, особенности техники изготовления, обжига, типы антропоморфной и зооморфной пластики, украшений и многое другое. Означает ли это, что данная культурно-историческая общность была единственной в раннем неолите Юго-Восточной Европы? Отнюдь нет. Это просто лучше других изученная общность. В нее не входит ранний неолит Крита, и, что еще важнее для нас в данной связи, получены свидетельства существования уже в столь раннее время, как третий период распространения производящего хозяйства, еще одной общности — культурно-исторической общности черной лощеной керамики, наилучшим представителем которой в более позднее время является культура Винча. Действительно, типичная керамика данной культурно-исторической общности в контексте материалов конца VI тысячелетия засвидетельствована в Юго-Западной Болгарии²¹. Эта же керамика в начале V тысячелетия появляется в овчепольской группе (Анзабегово II — Вршник II—III), т. е. в несколько более западной группе ранне-неолитических памятников, распространяясь с востока на запад. Еще позже она станет типичной чертой III периода неолита Южной и Средней Греции²².

Четвертый период распространения производящей экономики и других неолитических явлений в Юго-Восточной и Средней Европе датируется

первой половиной V тысячелетия до н. э. К этому периоду относятся собственно культура Старчево, культура Кереш, группа Сатмар, культура Криш. Земледелие и скотоводство в этот период широко распространяются в первую очередь в пределах Карпатского бассейна, но выходят и за его пределы — в Молдову и Молдавию. Культура Кереш в Алфелде поднимается вверх по Тисе до г. Солнок. Выше на Тисе образуется особая группа Сатмар, родственная Керешу. Другая ветвь культуры Кереш спускается из пределов Трансильвании по верхней Тисе и ее притокам вплоть до Закарпатской области УССР. В итоге уже в первой половине V тысячелетия вся восточная часть Карпатского бассейна оказывается занята неолитическими племенами с производящей экономикой, в которой, как правило, выпас мелкого рогатого скота играет гораздо более существенную роль, чем содержание крупного²³. Культура Старчево из области Белградского слияния вверх по Драве поднимается почти до южных берегов озера Балатон.

Там, где материал позволяет определить антропологический облик населения, носители культур Старчево, Кереш и Криш оказываются принадлежащими к средиземноморскому (протосредиземноморскому) антропологическому типу с его вариантами — робустным и грациальным.

Многие черты связывают эти культуры с культурно-исторической общностью ранне-неолитической расписной керамики: шаровидные и полусферические формы сосудов на низких цилиндрических поддонах, на кольцевых поддонах, светлые и красновато-коричневые тона обжига, красный ангоб, роспись сначала геометрическими, затем более сложными мотивами, типы антропоморфной пластики, цинтадеры, некоторые типы украшений, особенности экономики. Но уже довольно рано влияние второй южноевропейской культурно-исторической общности начинает сказываться как в культуре Старчево, так и в культуре Кереш. Исследователи по-разному определяют это время (Дж. Лазарович видит его раньше, С. Димитриевич — позже), но несомненно, что к середине V тысячелетия оно становится все более сильным, завершаясь становлением культуры Винча.

К этому же четвертому периоду распространения производящего хозяйства относится и становление культуры Караново I на Фракийской равнине в Болгарии.

Пятый период распространения производящего хозяйства начинается с середины V тысячелетия до н. э. и доходит до рубежа V и IV тысячелетий. Основное событие этого периода — возникновение и распространение культуры линейно-ленточной керамики, которая, собственно говоря, может рассматриваться как новая культурно-историческая общность раннего неолита Европы, со своей собственной системой хозяйства, основанной на специфическом земледелии и скотоводстве, в котором роль крупного рогатого скота достаточно велика²⁴.

Носители культуры линейно-ленточной керамики, по данным антропологов, являются представителями того же средиземноморского (протосредиземноморского) типа, что и носители культур Старчево и Кереш.

Происхождение новой культурно-исторической общности не может быть объяснено ни аккультурацией местного мезолитического населения, хотя, несомненно, оно вошло частично и на более позднем этапе в состав новой общности, ни миграцией на север и северо-запад носителей культуры Старчево даже под влиянием культуры Винча. Это совершенно особый процесс возникновения нового центра, процесс еще очень плохо изученный.

Итак, от появления первых свидетельств земледелия и скотоводства вместе с другими неолитическими явлениями в Европе, на юге Балканского полуострова, до широкого распространения производящего хозяйства в Средней Европе прошел значительный промежуток времени — более 2 тыс. лет, а сама производящая экономика в своем движении на север насчитывает пять этапов. Распространение ее не было ни единой обширной миграцией, скорость которой пытаются вычислить, хотя мигра-

дионное движение, несомненно имело место, ни процессом аккультурации местных мезолитических племен, хотя последние, видимо, частично включались в неолитизацию. Это был сложный процесс образования новых центров вторичного характера, новых хозяйственных систем, способных освоить все новые и новые территории, в известной мере образования новых культурно-исторических общностей. Этот процесс связан с определенным сдвигом населения, например с продвижением средиземноморского антропологического типа на север, сначала в Карпатский бассейн, а затем и в другие регионы Средней Европы. Из нескольких культурно-исторических общностей, вовлеченных в процесс неолитизации Юго-Восточной и Средней Европы, наибольший интерес вызывает та, которая лучше изучена к настоящему времени, имеет четко определенные границы распространения и даже первоначальное ядро (европейское), большую длительность своего существования и развития — около 2000 лет. Мы имеем в виду общность ранне-неолитической юго-восточноевропейской расписной керамики, иначе говоря общность Протосекло—Старчево—Криш—Кереш. Именно с ней мы можем связать тот пласт неиндоевропейских, доиндоевропейских языков, который выступает в качестве субстрата в некоторых балканских языках, и в первую очередь в греческом²⁵.

¹ Данная статья представляет собой расширенные тезисы доклада В. С. Титова на конференции по проблемам «неолитической революции».

² Этот момент особенно четко выступает во многих работах В. Г. Чайлда. Например: *The Danube in Prehistory*. Oxford, 1929; *У истоков европейской цивилизации*. М., 1952.

³ Я имею в виду раскопки М. Милойича, Д. Теохариса, М. Гимбутас в Фессалии, Г. Кларка и супругов Родден в Северной Греции, совместные американско-югославские исследования в Анзабегове, раскопки Н. Влассы в Гура Бачулуй и др.

⁴ *Титов В. С.* Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена.— *КСИА*, 1962, вып. 88, с. 10—25; *Он же.* Древнейшие земледельцы в Европе.— В кн.: *Археология Старого и Нового Света*. М., 1966, с. 25—37; *Он же.* Неолит Греции. Периодизация и хронология. М., 1969.

⁵ *Venac A.* Les theses fondamentales sur l'origine du neolithique dans les Balkans et les regions avoisinantes — *Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Godišnjak* — XVI. Center za Balkanološka ispitivanja. Knjga 14. Sarajevo, 1978.

⁶ Уже в книге «Неолит Греции» я показал, что значительная часть материалов из Неа Никомедии имеет аналогию именно в Протосекло Фессалии. См.: *Титов В. С.* Неолит Греции..., с. 195—200.

⁷ *Angel J. L.* Early Neolithic Peoples of Nea Nikomedia.— *Die Anfänge des Neolithikums von Orient bis Nordeuropa*. Köln; Wien, Böhlau Verlag, 1973, T. VIIA, Fundamenta, Reihe B Bd 3.

⁸ *Титов В. С.* Неолит Греции..., с. 205—207.

⁹ *Srejavic D.* Die Anfänge des Neolithikums im Bereich des mittleren Donauraumes.— In: *Actes du VIIIe Congres*

International des sciences prehistoriques et protohistoriques. Beograd, 1973, T. II, S. 252—263.

¹⁰ *Bökönyi S.* The Vertebrate Fauna.— In: *Srejavic D.* Europe's First Monumental Sculpture: New Discoveries at Lepenski Vir. London. Thames and Hudson, 1972, p. 186—189.

¹¹ *Early Farming Cultures in Central Serbia (Eastern Yugoslavia) National Museum of Kragujevac*. September, 1971, p. 12, fig. 7.

¹² *Некрасова О. К.* К изучению домашних и диких животных ранне-неолитической культуры Криш.— *Analele stiintifice ale Universitatii «Al. I. Cuza» din Iasi (Serie Noua)*, anul 1961, Sectiunea II. T. VII, Fasc. 2, с. 265, 266.

¹³ *Necrasov O., Cristescu M.* Structure anthropologique des tribus néo-éolithiques et de l'âge du bronze de la Roumanie.— In: *Die Anfänge des Neolithikums von Orient bis Nordeuropa*. Köln; Wien. Böhlau Verlag, 1973, T. VIIA, Fundamenta Reihe B, Bd. 3, p. 138. Погребенные в могилах 2—4 принадлежали к альпийскому типу «с сильно ослабленными кроманьонскими В элементами», как утверждает Н. Власса. Ср.: *Vlasca N.* Eine frühneolithische Kultur mit bemalter Keramik der Vor — Starcevo — Körös — Zeit in Cluj — Jura Baciului, Siebenbürgen.— *Praehistorische Zeitschrift*, 1972, 48. Bd. S. 191—192.

Это отнюдь не означает, что «антропологические находки из... Гура Бачулуй показывают черты древнего европеоидного типа с выраженными кроманьонскими чертами», как утверждает со ссылкой на Н. Влассу Д. Срейнович.: Ср.: *Srejavic D.* Die Anfänge des Neolithikums..., S. 261.

¹⁴ *Nemeskéri J.* The Inhabitations of Lepenski Vir.— In: *Srejavic D.* Europe's First Monumental Sculpture: New Discoveries at Lepenski Vir. London. Thames and Hudson, 1972, p. 202.

- ¹⁵ *Nemeskéri J., Lengyel I. Neolithic Skeletal Finds.*— In: *Neolithic Macedonia* ed. by M. Gimbutas. *Monumenta Archaeologica, California, 1976, vol. I. Los Angeles, p. 375—410.*
- ¹⁶ О датировке Лепенского Вира I—II см.: *Археология Венгрии. Каменный век/Под ред. В. С. Титова, И. Эрдели. М., 1980, с. 75. 76.*
- ¹⁷ Например, к фазе Лепенский Вир Ia отнесены 22 дома, а максимально возможное число домов этой фазы определено в 30.
- ¹⁸ Мы не можем принять теорию «местной» «неолитической революции», которая якобы имела место частично в рамках культуры Лепенский Вир на ее позднейшем протонеолитическом отрезке, согласно Д. Срейновичу, но определенные шаги местного мезолитического населения к новому, неолитическому образу жизни несомненны. Ср.: *Srejović D. Die Anfänge des Neolithikums...*, S. 262.
- ¹⁹ *Грацианский А. Н. Природа Югославии. М., 1955, с. 176; Praistorija Jugoslavenskih zemalja. II. Neolitsko doba. Sarajevo.— Svjetlost, 1979, с. 80.*
- ²⁰ Петричская, Благоевградская, Санданская котловины. Ср.: *Болгария: Географические очерки. М., 1953.*
- ²¹ Я имею в виду материалы из раскопок поселения Ракитово с преимущественно материалами раннего неолита (керамика с белой росписью по красному фону очень раннего облика плюс черная монокромная керамика с острорезными сосудами). Хранятся в Окружном музее г. Пазарджик.
- ²² *Титов В. С. Неолит Греции...*, с. 39—44, 72—79, 225—226.
- ²³ Об экономике культуры Кереш см.: *Археология Венгрии, с. 93—101.*
- ²⁴ Об экономике культуры линейно-ленточной керамики преимущественно на территории Карпатского бассейна см.: *Археология Венгрии, с. 276—281.*
- ²⁵ *Титов В. С. К вопросу о соотношении этно-лингвистических слоев и культурно-исторических общностей на юге Балканского полуострова — КСИА, 1970, вып. 123.*

Л. В. КОЛЬЦОВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЫ

Исследование мезолитических культур в Европе расширяется с каждым днем, что вызывает к жизни огромное количество проблем, связанных с этой тематикой. Особое место в ней занимают вопросы экономики, образа жизни, быта и социального устройства мезолитического населения. Характерным здесь было положение в лесной зоне Европы, где особенно ярко выразились все сложные процессы динамики развития мезолитических племен.

Для того чтобы было понятным положение в раннем мезолите в этом географическом поясе, следует вернуться к предшествующему времени — к концу плейстоцена. По-видимому, в X тысячелетии до н. э. складывается палеогеографическая зональность на месте будущей лесной зоны Европы¹. В Западной и Центральной Европе в это время существует достаточно распространенная лесная растительность, главным образом сосновые и березовые леса. Только в непосредственной близости от ледника сохраняется тундра и лесотундра. В Восточной Европе леса носят островной характер и ландшафт имеет скорее тундростепной перигляциальный облик.

Параллельно флористическому районированию развивается и зоогеографическое районирование. В это время в Центральной и Западной Европе мамонт уже полностью отсутствует, в Восточной же, судя по материалам Тимоновских стоянок, он еще есть². Тем не менее охотничье вооружение в лесной зоне, где развиваются культуры типа федермессер, и в перигляциальной зоне Восточной Европы оказывается почти одинаковым: и там и тут применяются острия с затупленным краем типа клинка перочинного ножа, которые, вероятно, и применялись в качестве наконечников дротиков³. Различия среди этих форм в разных районах Европы носят, видимо, в значительной мере этнографический характер. И только в небольшой части приледниковой Центральной Европы разви-

вается культура бромме-лингби, где появляются наконечники стрел и копий с четко выделенным черешком⁴.

В IX тысячелетии до н. э., в самом конце плейстоцена, в связи с похолоданием изменяется картина растительности в Центральной Европе. Леса отступают на юг, в предгорья Альп, с севера надвигается тундра. И это сразу сказывается на характере занятий населения зоны. Видимо, основная часть населения, оставившего культуру федермессер, тоже движется на юг; закрепились на старой территории лишь незначительные группы, размещавшиеся, вероятно, в лесных рефугиях. В качестве примера приведем группу населения культуры федермессер на территории Польши, в памятниках которой (Тарново, Катажинув, Гжибова Гура) прослеживаются признаки сосуществования с соседними культурами, сложившимися именно в это время, — аренбургской и свидерской⁵.

Население этих культур, жившее по преимуществу в тундровой и лесотундровой зонах, было главным образом охотниками на северного оленя — самого крупного стадного животного, обитавшего в тундре. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы аренбургского слоя стоянки Штельмор, где найдены остатки почти 650 особей северного оленя, в то время как число особей других животных крайне невелико (мускусный овцебык — 1 особь, лось — 2, кабан — 1, волк — 2, песец — 2, рысь — 1, лемминг — 5, заяц — 1, птицы — 21, рыбы — 7). То же самое наблюдается в аренбургском слое пещеры Калленхардт и на стоянке Ремушам в Бельгии, где северный олень также являлся главным охотничьим объектом⁶.

Совершенно очевидно, что переориентация на охоту на северного оленя в связи с его биологией требует резкого изменения способов и приемов охоты. Именно этим следует объяснять большое количество наконечников стрел в памятниках свидерской и аренбургской культур, что свидетельствует о широком употреблении лука.

Изменения в способах охоты привели к определенным изменениям в составе социальных коллективов. В это время в Центральной Европе формируются небольшие социально-производственные коллективы. Конечно, сейчас трудно говорить об их характере (род, племя, большая семья?). Определенным является только их небольшой количественный состав. Об этом свидетельствует как незначительная площадь поселений, так и характер жилищ на них. Почти все жилища носят временный облик и имеют крайне небольшие размеры (Даймерн 45 — 2,5 × 2,5 м, Рыдно IV — диаметр около 3 м, и т. д.)⁷. На некоторых стоянках настоящие жилища вообще не обнаружены, встречены только очаги.

В Восточной Европе памятники этого времени изучены пока очень слабо. Вероятно, фауна мамонтового комплекса к этому времени исчезает. Судя по находкам в нижнем слое стоянки Золоторучье I, раскопанном на значительной площади, человек охотился на северного и гигантского оленей, первобытного быка. Однако характер охотничьего вооружения остался прежним, судя по находке острия типа клинка перочинного ножа в нижнем слое стоянки Алтыново. О характере поселений и жилищ судить трудно, так как ни одно из поселений не раскопано полностью. Сохранение старых типов охотничьего вооружения может объясняться такими причинами: во-первых, это может быть связано с тем, что население, оставившее эти поселения, жило именно в лесном убежище, но на границе леса и тундры, о чем говорят находки представителей лесной и тундровой фауны; во-вторых, эти поселения могут относиться к самому началу «безмамонтового» периода, когда люди, их населявшие, еще не перешли к новым приемам и формам охоты; в-третьих, поскольку возраст стоянок не определен с достаточной точностью, они могут быть даже синхронны памятникам типа Тимоновки.

На рубеже плейстоцена и голоцена в Западной и Центральной Европе меняется экологическая обстановка. Тундра и лесотундра уступают место лесному ландшафту. Меняется и характер фауны: северный олень уходит на север, появляется лесная фауна. Во всяком случае, на ранне-

мезолитических стоянках состав фауны по сравнению с аренбургскими сильно отличается. Так, на стоянке Стар Карр (Англия) обнаружены кости благородного оленя, лося, косули, тура или зубра, кабана, волка, барсука, куницы, бобра, зайца-русака, выдры, лисицы⁸. Это все представители лесной фауны. Почти аналогичная картина в близко расположенной стоянке Вэтчем: только там нет выдры и зайца-русака, а вместо них представлены рысь и дикая лошадь⁹. Похожий состав фауны обнаружен и в стоянках культуры маглемозе. В качестве примера приведем фауну стоянки Хольмегаард I (Дания): благородный олень, лось, косуля, тур или зубр, кабан, волк, барсук, куница, рысь, бобр, выдра, заяц-русак, лисица¹⁰. Следовательно, мы можем сделать вывод: в раннем мезолите Западной и Центральной Европы основными объектами охоты становятся представители лесной фауны.

В непосредственной связи со сменой экологических условий стоят и культурные перемены в этих регионах. Население, занимавшееся охотой на северного оленя и оставившее аренбургскую и свидерскую культуру, не смогло полностью адаптироваться к этим переменам. Именно на рубеже плейстоцена и голоцена начинается одна из крупнейших миграций в северной половине Европы: передвижение больших групп людей на север, в освободившиеся от ледника районы, где складываются новые культуры охотников на северного оленя, сохранившие свой традиционный экономический уклад: фосна, комса, аскола-суомусярви¹¹.

Западноевропейские и американские специалисты говорят о послеледниковой адаптации к изменившимся природным условиям¹². Однако проблема, по нашему мнению, решается не так просто. Адаптировалась только часть населения, жившего здесь прежде, что, по-видимому, и объясняет ряд элементов аренбургской культуры, вошедших в качестве компонентов в комплексы новых мезолитических культур (отдельные типы наконечников и геометрических орудий). Но это население, безусловно, смешивалось с пришлым с юга, имевшим в основе мадленско-азильские традиции, что и привело к сложению в Западной Европе, да и в Центральной, целого ряда новых культур¹³.

Характер экономики в раннем мезолите Западной и Центральной Европы остается в основном охотничье-собираТЕЛЬским. Однако изменения в экологии неукоснительно требуют появления некоторых новых приемов. По-видимому, эти изменения идут в направлении замены загонной охоты охотой меньшими группами, так как в обстановке сплошного леса загонную охоту применить труднее. Г. Д. Кларк считает, что охота была вообще индивидуальной, на этом основании он даже рассчитывает для стоянки Стар Карр зону охоты радиусом около 10 км, исходя из того что отдельному охотнику трудно на большее расстояние транспортировать добычу¹⁴. Нам же представляется, что охота велась по преимуществу все же группами людей, пусть даже очень небольшими.

Разнообразие лесной фауны вызывает к жизни различные типы наконечников стрел и самих стрел. Приведем в качестве примера материалы культуры дуфензе. Как наконечники здесь употреблялись небольшие острия с затупленным краем, как прямым, так и выпуклым, три типа треугольников, сегменты, длинные трапеции, особого типа пластинки со скошенным концом. Иначе говоря, только кремневые орудия дают 8 типов наконечников. Очень интересным изобретением населения культуры дуфензе являются деревянные стрелы с тупой головкой. К этому следует добавить костяные наконечники стрел и гарпуны, часть из которых тоже могла применяться на охоте¹⁵. Такое разнообразие заставляет сделать вывод о несомненной дифференциации охоты, т. е. о применении определенных вариантов наконечников стрел для охоты на определенных животных.

Те же самые выводы следует сделать и о маглемозе Британии, где применялось 9 типов каменных наконечников стрел и несколько типов костяных стрел и гарпунов¹⁶, а также о собственно маглемозе Дании, где использовалось тоже 9 (правда, несколько отличных по формам)

типов наконечников стрел из камня и 5 типов костяных гарпунов и острий (в том числе с кремневыми вкладышами в пазах)¹⁷.

Необходимо сказать, что Западная и Центральная Европа (кроме Скандинавии) заселена в это время мезолитическими племенами, использовавшими в принципе одни и те же типы охотничьего вооружения, что, по-видимому, объясняется примерно одинаковыми экологическими условиями. Различия этнографического порядка сводятся к усилению того или иного элемента в разных культурах, а также появлению некоторых местных компонентов и наличию различных погребальных обрядов.

Социальный состав охотничьих общин, вероятно, сильно не меняется. Во всяком случае, кроме стоянки Вэтчем, нигде не встречено больше одного жилища. Надо сказать, что размеры жилищ, как правило, очень небольшие, свидетельствуют о малом числе членов общины. Правда, встречаются на поселениях довольно сложные сооружения (вроде деревянных платформ на стоянках Стар Карр, Улькеструп¹⁸ и др.), но вряд ли они являлись полом жилищ, как считалось прежде. Думается, что это пол всей производственной площадки (включая и жилище), который был постелен для обеспечения деятельности в условиях поселения на болоте.

Впервые на материале Западной Европы была поставлена проблема сезонного функционирования памятников. Так, Г. Д. Кларк считает, что стоянки типа Стар Карр и Вэтчем были зимними поселениями той группы охотников на благородного оленя, которая оставила свои летние стоянки на плато Пеннинских гор¹⁹. Считается, что благородный олень летом пасся именно на этих плато, где постоянно дующий ветер спасал его от кровососущих насекомых, тогда как зимой он спускался в межгорные приморские долины, где был защищен от холодных ветров. Состав инвентаря указанных двух групп памятников в значительной мере идентичен. Только условия на плато Пеннин не дают возможности сохранения находок из органических материалов.

Нечто похожее высказывалось и для памятников культуры маглемозе²⁰. Те классические стоянки этой культуры, которые дали богатейший костяной инвентарь (Муллеруп, Хольмегаард, Свердборг и др.), расположенные на древних озерах, считаются зимними, а стоянки, обнаруженные в прибрежной зоне, — летними.

Охота, безусловно, дополнялась собирательством, о чем, в частности, свидетельствуют находки раковин морских моллюсков в ряде памятников. Возможно, что периодически использовалось и рыболовство (на ряде стоянок есть немногочисленные находки костей рыб); об этом же могут говорить находки весел на стоянках Стар Карр и Дуфензе. Правда, при этом пока как будто нет оснований говорить о появлении лодок, весла могли использоваться и при движении на плоту. Во всяком случае, каменные тесла не так широко распространены, как в последующее время, из которого известны уже и остатки мезолитических лодок.

На территории Скандинавии основой хозяйства, вероятно, остается охота на северного оленя, о чем свидетельствует длительное переживание наконечников стрел аренсбургского типа в культурах раннего голоцена. Той же, очевидно, была и социальная структура.

И на территории Восточной Европы, где перигляциальная зона сменяется, по данным палеогеографии, тундрово-степной растительностью, в VIII и VII тысячелетиях до н. э. почти повсеместно (в лесной зоне) распространяются наконечники стрел на пластинах, применявшиеся, вероятно, главным образом для охоты на северного оленя. Это подтверждается в значительной мере характером поселений раннего мезолита (в качестве примера напомним поселения раннего мезолита в Волго-Окском междуречье).

В Прибалтике рано появляется лесная растительность, поэтому население кундской культуры очень рано переходит к охоте на лесных животных, что подтверждается составом фауны стоянок Пулли и Кунда,

где преобладают лесные виды²¹. Однако северный олень еще местами встречается (его кости найдены на стоянке Кунда). Надо сказать, что экологические особенности озерно-приморской территории, занятой населением кундской культуры, вынудили его к ранней ориентации на рыболовство, чем объясняется сокращение, а затем и исчезновение каменных наконечников стрел в инвентарях этой культуры. Возможно, этому способствовали и другие причины: отсутствие выходов хорошего кремня на территории Эстонии, а также замена кремневых наконечников костяными. О раннем появлении рыболовства в кундской культуре говорят находки рыболовных крючков на стоянке Кунда.

Следует еще остановиться на одном вопросе, связанном с хозяйством раннемезолитического населения Северной Европы. По-видимому, охота в лесу сильно облегчалась помощью домашней собаки, которая была широко распространена в раннемезолитических культурах Северной Европы (ее кости обнаружены в ряде стоянок Англии, Дании и СССР)²². Начало процесса ее domestikации, наверное, следует связывать еще с поздним палеолитом. В мезолите же домашняя собака предстает уже сложившимся видом, что дает возможность иногда даже различать породы отдельных найденных особей по костям.

Время перехода от раннего мезолита к позднему почти совпадает с важным палеоклиматическим рубежом в Северной Европе — переходом от бореального к атлантическому периоду. В это время в лесной зоне повсеместно бытовавшие сосново-березовые леса (с примесью других пород) заменяются лесами, состоящими по преимуществу из широколиственных пород²³. Важно отметить и другой природный фактор: увеличение общей увлажненности северного полушария, что вызывает подъем уровня грунтовых вод, уровня водного зеркала в ряде внутренних водоемов, трансгрессии морей Северного и Балтийского, правда обусловленные еще и эпейрогеническими причинами.

Все эти перемены находят отражение в комплексах мезолитических культур. В целом ряде культур Западной и Центральной Европы обедняется охотничье вооружение. Так, если в раннем тарденуазе употреблялось не меньше 8 форм, служивших наконечниками стрел или частями составного охотничьего вооружения, то теперь в культурах тарденуазского круга 4—6 таких форм²⁴. Если в маглемозе употреблялось 9 форм, то в позднемезолитических культурах круга маглемозе их число значительно сократилось: в яниславицкой это 3—4 основные формы, в культуре конгемозе — 2²⁵. Прежнее положение сохранилось только в мезолите Британских островов, что, по-видимому, находит объяснение в изоляции к этому моменту от континента и в какой-то мере традиционных способах добычи пищи. Но и там к концу мезолита роль наконечников стрел в каменном инвентаре значительно падает.

Это явление, вероятно, связано с тем, что охота начинает повсеместно терять свое преимущественное положение в экономике мезолитических общин или по крайней мере «уравнивается в правах» с другими отраслями экономики. Не исключено и сокращение поголовья охотничьей добычи в это время за счет падения численности крупных млекопитающих, к чему могло привести, будучи одной из причин, и увеличение площади водоемов, и, как следствие этого, сокращение территории для восполнения поголовья животных.

Именно в позднем мезолите получает особое развитие как отдельный вид хозяйства охота на птицу²⁶. Иначе было бы трудно объяснить повсеместное широкое распространение коротких симметричных и асимметричных трапеций высоких и средних пропорций, которые, как показывают трасологические исследования, проведенные в Польше и у нас, были наконечниками стрел с поперечным лезвием. Вероятно, увеличение площади водоемов способствовало улучшению условий существования водоплавающей птицы, увеличению ее численности до таких размеров, когда она становится одним из главных объектов охоты мезолитического человека.

К позднему мезолиту относится и широкое распространение еще одной отрасли хозяйства — рыболовства, причем уже не в сезонных формах. В это время были изобретены сети (их остатки найдены на территории нашей страны, в ГДР, ФРГ и Дании). Об этом же говорит увеличение числа каменных тесел в инвентарях стоянок, а местами их первое появление, как это было в мезолите Волго-Окского междуречья, а также находки первых лодок. И наконец, об этом же свидетельствует состав фауны на стоянках позднего мезолита: там, где она сохраняется, увеличивается число костных остатков рыб. К концу мезолита в приморских районах человек уже начинает выходить в открытое море, что видно, например, по материалам английской стоянки Мортон, где обнаружены кости трески, пикши и тунца²⁷.

Таким образом, мы можем говорить о позднем мезолите как о времени максимального развития присваивающего хозяйства, о времени максимальной адаптации человека к природным условиям на ступени присваивающего хозяйства. В это время в экономике существовало, видимо, несколько отраслей: охота на млекопитающих, охота на птиц, рыболовство, собирательство. В разных районах мезолитической ойкумены эти виды хозяйства в зависимости от господствующих природных условий приобретали различное значение.

Вероятно, такое полное использование природных ресурсов привело к началу создания прибавочного продукта, что в дальнейшем способствовало специфической форме перехода к неолиту в условиях лесной зоны. Эти же причины в конце мезолита, возможно, приводят к демографическому скачку (правда, его объем при настоящем уровне наших знаний вычислить невозможно). Видимо, он и был причиной повсеместного увеличения числа позднемезолитических стоянок по сравнению с ранним мезолитом. Покажем это являем на примере Волго-Окского междуречья. Если к раннему мезолиту, с некоторой натяжкой, мы можем отнести не больше 15 памятников, то число их в позднем мезолите около 300. Разница достаточно впечатляющая.

Может быть, хотя это еще недостаточно ясно, в позднем мезолите увеличивается численный состав производственных коллективов. Косвенно об этом может свидетельствовать увеличение площади поселений, возрастание мощности культурного слоя, числа находок и количества жилищ на поселениях.

Разумеется, этой короткой статьей мы не претендуем на решение всех важных спорных вопросов, связанных с поднятой проблематикой. Мы только хотели обратить внимание читателей на важность и актуальность этих вопросов. Их разрешение — дело будущего.

¹ Гричук В. П. Основные результаты микропалеоботанического изучения четвертичных отложений Русской равнины. — В кн.: Материалы по четвертичному периоду СССР. М., 1952, вып. 3; Firbas F. Spät- und nacheiszeitliche Waldgeschichte Mitteleuropas nördlich der Alpen. Jena, 1952; Godwin H. The History of the British Flora. Cambridge, 1956.

² Величко А. А., Грезова Л. В., Губонина З. П. Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М., 1977.

³ Там же; Schwabedissen H. Die Federmesser-Gruppen des nordwesteuropäischen Flachlands. Neumünster, 1954.

⁴ Tautе W. Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa. — Fundamenta, Köln; Graz, 1968, Reihe A, Bd. 5.

⁵ Кольцов Л. В. Финальный палеолит и мезолит южной и восточной Прибалтики. М., 1977.

⁶ Tautе W. Die Stielspitzen-Gruppen...

⁷ Ibid.

⁸ Clark I. G. G. Excavations at Star Carr. Cambridge, 1954.

⁹ Wymer J. J. Excavations at the Maglamosian sites at Thatcham, Berkshire, England. — Proceedings of the Prehistoric Society, 1962, t. 28.

¹⁰ Broholm H. C. Nouvelles trouvailles du plus ancien âge de la pierre — les trouvailles de Holmegaard et de Svaerdborg. — Mémoires de la Société Royale des Antiquaires du Nord, 1926—1927.

¹¹ Кольцов Л. В. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы. — СА, 1979, № 4.

¹² Newell R. R. The Post-Glacial Adaptations of the Indigenous Population of the Northwest European Plain. — The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973; Binford L. R. Post Pleistocene Adaptations. — In: New Perspectives in Archaeology. Chicago, 1968.

- ¹³ *Кольцов Л. В.* О характере...
- ¹⁴ *Clark J. G. D.* Star Carr: a Case Study in Bioarcheology.— Module, 1972, 10.
- ¹⁵ *Schwabedissen H.* Die mittlere Steinzeit im westlichen Norddeutschland. Neumünster, 1944.
- ¹⁶ *Clark J. G. D.* Excavations at Star Carr.
- ¹⁷ *Brinch Petersen E.* A Survey of the Late Palaeolithic and the Mesolithic of Denmark.— In: The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973.
- ¹⁸ *Clark J. G. D.* Excavations at Star Carr; *Andersen K.* Hytter fra Maglemosetid. Danmark aeldste boliger. «Nationalmuseets Arbejdsmark», 1951.
- ¹⁹ *Clark J. G. D.* Star Carr: a Case Study in Bioarcheology.
- ²⁰ *Brinch Petersen E.* A Survey of the Late...
- ²¹ *Jaanits L., Jaanits K.* Frühmesolithische Siedlung im Pulli.— Изв. АН ЭССР. Обществ. науки, 1975, т. 24, № 1; *Indreko R.* Die mittlere Steinzeit in Estland Stockholm, 1948.
- ²² *Clark J. G. D.* Excavations at Star Carr; *Wymer J. J.* Excavations at the Maglemosian...; *Schuldt E.* Hohen Viecheln, ein mittelsteinzeitlicher Wohnplatz im Mecklenburg. Berlin, 1961; *Mathiasen T.* Stenal der bopladsen in Aamosen.— Nordiske Fortidsminder, 1943, t. 3; *Broholm H. C.* Nouvelles trouvailles...; *Jaanits L., Jaanits K.* Frühmesolithische...; *Indreko R.* Die mittlere...
Хогинский И. А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
- ²³ *Rozoy J.-G.* L'évolution du Tardenoisien dans le Bassin parisien.— L'Anthropologie, 1972, t. 76.
- ²⁵ *Jørgensen S.* Kongemosen.— Kuml, 1956.
- ²⁶ *Clark J. G. D.* Fowling in prehistoric Europe.— Antiquity, 1948, vol. 22, f. 8.
- ²⁷ *Coles J. M.* The Early Settlement of Scotland. Excavations at Morton, Five.— Proceedings of the Prehistoric Society, 1971, XXXVII.

В. И. ГУЛЯЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА В ДОКОЛУМБОВОЙ МЕЗОАМЕРИКЕ

Историческое развитие Америки в доколумбовую эпоху шло своим оригинальным и независимым от Старого Света путем. Американский археологический материал дает нам совершенно уникальную возможность проследить постепенную эволюцию одной из значительных групп человечества от эпохи верхнего палеолита — времени первоначального заселения континента выходцами из Азии — и до сложения раннеклассовых государств в Мексике и Перу.

Подобно Ближнему Востоку, Америка — один из немногих на земле первичных очагов возникновения как земледелия, так и цивилизации. Однако в силу ряда причин здесь наблюдается известное отставание по общим темпам развития от Старого Света. Если в Мезоамерике производящие формы хозяйства складываются лишь в конце III — начале II тысячелетия до н. э., то на Ближнем Востоке это происходит по меньшей мере к VII тысячелетию до н. э. Точно так же первые цивилизации возникают в Месопотамии в конце IV—III тысячелетий до н. э., а в Мексике, скорее всего, только около рубежа нашей эры¹.

Подобный хронологический разрыв при прохождении одних и тех же эволюционных стадий служит лучшим доказательством того, что культуры доколумбовой Америки всецело подчиняются общим закономерностям исторического развития и в свою очередь, служат их прекрасной иллюстрацией.

Одной из таких закономерностей можно считать переход к производящей экономике. В Америке (по крайней мере в Мезоамерике) он выразился в отличие от Старого Света только в появлении земледелия.

В доколумбову эпоху на территории Нового Света существовало два главных очага древней земледельческой культуры и цивилизации — в Мезоамерике и Центральных Андах. О первом из этих очагов и пойдет ниже речь.

«Переход к производящей экономике был обусловлен как благоприятными природными условиями, так и факторами, возникающими в среде самого человеческого общества»². Только диалектическое взаимодействие

и благоприятное сочетание этих двух факторов — природного и социального — приводят в конечном счете к появлению первичных очагов земледелия.

Переход к производящему хозяйству в Мезоамерике, как и в других первичных очагах земледелия на земной шаре, имел место во вполне определенной природной среде — горных засушливых областях с тропическим и субтропическим климатом, где наблюдалось поразительное разнообразие экологических микрорайонов на сравнительно небольшой территории в зависимости от высоты и количества осадков. Именно здесь природа создала максимум благоприятных условий для жизни человека и видообразовательного процесса растений³. Горные районы Центральной и Южной Мексики (Пуэбла и Оахака) отличаются богатой и разнообразной флорой, среди которой имеются исходные дикие формы растений, пригодных для культивации, включая дикорастущий злак — однолетнюю траву маис (*Zea mays*), тыкву и бобовые⁴. Это богатство и разнообразие растительного мира при отсутствии больших стад животных с давних времен обусловили здесь интенсивное развитие собирательства. В свою очередь, переход к собирательской экономике был значительно ускорен в Мезоамерике кризисом охотничьего хозяйства, вызванным серьезными климатическими изменениями послеледниковой эпохи и вымиранием мегафауны.

В горных районах Южной Мексики (Пуэбла и Оахака) с X по VII тысячелетие до н. э. господствовала культура охотничье-собирательского типа. До 60—70% рациона питания местных жителей составляло мясо крупных стадных животных — оленя, антилопы, лошади, верблюда и гигантов позднего плейстоцена — мамонтов и мастодонтов⁵.

Но хотя люди и специализировались тогда на различных видах охотничьей деятельности и этому был всецело подчинен как их инвентарь, так и весь образ жизни, уже в ту эпоху собирательство (плоды и растения) составляло от 30 до 40% всей пищи. Уже в то время люди накопили весьма важные сведения об окружающей их природной среде, и прежде всего о растениях и животных — главном источнике пищи, а также приобрели значительные навыки по наиболее эффективной их эксплуатации. И вероятно, только по этой причине климатические изменения послеледниковой эпохи не застали древних мезоамериканцев врасплох.

Климат стал гораздо суше и теплее. Количество осадков сократилось. Исчезли влажные травянистые луга, на которых паслись прежде стада гигантских млекопитающих. Повсеместно наблюдается распространение растительности, состоящей из колючих деревьев — кактусов и агав, т. е. типично полупустынной растительности⁶. В свою очередь, это заставило человека приспособливаться к новым условиям и значительно перестроить свое хозяйство, ориентируя его преимущественно на собирательство растительной пищи.

Важное место в изучении данной эпохи в истории Мезоамерики занимают материалы из долины Техуакана (штат Пуэбла, Мексика). Раскопки Американской археолого-ботанической экспедиции во главе с Р. С. Мак-Нейшем в 1960—1965 гг. в этом районе благодаря комплексному характеру исследований, тщательно продуманной методике работ и поразительной сохранности органических остатков в сухих пещерах позволили с такой полнотой и объективностью проследить процесс становления производящей экономики, что аналогов ему пока нет ни в одном другом регионе земного шара⁷.

Достаточно сказать, что в ходе полного обследования Техуакана — чащеобразной речной долины (112 км в длину и 32 км в ширину), окруженной горами и расположенной на высоте около 1500 м над уровнем моря, было выявлено свыше 400 археологических памятников разных эпох — от X тысячелетия до н. э. до испанского завоевания. 30 памятников изучено с помощью стратиграфических шурфов и траншей, а 12 раскопано более или менее крупными площадями. В результате этих работ

получено 11 тыс. образцов фауны, 100 тыс. остатков различных растений, 25 тыс. каменных орудий и т. д. Абсолютная хронология базируется на 200 датах по C_{14} . Это и позволило создать полную схему поэтапного развития местных культур от эпохи верхнепалеолитических охотников до европейского вторжения в Мексику.

Самый ранний этап местной периодизации — Ахуереадо (10 000—6500 гг. до н. э.) — имел хозяйство, на 60—70% обеспечиваемое охотой и на 30—40% собирательством диких плодов и растений. В кремневом инвентаре преобладают большие искусно ретушированные наконечники копий, предназначенные для охоты на крупных животных. Но уже следующий, после климатических изменений, этап Эль Риго (6500—4800 гг. до н. э.) дает несколько иные цифры. Доля охоты сокращается до 54%, а доля собирательства растительной пищи возрастает до 41%. Затем, в течение этапа Кошкатлан (4800—3500 гг. до н. э.), доля охоты падает до 34%, а собирательства увеличивается до 54%. Причем, судя по остаткам фауны и инвентарю, наблюдается явная тенденция замены охоты на крупных стадных животных добыванием мелких зверьков (крыса, сунс, енот, кролик, пеккари) с помощью силков и ловушек⁸.

Новые природные условия заставили население долины Техуакана, так же как и племена, жившие в горах соседней с Техуаканом Оахаки, перейти преимущественно к собирательству растительной пищи, дополняемому сбором моллюсков, охотой и рыболовством. Эта хозяйственная деятельность была всецело подчинена сезонным циклам (с сентября по май здесь длится сухой зимний сезон, а с июня по сентябрь — влажный летний) и основывалась на эксплуатации определенных природных микроразнообразий, расположенных в зависимости от высоты в пределах сравнительно небольшой территории горной долины. Жители долины хорошо знали, где и когда в данный отрезок времени можно добыть в своем природном заповеднике необходимое количество пищи и как, какими способами и средствами это лучше сделать.

Собиратели горных районов Мексики использовали для своих нужд сотни видов полезных растений. Среди них — однолетние травы, вроде дикого маиса или лисохвоста (*setaria*), а также плоды авокадо (*persea*) и черного сапота (*diospyros*), дикий лук (*allium*), желуди, сосновые шишки, амарант-бархатник и другие, сильно варьирующиеся от района к району в зависимости от количества осадков и различий по высоте. Однако три вида растений имели особое значение для всех без исключения древних собирателей: магей (*Agave* spp.) семейства амарилловых, доступный для употребления в пищу круглый год; ряд сочных видов кактуса, включая кактус (*lemaireocereus* spp.) и колючую грушу (*opuntia* spp.), плоды которых встречаются лишь в определенное время года, но молодые листья вполне съедобны и доступны круглый год; меските (*prosopis* spp.) и гуахе (*lucena*, *mimosa*, *acacia*) — ряд близких видов древесно-стручковых растений, дающих съедобные стручки только в сезон дождей⁹.

Магей — одно из самых известных растений Мексики, поскольку из него до сих пор готовят местную водку текилью. Но вместе с тем мало кто знает, что во время докерамических собирателей его широко употребляли в пищу. Хотя магей в сыром виде несъедобен (он нестерпимо горек), тем не менее на всех пещерных стоянках в Оахаке и Пуэбле «жвачки» из магея — комки неразжеванной и спрессованной волокнистой массы от стебля растения — самая распространенная находка среди растительных доземледельческих остатков. Оказывается, магей становится съедобным лишь в том случае, если его испечь, но это весьма сложный технологический процесс. Он сохранился почти в первозданном виде у некоторых индейцев современной Оахаки. Суть его состоит в следующем. Небольшую круглую яму глубиной 1—1,5 м и диаметром 0,9—1,2 м обкладывают камнями; на них помещают дрова из медленно горящих пород древесины (дуб), затем — слой листьев магея и наконец разрубленные на куски стебли растения. Сверху яма закрывается листь-

ями магея и слоем земли. «Выпечка» длится от 24 до 72 час, в зависимости от возраста и мягкости приготавливаемого растения. И этот довольно сложный процесс приготовления начал использоваться в Мексике еще в доземледельческие времена, сыграв немаловажную роль в жизни древнего человека. Магей, доступный для сбора и употребления в пищу круглый год, обеспечил людей едой в самое голодное время года — сухой зимний сезон, когда почти отсутствуют другие пищевые ресурсы.

Современные индейцы-сапотекы, живущие по соседству от раскапываемых археологических стоянок Оахаки и Пуэблы, хорошо знают, что лучшее время для рубки стеблей магея и его употребления в пищу наступает сразу же после его цветения. Вслед за этим (цветение бывает у магея после 6—8 лет развития) магей медленно умирает, и в нем начинается процесс естественного брожения, делающий растение более мягким и повышающий в нем содержание сахара. Большое количество цветов магея, найденное в докерамических слоях пещерных стоянок Оахаки, доказывает, что древние собиратели тоже отлично знали, когда лучше «собрать» данное растение, поскольку наличие цветов — явное доказательство его «созревания»¹⁰.

Одновременно это означало, что человек, сколько бы он ни рубил цветущих стеблей магея, не мог резко сократить общее их число, так как речь шла фактически об использовании растений, уже обреченных природой на смерть и успевших распылить свою пыльцу.

То же самое можно сказать и о некоторых других видах растений, доступных древним собирателям либо круглый год, либо в голодный зимний сезон, — кактусах, стручковых и т. д. Американский исследователь К. Флэннери метко назвал их «растениями голодного сезона», поскольку они составляли чуть ли не единственную пищу собирательских групп в сухое зимнее время года¹¹.

Аналогичным образом научился эксплуатировать древний человек и животные ресурсы. Анализ остатков фауны из пещерных стоянок горной Мексики (Оахака, Пуэбла) дал весьма показательные результаты. В ходе этих исследований выяснилось, что наиболее широко представлены там кости оленя-белохвоста. Это животное служило древним мексиканцам одним из главных источников мясной пищи, как в силу своего широкого географического распространения, так и из-за высокой приспособляемости к самым различным условиям. Олень-белохвост имеет четко выраженные тропы-маршруты от лежек до пастбищ и водоемов, и поэтому его нетрудно подстеречь и убить из засады. Орудиями охоты служили копья или колья с заостренным на огне концом и дротики с кремневыми наконечниками, бросаемые с помощью простой копьёметалки.

В весенне-летнее время, когда обилие влаги создавало и обилие растительной пищи, все население пещерных стоянок участвовало в сборе плодов и растений с целью запастись их как можно больше, пока этот природный «урожай» не исчезнет по естественным причинам или от набегов животных и птиц. Охота на оленей в этот период практически не велась.

Осенью, когда запасы семян и плодов на стоянках постепенно подходили к концу, мужчины отправлялись охотиться на оленей, а женщины и дети — на сбор «растений голодного сезона». Лишенные листьев леса не скрывали теперь животных от охотников. На скудной растительной пище сухого сезона выросшее стадо оленей долго жить не могло, и поэтому охотничьи трофеи, доходящие порой до 30—40% поголовья оленей, не вели к уничтожению всей популяции, так как оставшиеся особи получали больше шансов прокормиться в трудное зимнее время. В этой связи весьма показательным, что именно на зимних стоянках процент костей оленя особенно высок¹².

Таким образом, можно утверждать, что сезонность, сезонные циклы и тесно связанные с ними виды хозяйственной деятельности играли огромную роль в жизни древних обитателей горных районов Мексики. Многие съедобные растения были доступны в этой области только в течение од-

ного сезона или даже его части. Это предопределило и особый режим собирательской экономики и ее специализированную направленность в доземледельческий и докерамический периоды.

Р. Мак Нейш наглядно показал в своих работах, как человеческие коллективы той эпохи реагировали на сезонные циклы¹³. В течение летнего, дождливого сезона, когда существовало максимальное изобилие растительной пищи, люди часто объединялись (видимо, для более быстрого сбора «урожая» с природных «нив») в более крупные группы, состоявшие, по предположению вышеупомянутого американского ученого, из нескольких родственных семей. В самый разгар сухого сезона, когда съедобных растений оставалось немного, эти крупные группы вновь распадались на более мелкие единицы, лучше приспособленные к условиям голодной зимы.

Сезонно-ограничительный характер местных пищевых ресурсов не позволял древнему человеку оставаться сколько-нибудь значительное время на одной стоянке, а заставлял его передвигаться, следуя за годовыми колебаниями, в пределах определенной, хотя и сравнительно узкой территории — по дну горной долины и склонам окружающих ее гор. Эти же природные факторы препятствовали и дальнейшему росту населения. Около 3000 г. до н. э. все население долины Техуакана (на площади 3500 кв. км) составляло, по подсчетам Р. Мак Нейша, не более 120—240 человек¹⁴. Подавляющее большинство стоянок, судя по растительным остаткам в культурном слое, было обитаемо один сезон или только часть его.

Но постепенно в этот хорошо налаженный механизм сбалансированного взаимодействия человека и природы все больше и больше стал вмешиваться новый важный фактор — зарождавшееся земледелие.

О характере самых ранних «опытов» по возделыванию растений мы можем пока сказать очень немного. Но сложный и необычайно длительный путь возникновения земледельческого хозяйства в недрах присваивающей экономики археологические находки Техуаканы демонстрируют с достаточной убедительностью и полнотой¹⁵. Первой осязаемой его формой было, вероятно, «огородничество», или «садоводство», во влажных западинах и лощинах возле пещер и открытых стоянок, с набором самых различных растений; и лишь гораздо позднее люди стали переходить к выращиванию на более обширных участках (на речных террасах) нескольких определенных видов растений — маиса, фасоли, тыквы в первую очередь. Одновременно производилась и гибридизация особо важных растений. Этот медленный процесс зарождения земледелия, длившийся в долине Техуакана приблизительно 4,5—5 тыс. лет (с 7000 по 2000 гг. до н. э.), привел к тому, что люди, собирая со своих «огородов» и «участков» все большее количество сельскохозяйственных продуктов, стали менее зависеть от сезонных колебаний природы и продолжительнее жить на стоянках, расположенных в особо благоприятных для примитивного земледелия местах.

Таким образом, именно растущая роль земледелия во многом способствовала формированию оседлости местного населения. Уже сама обработка крохотных «полей» первобытных земледельцев требовала возвращения к ним для снятия урожая и охраны его от зверей и птиц в период созревания, что как бы «привязывало» человека к определенному месту. По мере того как в культуру вводилось все большее число растений и росла продуктивность новой экономики, людям можно и нужно было оставаться все более продолжительное время на своих стоянках.

Конечным продуктом этой длительной эволюции и явились постоянные земледельческие поселки, состоявшие из наземных деревянных хижин, обмазанных глиной. Если говорить об абсолютной хронологии данного процесса, то первые признаки оседлых селений (правда, с земляночными жилищами) встречаются в Техуакане еще на этапе Абехас (3500—2300 гг. до н. э.), а на следующем этапе — Пурдон (2300—1500 гг. до

н. э.) здесь существуют уже типично земледельческие поселения, состоящие из деревянных, обмазанных глиной домов¹⁶.

Что касается новой, производящей экономики, то окончательное ее формирование относится, вероятно, к рубежу III—II тысячелетий до н. э., т. е. не ранее 2000 г. до н. э. (этап Пуррон по периодизации Р. Мак Нейша), когда доля земледелия составила уже не менее 50% всех продуктов питания.

Культивируемый маис появляется впервые в Мезоамерике в IV тысячелетии до н. э. в Южной Пуэбле (долина Техуакана, этап Кошкатлан, дата по C₁₄ 3610±250 г. до н. э.)¹⁷.

Обыкновенная фасоль (*Phaseolus Vulgaris*) начинает возделываться также в долине Техуакана или поблизости от нее около 4000 г. до н. э. Примерно в то же время встречается она и в пещерных стоянках Тамаулипаса, на северо-востоке Мексики (4000—2300 гг. до н. э.)¹⁸. В то же время остальные виды фасоли, такие, как *Phaseolus acutifolius*, *Phaseolus lunatus*, и ползучие бобы (*Phaseolus coccineus*) появляются в Техуакане сравнительно поздно: соответственно в 3000 г. до н. э., 1500±100 г. до н. э., 200 г. до н. э.¹⁹ Для сравнения укажем, что культивируемые черные бобы (*Phaseolus* sp.) представлены в соседней Оахаке уже с VII тысячелетия до н. э. (пещера Гила Накиц)²⁰.

Такая же картина наблюдается и с третьим важнейшим сельскохозяйственным растением доколумбовой Мезоамерики — тыквой. В Техуакане тыква типа *Cucurbita mixta* Rang встречается в слоях 5000 г. до н. э., тогда как в пещерных стоянках Тамаулипаса она же впервые отмечена лишь для 150 г. н. э. Мускатная тыква *Cucurbita moschata* Poig появляется в пещерных стоянках Техуакана в слоях этапа Кошкатлан (4900—3500 гг. до н. э.), а более поздние ее образцы представлены в Тамаулипасе (1850 г. до н. э.). Но в то же время тыква-горлянка (*Lagenaria siceraria*), как и *Cucurbita pepo* L., появляется в Тамаулипасе около 7000 г. до н. э., а в долине Техуакана не ранее 5000 г. до н. э.²¹

Таким образом, судя по вышеприведенным данным, в Мезоамерике не было единого центра происхождения всех основных культурных растений. Скорее можно говорить о существовании нескольких микроочагов, в каждом из которых появляется одно-два важных растения и ряд менее значительных. Среди этих микроочагов особое место занимает Центральная и Южная Мексика (Южная Пуэбла и Оахака), где были впервые domestцированы некоторые расы кукурузы (пре-Чепалоте и Наль-Тель) и различные виды фасоли и тыквы.

В целом можно считать, что Мезоамерика демонстрирует наиболее четкий, «классический» вариант становления производящего хозяйства на базе высокоразвитого специализированного собирательства. Этот вариант во многом совпадает с ближневосточным и может считаться (учитывая, конечно, столь важный момент, как отсутствие скотоводства в Мезоамерике) его аналогом в Новом Свете.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что переход к производящим формам экономики был обусловлен в Мезоамерике сочетанием ряда благоприятных факторов природного и социального порядка.

Зарождение и становление земледелия в горных районах Мексики и Гватемалы — процесс очень медленный и сложный, длившийся в абсолютных цифрах почти пять тысячелетий (VII — конец III тысячелетия до н. э.).

¹ Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972, с. 260.

² Массон В. М. Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии. — *Вопр. истории*, 1970, № 6, с. 82.

³ Вавилов Н. И. Проблема происхождения мирового земледелия. М.; Л., 1932, с. 5—6.

⁴ Mangelsdorf P. C., MacNeish R. S., Willey G. R. Origins of agriculture in Middle America. — *Handbook of Middle American Indians*. Austin, 1964, vol. 1, p. 428, 429.

⁵ MacNeish R. S. A summary of subsistence. — In: *The Prehistory of the Tehuacan Valley*, vol. 1: Environment and subsistence. Austin, 1967, p. 304, 305.

- ⁶ Flannery K. V. The vertebrate fauna and hunting patterns.— In: *The Prehistory of the Tehuacan Valley*. Austin, 1967, vol. 1, p. 144.
- ⁷ MacNeish R. S. A summary of subsistence..., p. 290.
- ⁸ MacNeish R. S. A summary of subsistence..., p. 304—305.
- ⁹ Flannery K. V. Archaeological systems theory and early Mesoamerica.— In: *Prehistoric Agriculture*. New York, 1971, p. 83.
- ¹⁰ Flannery K. V. Archaeological systems theory..., p. 83—85.
- ¹¹ Flannery K. V. Archaeological systems theory..., p. 91.
- ¹² Flannery K. V. Archaeological systems theory..., p. 86, 87.
- ¹³ MacNeish R. S. The evolution of community patterns in the Tehuacan Valley of Mexico and speculations about the cultural process.— In: *Man, Settlement and Urbanism*. London, 1972, p. 67—90.
- ¹⁴ MacNeish R. S. *Ancient Mesoamerican Civilization*.— Science. Washington, 1964, vol. 143, p. 531—537, fig. 4.
- ¹⁵ Постепенный рост удельного веса земледелия в экономике обитателей долины Техуакана с VII по II тысячелетие до н. э. наглядно виден из работы: MacNeish R. S. A summary of subsistence..., p. 293—294.
- ¹⁶ MacNeish R. S. Second annual report of the Tehuacan archaeological — botanical project.— Andover, 1962, p. 36.
- ¹⁷ Mangelsdorf P. S., MacNeish R. S., Galinat W. C. Prehistoric wild and cultivated maize.— In: *The Prehistory of the Tehuacan Valley*. Austin, 1967, vol. 1, p. 181.
- ¹⁸ Kaplan L. Archaeological Phaseolus from Tehuacan.— In: *The Prehistory of the Tehuacan Valley*, 1967, vol. 1, p. 205.
- ¹⁹ Kaplan L. *Archaeological Phaseolus*..., p. 208—210.
- ²⁰ Flannery K. V. and others. Farming systems and political growth in ancient Oaxaca.— In: *Prehistoric Agriculture*. New York, 1971, p. 170.
- ²¹ Culter H. C., Whitaker T. W. Cucurbits from the Tehuacan caves.— In: *The Prehistory of the Tehuacan Valley*, 1967, vol. 1, p. 212—216.

В. А. БАШИЛОВ

«НЕОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ДРЕВНЕМ ПЕРУ

60-е и 70-е годы XX в. значительно обогатили наши представления о становлении земледелия в двух основных экологических зонах Центральных Анд — на Тихоокеанском побережье Перу и в горной части этой страны. В пустынной прибрежной полосе, прорезанной долинами небольших сбегających с Анд рек, известны сейчас десятки памятников, связанных с процессом «неолитической революции». К сожалению, только некоторые из них в той или иной мере подвергались раскопкам¹. В горах, наоборот, подробно исследована лишь долина Аякучо в центральной части горного Перу, но зато исследование проведено здесь комплексно, со специальной ориентацией на изучение процесса становления земледелия². Работы значительно меньшего масштаба велись на севере горного Перу³.

Побережье Перу было заселено не позднее XII тысячелетия до н. э., но памятники этого времени (комплекс Пайхан, стоянки типа Чиватерос) изучены еще очень слабо⁴. Им на смену пришли стоянки охотников и собирателей, эксплуатировавших растительные и животные ресурсы «ломас» — мест конденсации атмосферной влаги — зимой и речных долин летом⁵. Хозяйственный комплекс этого времени состоял из охоты, собирания диких растений и моллюсков. Стоянки носят сезонный характер, но есть и круглогодичные поселения в местах, одинаково приближенных к сезонным источникам пищи.

Возделывание растений началось здесь с IV тысячелетия до н. э. в комплексах типа Чилька⁶ (тыква, фасоль). Основой хозяйства в это время были морское собирательство и рыболовство, дополняемые охотой и собиранием растений. Поселения этапа Чилька были уже круглогодичными.

С середины III тысячелетия до н. э. начинается новый этап развития (комплекс типа Уака Приета)⁷, связанный с увеличением роли морского промысла (рыболовство, в том числе и сетевое, морская охота,

собирательство прибрежных моллюсков) в хозяйстве населения. В эту эпоху здесь уже почти сложился основной комплекс культурных растений древнего Перу — несколько разновидностей фасоли, тыквы, фрукты, перец, хлопчатник. Не было только важнейшего из них — кукурузы, и возделывание растений играло роль вспомогательной отрасли хозяйства.

Комплексная экономика фазы Уака Приета привела к значительным достижениям в развитии культуры. Для этого времени характерно существование иерархии поселений, в том числе и огромных, площадью до 50 га (Эль-Параисо, Асперо и др.), с пирамидами, на которых стояли жилые многокомнатные постройки и святилища. Высокого развития достигло и искусство с иконографически выработанными образами кондоров, двухголовых змей, крабов и антропоморфных фигур, украшавших примитивные плетеные ткани, сосуды из тыквы и другие предметы⁸. Известны и женские статуэтки из необожженной глины.

Со второй четверти II тысячелетия до н. э. по побережью начинает распространяться кукуруза — самое продуктивное растение Нового

Таблица 1

Виды важнейших культурных растений Мезоамерики и Центральных Анд

Культура	Мезоамерика	Центральные Анды
Кукуруза <i>Zea Mays</i>	Pre-Chapalote Nal Tel	Confite Morocho Confite Chavinense Confite Puneño
Фасоль <i>Phaseolus</i>	<i>Ph. vulgaris</i> (С—31, С—33) <i>Ph. lunatus</i> (мелкосемянная) <i>Canavalia</i> spp. <i>Ph. acutifolius</i>	<i>Ph. vulgaris</i> <i>Ph. lunatus</i> (крупносемянная) <i>Canavalia</i> spp.
Тыква <i>Cucurbita</i>	<i>C. moschata</i> <i>Lagenaria siceraria</i> <i>C. mixta</i>	<i>C. moschata</i> <i>Lagenaria siceraria</i> <i>C. andreana</i> <i>C. ficifolia</i>
Хлопчатник <i>Gossipium</i>	<i>G. hirsutum</i>	<i>G. barbadense</i>

Света. Но существенные изменения в жизни прибрежного населения наступают лишь в конце II — начале I тысячелетий до н. э., когда здесь складываются раннеземледельческие культуры.

Горные районы Центральных Анд изучены еще явно недостаточно, но в долине Аякучо исследован целый ряд памятников, главным образом пещер и скальных навесов, где хорошо сохраняется органика. На основании этих материалов Р. Мак Нейшем прослежены основные этапы становления земледельческой экономики⁹.

Горы Центрального Перу были заселены еще в плейстоцене охотниками на гигантских ленивцев, лошадей и других ископаемых животных, а позднее и на представителей современной фауны — оленя, ламу и ряд мелких млекопитающих. Начало возделывания растений — тыквы, перца — относится здесь к середине VII тысячелетия до н. э. (фаза Хайва). Не позднее VI тысячелетия до н. э. в горах появляется домашняя фасоль. Видимо, в то же время начинается domestикация ламы и морской свинки. Но и возделывание растений и разведение животных еще не играли определяющей роли в экономике, остававшейся в своей основе охотничье-собирательской.

Полный комплекс культурных растений, включая кукурузу, складывается в горах лишь на рубеже V—IV тысячелетий до н. э. (фаза Чиуа), и только с этого момента начинается переориентация экономики на зем-

ледельческий путь развития. Но прошло еще полторы тысячи лет, пока земледелие стало основой хозяйства. Для этого времени (фаза Качи, вторая четверть III — начало II тысячелетия до н. э.) известны уже и большие открытые поселения.

Главнейшие культурные растения Нового Света — кукуруза, тыква, фасоль, перец, составлявшие основу пищевого комплекса, так же как и важнейшая техническая культура — хлопчатник, были в Центральных Андах схожи с комплексом культур Мезоамерики¹⁰. Именно поэтому долгое время предпринимались попытки определить единый центр происхождения этих растений. После открытий Р. Мак Нейша в Техуакане (мексиканский штат Пуэбла) сложилось впечатление, что именно Мезоамерика была центром их domestikации¹¹. Однако более точные ботанические определения показали, что большинство домашних растений обоих центров принадлежит к различным видам и разновидностям¹². Это обстоятельство подчеркивает независимый, самостоятельный характер центральноандийского земледелия (табл. 1).

Исследования в долине Аякучо ярко продемонстрировали первичность земледельческого очага в центральноперуанских горах. Отсутствие предков культурных растений на побережье и значительные хронологические расхождения с горным районом свидетельствуют о том, что прибрежный очаг носил ярко выраженный вторичный характер¹³. Вероятным, но археологически не изученным является и третий очаг земледелия — высокогорное Боливийское Альтиплано, где основными растениями были картофель и киноа.

Представляется, что для удобства исследования нужно различать «возделывание растений» как отрасль любого комплексного хозяйства и «земледелие», как основу экономики, дающую первобытному коллективу главный объем потребляемой пищи. Возделывание растений само по себе не говорит еще о переходе к производящему хозяйству, составляя только одну из предпосылок такого перехода.

Игнорирование различия этих двух стадий эксплуатации растительных ресурсов приводит к целому ряду неточностей в разработке периодизации исторического процесса «неолитической революции» и даже к полному отрицанию его революционного характера¹⁴. Главным аргументом противников «революции» является ее длительность. Главное возражение ее сторонников сводится к тому, что «то, что представляется долгим и медленным с позиций сегодняшнего дня, может получить совсем другую оценку, если рассматривать это явление с перспективой многотысячелетней истории палеолитической эпохи, насчитывающей в свете последних исследований едва ли не два миллиона лет»¹⁵. Однако дело не в ускорении темпов исторического прогресса, хотя его несомненно, нужно иметь в виду. Дело прежде всего в методологической правильности установления хронологических рамок изучаемого процесса. И в этом плане представляется принципиально неверным включать в эти рамки время формирования предпосылок перехода к производящему хозяйству.

«Неолитическая революция» обычно определяется как переход к экономике, где производящие отрасли хозяйства (земледелие и скотоводство) занимают ведущее место. Для осуществления такого перехода нужна совокупность трех групп предпосылок: а) природных, т. е. наличия подходящих растений и животных вместе с соответствующими климатическими и почвенными условиями; б) технологических — навыков возделывания растений, соответствующих орудий; в) социальных, например значительного демографического прессинга и потребности в связи с этим в изменении системы хозяйства.

Пример Перуанского побережья, когда возделывание растений долгое время, начиная с IV тысячелетия до н. э., существовало в условиях присваивающей экономики в качестве вспомогательной отрасли и переориентация на земледельческий путь развития произошла лишь после появления высокопродуктивной кукурузы, говорит о том, что исходным пунктом процесса «неолитической революции» нужно, по-видимому, счи-

тать момент сложения полного комплекса ее предпосылок. Конечный пункт процесса совпадает с появлением так называемых раннеземледельческих памятников, где земледелие и скотоводство уже стали основой хозяйства. Начало доместикации растений лишь исходный пункт сложения комплекса предпосылок «неолитической революции»¹⁶.

Выделение четких рубежей «неолитической революции» позволяет рассчитать ее протяженность во времени и поставить вопрос о сравнении темпов этого исторического процесса на побережье и в горной части Перу (табл. 2). Анализ показывает, что в первичном очаге он занимает исторически небольшой, всего в полторы тысячи лет, промежуток време-

Таблица 2

Темпы процесса «неолитической революции» в Центральном горном районе и на побережье Перу

Этап	Центральные горы	Разрыв во времени	Побережье
Земледелие стало основной экономики	Середина III тыс. до н.э.	1500 лет	Конец II — начало I тыс. до н.э.
Разрыв во времени	1500 лет	—	Менее 800 лет
Сложился комплекс важнейших пищевых растений	Конец V — начало VI тыс. до н.э.	2500 лет	Середина II тыс. до н.э.
Разрыв во времени	2500 лет	—	2500 лет
Началась доместикация растений	2-я половина VII тыс. до н.э.	2500 лет	Начало IV тыс. до н.э.

ни. Это выбивает почву из-под главного возражения против его революционного характера. Кроме того, из сравнения следует, что, хотя «неолитическая революция» на побережье проходила с большим хронологическим опозданием, скорость ее была вдвое выше, чем в горах. Такое расхождение в темпах процесса подчеркивает его вторичный характер в прибрежном районе.

Убыстренность «неолитической революции» на побережье объясняется еще и тем, что к моменту ее начала уровень развития населения здесь был уже очень высок. Такие культурные достижения конца III — начала II тысячелетия до н. э. (этап Уака Приета), как появление огромных поселений, развитой архитектуры, религиозных представлений, искусства позволяют ставить памятники этого времени на одну ступень с раннеземледельческими. А это говорит о прогрессивном историческом развитии на базе присваивающей экономики и даже о происхождении того же рубежа производительности труда, что и при классическом типе «неолитической революции»¹⁷.

¹ Engel F. Sites et établissement sans céramique de la côte péruvienne.— JSA, 1957, t. 46 (Fasc. 1); *Idem*. Early Sites on the Peruvian Coast.— Southwestern Journal of Anthropology. Albuquerque, 1957, vol. 13, N 1; *Idem*. El precerámico sin algodón en la Costa del Perú.— Actas y memorias del XXXV congreso internacional de americanistas 1962, México. México, 1964, t. 3; *Idem*. A Pre-ceramic Settlement on the Central Coast of Peru. Asia, Unit 1.— Transactions of the American Philosophical Society. Philadelphia, 1963, n. s., vol. 53, part 3; Lanning E. P. Las culturas precerámicas de la costa central del Perú.— RMN, 1964, vol. XXXIII; *Idem*. Peru before the Incas. New York, 1967; Patterson

Th. C., Lanning E. P. Changing Settlement Patterns on the Central Coast of Peru.— NP, 1964, 2; Patterson Th. C. Central Peru: its population and economy.— Archaeology, 1971, vol. 24, N 4; *Idem*. The emergence of food production in Central Peru.— In: Prehistoric Agriculture. New York, 1971; Cohen M. The Food Crisis in Prehistory. New Haven, 1977; *Idem*. Population pressure and the origins of agriculture: an archaeological example from the coast of Peru.— In: Advances in Andean Archaeology. The Hague, 1978; Березкин Ю. Е. Начало земледелия на перуанском побережье.— СА, 1969, № 1.

² MacNeish R. S. First Annual Report of the Ayacucho Archaeological — Botani-

- cal Project. Andover, Mass., 1969; *MacNeish R. S., Nelken-Tenner A., Garcia Cook A.* Second Annual Report of the Ayacucho Archaeological-Botanical Project. Andover, Mass., 1970; *MacNeish R. S., Patterson Th. C., Browman D. L.* The Central Peruvian Prehistoric Interaction Sphere.—Papers of the Robert S. Peabody Foundation for Archaeology, Andover, Mass., 1975, vol. 7.
- ³ *Lynch Th. F.* Preceramic transhumance in the Callejon de Huaylas, Peru.— *Am. Ant.*, 1971, vol. 36, N 2; *Kaplan L., Lynch Th. F., Smith C. E.* Early cultivated beans (*Phaseolus vulgaris*) from an intermontane peruvian valley. *Science*, 1973, vol. 179, N 4068; *Lynch Th. F.* Guitarrero Cave. Early Man in the Andes. New York; Toronto; Sydney; San Francisco, 1980.
- ⁴ *Ossa P., Moseley M. E.* La Cumbre: A Preliminary Report on Research into the Early Lithic Occupation of the Moché Valley, Perú.— *NP*, 1971, 9; *Chauchat C.* The Paijan Complex, Pampa de Cupisnique. Peru.— *NP*, 1975, 13; *Idem.* Additional Observations on the Paijan Complex.— *NP*, 1978, 16; *Patterson Th. C.* Early Cultural Remains on the Central Coast of Peru.— *NP*, 1966, 4; *Fung Pineda R., Cenzano Z. C. F., Zavaleta A.* El taller lítico de Chivateros, valle de Chillón.— *RMN*, 1972, t. XXXVIII.
- ⁵ *Engel F.* New facts about pre-columbian life in the Andean lomas. *Current Anthropology*, 1973, vol. 14, N 3; *Lanning E. P.* A preagricultural occupation on the Central coast of Peru.— *Am. Ant.*, 1963, vol. 28, N 3.
- ⁶ *Березкин Ю. Е.* Начало земледелия..., с. 3—5.
- ⁷ Там же, с. 5—9.
- ⁸ *Engel F.* Le complexe précéramique d'el Paraiso (Pérou).— *JSA*, 1967, t. 55; *Bird J.* Pre-ceramic Art from Huaca Prieta.— *NP*, 1963, 1; *Moseley M. E., Willey G. R.* Aspero, Peru: A reexamination of the site and its implications.— *Am. Ant.*, 1973, vol. 38, N 4.
- ⁹ *MacNeish a. o.* Second Annual Report..., p. 31—42; *MacNeish a. o.* The Central Peruvian..., p. 8, 9. В трех последовательных публикациях результатов работ в Аякучо (см. сноску 2) даны три различные шкалы абсолютной хронологии, заметно отличающиеся друг от друга. Я пользуюсь датами второго отсчета, как лучше всего совпадающими с радиуглеродными датировками.
- ¹⁰ *Башилов В. А.* Появление культурных растений в древнейших земледельческих центрах Америки.— *Лат. Америка*, 1980, № 5.
- ¹¹ См., например: *Башилов В. А.* Связи древних цивилизаций Нового Света.— В кн.: *Археология Старого и Нового Света*. М., 1966, с. 275—279.
- ¹² О важности именно подробных, с точностью до разновидности, определений культурных растений см.: *Pickersgill B.* Cultivated plants as evidence for cultural contacts.— *Am. Ant.*, 1972, vol. 37, N 1.
- ¹³ О соотношении горного и прибрежного земледельческих очагов в Центральных Андах см.: *Башилов В. А.* Появление производящего хозяйства в Центральных Андах.— В кн.: *Археология Старого и Нового Света*. М., 1982.
- ¹⁴ *MacNeish R. S.* Ancient Mesoamerican Civilization.— *Science*, 1964, vol. 143, N 3606; *Idem.* The origin of American Agriculture.— *Antiquity*, Cambridge, England, 1965, vol. 39, N 154.
- ¹⁵ *Массон В. М.* Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии.— *Вопр. истории*, 1970, № 6, с. 74.
- ¹⁶ *Башилов В. А.* Общие закономерности и специфика «неолитической революции» в Перу.— В кн.: *Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна*. Новосибирск, 1979, с. 107—108.
- ¹⁷ Там же, с. 108—109; *Moseley M. E.* The Maritime Foundations of Andean Civilization. Menlo Park, Cal. 1975.

ОБЩАЯ ДИСКУССИЯ

Н. Я. МЕРПЕРТ

ПРОБЛЕМЫ РЕШЕННЫЕ И НЕРЕШЕННЫЕ

Совещание было полезным, так как в общем плане проблемы «неолитической революции» рассматриваются редко. В книгах, например в монографии К. Ламберг-Карловского и Д. Саблова, иногда сопоставляются два наиболее известных региона Старого и Нового Света, и на этой основе делается ряд заключений об общих закономерностях. Между тем и в Старом и в Новом свете этот процесс неоднозначен и имеет конкретную специфику. Нужно брать для сравнения не отдельные примеры, а все известные случаи данного явления.

На нашем совещании были затронуты почти все регионы, кроме Юго-Восточной Азии, по которой у нас в институте нет специалистов. А материалы, полученные там в последнее время, очень важны. В Юго-Восточной Азии сейчас работают археологи разных стран. Поразительно интересная информация о предпосылках, ходе «неолитической революции» и ее последствиях в этом регионе была представлена на симпозиуме в Дании в 1979 г. Новые данные говорят о том, что начало возделывания риса не уступает по древности пшенично-ячменному комплексу Переднего Востока, поскольку упорядоченное собирательство, непосредственно предшествовавшее началу земледелия, датируется здесь по новым материалам IX тысячелетием до н. э. (район Токио). Сходную картину ранней доместикации дает Таиланд (работы Ч. Гормона) и район Кантона в Китае (работы В. Г. Пирсона). Если до сих пор мы знали раннеземледельческие памятники только в Центральном Китае (культура Яншао), то теперь и на юго-востоке страны открыты древности, аналогичные Яншао, но совершенно самостоятельные. Здесь можно говорить о VI—V тысячелетиях до н. э.

Вторая лакуна в работе нашего совещания — Египет. До сих пор ведутся споры о наличии здесь докерамического неолита и усложненного собирательства. Сейчас в Суданской Нубии найдены очень интересные и важные материалы, заставляющие пересмотреть наше негативное отношение к Абиссинскому центру происхождения земледелия по Н. И. Вавилову. Видимо, придется вернуться к выводу о существовании этого центра. Что касается Нижнего Египта, то здесь пока нет подтверждения существования биологического фона «неолитической революции».

Теперь вопрос о термине «неолитическая революция». Высказывались различные, подчас диаметрально противоположные точки зрения, например, об энеолитическом возрасте этого события. Однако явной тенденцией всех материалов последнего времени является его удревление, а не омоложение. Определение зерновых остатков из Телль Магзалии показывает, что утверждение Р. Брейдвуда и Г. Хельбека о том, что в Джармо был пойман переход от диких злаков к domestцированным, должно быть пересмотрено, если не отвергнуто. То же самое и с зерновыми остатками из других памятников. Так что о хронологическом сдвиге в сторону омоложения «неолитической революции» речи быть не может.

Иногда предлагают говорить о «мезолитической революции», но думаю, что в мезолите только закладываются предпосылки этого явления. Основное звено процесса все-таки приходится на неолит. Кроме того, нужно учитывать и его последствия — ту «неолитизацию», которая была хорошо показана в докладе В. С. Титова на примере Европы. Эта «неолитизация» проявляется прежде всего в сфере экономики, в распространении новых экономических явлений за пределы первичного центра.

Самый острый вопрос — термин «революция». Аргументы в пользу революционного характера перехода к производящему хозяйству наиболее развернуто изложены В. М. Массоном, хотя он и не является здесь пионером. Выдвигаемая иногда точка зрения об эволюционном характере этого перехода обедняет наши представления об историческом процессе. В данном случае количественные изменения переходят в качественные. Это вполне согласуется с основными положениями диалектики. Главный аргумент противников термина «революция» — длительность процесса, но он не выдерживает критики. Необходимо учитывать общие темпы исторического развития и не сравнивать хронологически социальные перевороты нашего времени с экономическими переворотами глубочайшей древности. Термин «неолитическая революция» равноправен с такими терминами, как «промышленная» и «научно-техническая революция».

В. С. ТИТОВ

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О «НЕОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Наша дискуссия принесла определенную пользу. Она показала, сколько еще имеется больших и нерешенных проблем, связанных с изучением «неолитической революции» в нескольких центрах земного шара. Очень хорошо, что мы можем рассматривать и изучать эти проблемы в нашем институте. Во многих странах специалисты-археологи замкнуты на изучении древностей своей страны и даже не считают нужным рассматривать археологические явления в широком, глобальном масштабе. Наша попытка сопоставить между собой процессы, протекавшие в четырех важнейших земледельческих очагах мира, сама по себе очень полезна и важна. Однако напоминаю, что территория нашей страны находится вне этих очагов и только в одном из них работает Советская археологическая экспедиция, занимающаяся именно этой проблемой. К сожалению, другие важные очаги древнего земледелия остаются вне раскопной деятельности советских археологов и наши специалисты не могут познакомиться с соответствующими материалами из первых рук.

В настоящее время, видимо, следует изменить сам характер подхода к изучению «неолитической революции». От чисто спекулятивного умозрительного подхода к явлениям пора перейти к конкретно-историческому исследованию процесса и особенностей «неолитической революции». Закончился тот этап науки, когда из-за отсутствия конкретных фактов археологи рассуждали отвлеченно-теоретически. Современное состояние науки, значительное накопление материалов, отчасти благодаря помощи биологов, показывают, что время абстрактных моделей «неолитической революции» прошло.

Но конкретно-историческое изучение хода «неолитической революции» еще находится, по сути, в начальной стадии. Например, что мы знаем о ходе «неолитической революции» в ее древнейшем, Передневносточном центре, об исторических событиях X—VII тысячелетий до н. э.? Оказывается, очень мало. Мы почти не знаем археологических культур этого времени, их ареалов, антропологической характеристики их носителей.

Неизвестно, все ли археологические культуры X—VII тысячелетий стали переходить к производящему хозяйству (в Передневозточном центре), был ли этот переход одновременным или нет, каковы были основные тенденции в развитии культур, каковы их взаимоотношения, существовали ли миграции населения. Антропологи, например, отмечают негроидное влияние при формировании евроафриканского типа населения, который мы встречаем у носителей культур с производящим хозяйством в Восточном Средиземноморье в VII—VI тысячелетиях. Однако мы отнюдь не знаем, какие исторические явления, какие события стоят за этим.

На нашем совещании вспоминали и критиковали периодизацию «неолитической революции», предложенную в свое время Р. Брейдвудом и воспринятую другими археологами. Мне представляется, что она сохраняет свое значение, а другой, более удачной пока нет. «Неолитическая революция» — это не только возникновение новой экономики, производящего хозяйства, но истоки происхождения того комплекса признаков, который определяет весь период неолита в целом и который включает, помимо земледелия и животноводства, еще и изготовление орудий труда путем шлифовки, прочную оседлость, искусственно построенные жилища — собственно, все то, что входит в понятие «сельский, или деревенский, образ жизни». Период, когда появляются отдельные признаки или части этого комплекса, и есть формативная стадия Р. Брейдвуда. Время, когда сложение комплекса закончилось и он появляется перед нами в разных местах в более или менее сложившемся виде, — это вторая стадия по Брейдвуду, вторая ступень «неолитической революции».

Материалы Ближнего Востока в отличие от Мезоамерики не дают, к сожалению, возможности судить о том, что являлось основой экономики в тот или иной период развития производящего хозяйства, в той или иной культуре. Тем не менее можно утверждать, что в то время, когда первые земледельцы выходят за пределы первичного очага, у них уже преобладает или господствует земледелие или содержание скота. Охота играет подчиненную роль, а иногда почти отсутствует; собирательство еще сохраняется. Но количественное соотношение этих отраслей в хозяйстве, видимо, никогда не удастся определить,

В связи с проблемой темпов «неолитической революции» мне хочется привести некоторые данные биологов. Для того чтобы в строении костей животных появились изменения, отражающие процесс доместикиции, нужны 30 поколений. Это эквивалентно приблизительно 60 годам для мелкого рогатого скота и свиньи и приблизительно 180 годам для крупного рогатого скота (по Ш. Бёкёньи). Для растений этот же период оценивается в 150—300 лет. Такие отрезки времени практически неуловимы для X—VII тысячелетий. Поэтому столь трудно поймать археологически переходные звенья между присваивающим и производящим хозяйством в центрах возникновения этого последнего.

Несомненно важна проблема социальной организации населения на ступени «неолитической революции». В этой связи несколько слов о размерах раннеземледельческих поселений, которые позволяют судить о величине оставивших их коллективов. В Месопотамии размеры поселений колеблются от 1 до 2,5 га для VI тысячелетия, в Эгейе — от 0,4 до до 0,8 га и реже доходят до 1 га, на Балканах — в среднем 0,5 га, иногда до 1 га. Затем в Месопотамии за два тысячелетия они увеличиваются десятки раз, в Эгейе — в полтора раза за три тысячелетия. Если пересчитать размеры поселений в численность населения, в них обитавшего, что, естественно, можно сделать лишь очень приблизительно, то окажется, что в древнейших сельских поселениях уже живет 150—200 человек. Для некоторых этнографов коллектив в 150 человек с 40 мужчинами в их числе — это критическая величина, выше которой племенная организация общества уже невозможна. Другие специалисты называют 250 человек в одном племени. Могут ли археологи на основе сопоставления этих чисел утверждать, что на каждом поселении на заре неолита живет одно племя?!

Но какое объяснение можно дать тому явлению, что еще до конца «неолитической революции», до массового распространения сельских поселений вышеуказанных размеров уже существуют такие обширные поселения, как патуфийское Айн Маллаха (Эйпан), число обитателей которого определяется в 200—300 человек, неолитический Иерихон площадью около 4 га, где жило население не менее 1 тыс. человек, а по другим подсчетам — 2—3 тыс. обитателей, построивших стены и башню для укрепления своего поселения. Далее вспомним Рас-Шамру времени VII—VI тысячелетий, достигавшую тех же размеров и также укрепленную стенами, Чейоню Тепеси, где в конце VIII тысячелетия существовало общественное здание площадью около 100 кв. м, роскошно отделанное, и Чатал Гуйюк с его площадью 13 га и населением 5—6 тыс. человек. Напомню, что все эти поселения относятся еще к формативной стадии Р. Брейдвуда, ко времени, предшествующему завершению «неолитической революции». Нигде в этих поселениях неолит как таковой еще полностью не сложился, и речь идет о докерамическом неолите. Как все это объяснить? Почему возникают столь огромные поселения, и какие социальные явления стоят за ними? Какие социальные отношения связывают их обитателей? Во многом аналогичные, но в менее крупных масштабах, явления наблюдались, по-видимому, накануне появления производящей экономики в районе Железных ворот на Дунае. К проблеме уровня социального развития населения в период «неолитической революции» еще необходимо вернуться и рассмотреть ее специально.

Не могу согласиться с В. А. Башиловым по вопросу о «прибавочном» или избыточном продукте. Действительно, возникновение производящего хозяйства создает возможность для получения избыточного продукта, но именно лишь как возможность, путем расширения посевов, введения севооборота, улучшения содержания скота и т. д. Это лишь одно из отдаленных следствий «неолитической революции» даже в том случае, если такая возможность и реализовывалась. По крайней мере в неолите мы встречаем свидетельства скорее обратного явления: не было не только избыточного продукта, но даже и необходимого. Скелеты некоторых обитателей неолитических деревень Европы показывают ясные следы периодических голодовок, и это вполне понятно, если мы вспомним, что голодные годы выпадали и совсем недавно, уже в XX в., при гораздо более совершенной технологии обработки почвы, чем в неолите. Поэтому неудивительно, что некоторые племена собирателей могли получать больше продукта, чем ранние земледельцы, и даже избыточный продукт. Но собиратели не могли увеличивать свой продукт по своему желанию. Поэтому производящие виды хозяйства и рассматриваются как прогрессивные по сравнению с предшествующими в историческом и частично хронологическом плане собирательством, охотой и рыболовством.

В. А. БАШИЛОВ

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ АСПЕКТЫ «НЕОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В докладе Н. Я. Мерперта было дано общее представление о современном состоянии исследования «неолитической революции» на Ближнем Востоке. Он правильно отметил некоторую умозрительность ряда построений, особенно у американских исследователей. Это не случайно, так как построение моделей, опирающихся на общие теоретические положения с последующей проверкой на фактах — один из принципов «новой археологии» резко, по крайней мере в США, порвавшей с археологией традиционной. Сам по себе этот принцип вполне приемлем, и едва ли нужно полностью отказываться от построения моделей, как это предла-

гает В. С. Титов. Но дело в том, что в практике американских археологов это очень часто приводит к чисто логическим схемам, оторванным от фактического материала, и широкие выводы зачастую базируются на крайней незначительных исходных данных.

То, что на нашем совещании представлены материалы четырех наиболее изученных регионов «неолитической революции», несомненно является его позитивной стороной. Теперь ясно, что имеются по крайней мере две группы центров — первичные и вторичные. Гипотеза В. М. Массона о трех моделях «неолитической революции» не подтверждается фактами. Она построена с нарушением методического требования единства критериев при классификации явлений. Практически у нас рассмотрены пять центров, поскольку в горном и прибрежном Перу существовали самостоятельные очаги производящего хозяйства. Горное Перу, как первичный центр, можно сопоставлять с Мезоамерикой и Передним Востоком, а побережье Перу — центр вторичный — с Европой. Интересно, что если между первичными центрами намечается ряд общих черт, то вторичные гораздо больше отличаются друг от друга. Так, в Европе «неолитическая революция» осуществилась относительно внезапно и связана со значительной миграцией населения, чего не наблюдается на Перуанском побережье. Иначе говоря, во вторичных очагах гораздо ярче и отчетливее проявляется историческое своеобразие, связанное с конкретными условиями тех или иных регионов.

Не могу согласиться с тем, что мы не можем выделять какие-либо рубежи в развитии процесса «неолитической революции». На передневосточных материалах это сделать труднее ввиду плохой сохранности органических остатков. Американские же материалы дают гораздо больше информации по этому вопросу. Именно их и нужно анализировать в первую очередь, а затем попытаться приложить полученные результаты в процессах, проходившим в Старом Свете. Я не согласен с тем, что началом «неолитической революции» нужно считать появление первых domesticированных растений, как это получается, если принять периодизацию Р. Брейдвуда. По перуанским материалам представляется, что не начало возделывания растений было началом «неолитической революции». Она началась тогда, когда в распоряжении населения побережья оказался полный набор основных пищевых растений, т. е. исходным пунктом процесса был момент сложения всей совокупности его предпосылок, и в первую очередь пищевого комплекса.

Такой подход значительно облегчает и решение вопроса о длительности «неолитической революции», которая для некоторых исследователей служит предлогом для отрицания революционного характера этого процесса. Если в качестве отправной точки брать появление domesticированных растений, то весь процесс как в Старом, так и в Новом Свете действительно растягивается на многие тысячелетия. Но при этом в «неолитическую революцию» включается и период сложения ее же предпосылок, что методологически неверно. Если же принять за начало момент, когда завершилось сложение комплекса предпосылок, то весь процесс значительно сокращается во времени. На побережье Перу переход к земледелию при этом укладывается примерно в 800 лет. Такая быстротечность, видимо, является одной из характерных сторон вторичных центров. Естественно, что любые теоретические построения такого рода требуют очень серьезного фактического обоснования.

Несколько слов об определении «неолитической революции» и по проблемам общего порядка. В докладе Л. В. Кольцова был хорошо показан переход к неолиту на севере Европы и тот значительный прогресс, которого достигает в определенных условиях присваивающая экономика. Это полностью согласуется с данными по Перуанскому побережью и по всем регионам так называемого приморского типа адаптации, одним из которых является это побережье. Собранные в докладе Л. В. Кольцова материалы показывают, что эти же закономерности прослеживаются и вдали от моря, в глубине лесной зоны Евразии, которая до сих пор представ-

ляется в плане палеоэкономическом единым, медленно эволюционирующим массивом.

Вышеизложенное позволяет по-новому взглянуть и на определение «неолитической революции». Обычно этим термином называется переход от присваивающего к производящему хозяйству. Видимо, это генеральный путь развития. Но внутренняя, политэкономическая сущность этого переворота — появление стабильного прибавочного продукта. Я считаю неправильным распространявшийся в последнее время термин «избыточный продукт», поскольку прибавочным продуктом называется та часть общественного продукта, которая создается производителем сверх необходимого. Этот термин не зависит от того, отчуждается данная часть продукта или нет.

Пример Перуанского побережья и лесной зоны Европы показывает, что в ряде случаев прибавочный продукт появляется и в рамках присваивающего хозяйства, т. е. «присваивающая» и «производящая» — это только типы экономики, а отнюдь не последовательные ступени ее развития. В развитии древней экономики существенно ее деление не столько на присваивающую и производящую, сколько на ту, которая обеспечивает в своем годичном цикле создание лишь необходимого продукта, и дающую стабильный прибавочный продукт. Между этими ступенями развития и лежит «неолитическая революция».

Переход от присваивающего хозяйства к производящему — генеральный, но не единственный путь развития. Появление стабильного прибавочного продукта возможно в рамках присваивающего типа экономики так же, как в определенных условиях возможно и земледелие, лишь обеспечивающее жизнедеятельность коллектива, но не дающее стабильного прибавочного продукта. Наиболее ярким примером достижения высоких ступеней развития в рамках присваивающей экономики являются индейцы северо-западного побережья Северной Америки, занимавшиеся в основном рыболовством и вплотную подошедшие к созданию классового общества. Если принять предлагаемую гипотезу, то станет возможным выделить в море лесных культур Евразии различные по уровню развития ступени, центры и их периферию, а общая историческая картина лесного неолита станет гораздо более конкретной и динамичной. Но сейчас еще археология не располагает критериями, по которым можно было бы выделять общества, прошедшие рубеж «неолитической революции» в рамках присваивающей экономики. Разработка таких критериев не ведется, а она совершенно необходима.

Л. В. КОЛЬЦОВ

О СПЕЦИФИКЕ «НЕОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ

Представляется, что мы очень мало и поверхностно занимаемся палеоэкономикой лесной зоны. Существуют основные центры «неолитической революции» в форме перехода от присваивающего к производящему хозяйству и существует периферия, где «неолитическая революция» произошла на уровне присваивающего хозяйства. Общим моментом этого события является появление прибавочного продукта. Форма его получения — явление более конкретное. В нашей лесной полосе был невозможен переход к производящему хозяйству. Человек в эпоху перехода от мезолита к неолиту был здесь не в состоянии бороться с природной средой, с тем обилием леса, которое здесь существовало. Палеогеографические исследования показывают, что лесной покров был здесь сплошным. Пыльцевые спектры дают 95% пыльцы лесных растений. Вопрос о том, в ка-

ких формах и по каким путям происходит переход к неолиту, остается практически неразработанным. Следует подумать над тем, какими могут быть критерии для выявления изменений в присваивающей экономике, ведущих к неолиту. Мне кажется, что одним из таких критериев может быть переход к оседлости и увеличение размеров поселений, т. е. переход к деревенской форме поселений. Мы можем смело говорить, что в нашем лесном неолите такая форма поселений уже есть. Как правило, на раскопанных полностью неолитических поселениях существует не одно, а несколько жилищ, и часто очень крупных. Они могут вмещать не одну малую семью. Скорее всего, это большая семья. А если на поселении располагается несколько больших семей, то можно говорить о крупном производственном коллективе.

В лесной зоне для того, чтобы уловить рубеж «неолитической революции», нужно заняться предпосылками, которые существуют еще в мезолите. И здесь необходимо рассматривать несколько типов явлений — экологию, технологические признаки, включая весь хозяйственный комплекс, и социальные моменты.

В. И. ГУЛЯЕВ

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Наше совещание показало, что затронутые на нем проблемы весьма важны и представляют большой теоретический интерес. Возможно, стоило несколько ограничить круг обсуждаемых проблем, но мы, начиная свою работу, вообще не знали, как все это в конечном виде получится. В качестве пробного, рекогносцировочного мероприятия совещание себя вполне оправдало. В дальнейшем, когда мы продолжим работу по этой теме, можно будет сузить проблематику, в частности разобрать вопросы о социальных отношениях в эпоху «неолитической революции», о ее предпосылках и т. д.

Ценно уже то, что мы в рамках нашего института имеем возможность заглянуть на четыре континента и посмотреть, как протекали там сходные исторические процессы. Если мы вернемся к этой теме, то можно будет привлечь и других специалистов, например по Юго-Восточной Азии. Этим в Институте этнографии занимается Я. В. Чеснов. Но я не думаю, что такие очаги, как Суданско-Эфиопский или Юго-Восточная Азия, очень изменят нам общую картину. Тем не менее нужно стремиться к максимальному географическому охвату.

Вопросы социальные там, где археология прямо «стыкуется» с этнографией, нужно обязательно разрабатывать. Лучше всего при этом использовать американские материалы, где в отличие от Старого Света есть возможность проверить наши археологические выводы на этнографическом материале; причем его привлечение не требует специального методического обоснования, как при работе с материалами Старого Света. Примером того, как это необходимо, является монография Р. Адамса и Х. Ниссена «Uruk countryside», где в качестве аналогий для выводов по шумерским древностям необоснованно привлекаются данные такой специфической этнической группы, как «болотные арабы». В Старом Свете проблема привлечения этнографических параллелей крайне трудна прежде всего из-за громадного хронологического разрыва между сопоставляемыми моделями. В американских же материалах мы имеем возможность найти этнографические параллели для любой ступени развития, начиная от мезолита, и это делается достаточно обоснованно и надежно.

Безусловно, что явление приморской адаптации, когда присваивающее хозяйство дает в ряде случаев прибавочный продукт и способствует прогрессивному развитию общества вплоть до довольно высоких ступе-

ней, чрезвычайно интересно. Но ведь пока это четко зафиксировано лишь в трех случаях, причем в основном в бассейне Тихого океана, где неисчерпаемые океанские ресурсы позволяли в течение сотен и даже тысяч лет получать прибавочный продукт. В лесной зоне, вероятно, только климатические колебания в достаточной мере воздействовали на изменения в экономике. Показательно и то, что генеральный путь развития — это переход к производящему хозяйству, и не случайно, что ни в одном из очагов приморского типа адаптации так и не возникла цивилизация. Темпы развития там замедлены. Но вопрос о случаях появления прибавочного продукта в присваивающей экономике безусловно заслуживает внимания, и задача состоит в том, чтобы накопить побольше фактов и разобраться в этих проблемах.

Теперь я хочу коснуться некоторых общих закономерностей, характерных для первичных очагов «неолитической революции», в частности для Мезоамерики и Ближнего Востока. Представляется, что сохранили свое значение выводы Н. И. Вавилова и тех ученых, которые считают, что главная предпосылка появления земледелия — экологическая, что и в Старом и в Новом Свете эти процессы происходят в определенных природных условиях — в горных районах с теплым субтропическим климатом, где произрастали злаковые, был наиболее интенсивен процесс видообразования растений и где были наиболее благоприятные условия для жизни человека. Если мы взглянем на коллективы, где это происходило, в культурном плане, то найдем там тоже очень много общего. Это прежде всего те коллективы, у которых большую роль играло собирательство, а охота и другие виды хозяйственной деятельности носили очень специализированный и дифференцированный характер и где весь уклад жизни регулировался сезонными циклами. Показательно, что комплекс оседлости с ранних времен складывался именно в таких районах. Там на небольших по территории пространствах с разнообразными в зависимости от высоты природно-климатическими условиями человек мог, переходя на небольшие расстояния, максимально использовать все доступные природные ресурсы в разных «микрizonaх» в разное время года.

Что касается других проявлений «неолитической революции» — сложения производящего хозяйства, то в Мезоамерике оно состояло в переходе только к земледелию, поскольку домашних животных там не было. Комплекс оседлости прослеживается хорошо. К рубежу III—II тысячелетий до н. э. в Мезоамерике и в VII тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке появляются постоянные поселения.

На совещании не затрагивались вопросы идеологии. Но это специальная проблема, и она тоже может стать одним из направлений дальнейшего обсуждения, так как это очень интересная и важная сфера исследований, неплохо обеспеченная материалом.

УКАЗАТЕЛЬ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР
ВЫПУСКИ 171—179
(содержание)

Выпуск 171

Славяно-русская археология

Статьи

- В. В. Седов.* IV Международный конгресс славянской археологии (Современное состояние археологической славистики)
А. В. Куза. О происхождении древнерусских городов (история изучения)
А. В. Фомин. Начало распространения куфических монет в районе Балтики
А. А. Александров. Полусферические курганы с сожжениями на Псковщине
Е. А. Рябинин. Об одной субстратной погребальной традиции в древнерусских курганах
В. Я. Конецкий, Е. Н. Носов. Юрьевский жальник и некоторые вопросы формирования древнерусских погребальных памятников Новгородской земли
Ф. Д. Гуревич. Внешние связи древнерусских городов Понеманья
А. В. Чернецов. К изучению лицевого летописания
Г. М. Штендер, В. М. Ковалева. О формировании древнего архитектурного облика собора Антониева монастыря в Новгороде

Публикации

- Е. А. Горюнов.* Славянское поселение середины I тыс. н. э. у с. Песчаное Белгородской области
Ю. Ю. Моргунов. Два городища XI—XII вв. по р. Ромен в Посулье
В. П. Петренко. Городище на реке Лаве
Г. Ф. Соловьева. Славянские курганы у с. Ботвиновка Гомельской области
Н. А. Макаров. Средневековый могильник в Попово на Коргополье
А. Р. Артемьев. Копья из раскопок в Изборске
О. В. Овсянников, А. А. Пескова. Замки и ключи из раскопок Изяславля
В. И. Матвеева. Горн для обжига посуды на поселении у с. Каменное
Т. В. Сергина. Поливной сосуд с изображением воинства из Пскова

Хроника

- Г. Е. Афанасьев, Н. А. Макаров.* Работа сектора славяно-русской археологии в 1979—1980 гг.
С. В. Белецкий. Семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли»

Выпуск 172

Археология и архитектура

Статьи

- П. А. Раппопорт.* Архитектура древней Руси и археология
Л. А. Беляев. Архитектурная археология домонгольской Руси за последние двадцать лет
Г. К. Вагнер. Функциональный аспект в интерпретации архитектурно-археологических фрагментов
Г. А. Пугаченкова. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии
В. И. Марковин. Заметки об ингушской архитектуре
О. М. Иоаннисян. Центрические постройки в галицком зодчестве XII в.
А. Л. Якобсон. О периодизации ранне-средневековой архитектуры в Болгарии (V—VI вв.)
А. Н. Щеглов. Об определении высоты построек по развалам сырцовых стен

Публикации

- К. К. Марченко, Я. В. Доманский.* Древнейшее общественное сооружение в Нижнем Побужье
И. Р. Мозыгыч. Результаты исследования церкви Пантелеимоны близ Галича
О. Г. Гусев, О. М. Иоаннисян, Н. К. Стеценко. Исследование Никольского собора в Старой Ладоге
С. П. Михайлов. Исследование собора Иоанна Предтечи в Пскове
П. А. Раппопорт. Церковь Пантелеймона в Новгороде
Н. Б. Селиванова. Опыт петрографического изучения строительных растворов построек Новогрудского детинца
Е. Ю. Медникова. К вопросу о качестве извести в древнерусских строительных растворах
В. А. Тюленев. Оборонительный комплекс Кариэпортти Выборгской крепости
О. В. Овсянников. Укрепленные усадьбы XIV—XV вв. как памятники оборонного зодчества Русского Севера
М. И. Мильчик, Г. М. Штендер. Об истолковании гражданских построек на планах Олонца конца XVII — начала XVIII в.

Статьи

- Н. Н. Гурина.* Некоторые итоги изучения мезолита и неолита в СССР
М. В. Аникович. К проблеме синхронизации некоторых позднепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района
В. Я. Сергин. Назначение больших ям на палеолитических поселениях
В. А. Алексин. Об абсолютной и относительной хронологии днепровских мезолитических могильников
Р. В. Козырева. Типы поселений эпохи неолита — раннего металла на территории лесной полосы Европейской части СССР
А. К. Филиппов. О бивне из Кирилловской позднепалеолитической стоянки

Полевые исследования

- З. А. Абрамова.* Палеолитическая стоянка Тарачиха на Енисее
В. Е. Щелинский. Новые местонахождения мустьерского времени близ г. Сочи
Г. В. Григорьева. Позднепалеолитические памятники с геометрическими микролитами на Русской равнине
Т. Н. Щербакова. Методика сбора материала на палеолитических памятниках с разрушенным культурным слоем
Л. М. Тарасов. Маслока — палеолитическая стоянка на р. Воронеж
Г. А. Азиян, В. П. Любин. Обсидиановый бифас из Армении
Г. М. Левковская. О собирательстве и антропогенных изменениях растительности в мустье
С. А. Василюв. Глиняная палеолитическая статуэтка из Майнинской стоянки
М. В. Константинов, В. Б. Сумароков, А. К. Филиппов, Н. М. Ермолова. Древнейшая скульптура Сибири
Л. Я. Крижевская. Курочкино 3 — новый памятник каменного века в восточно-европейском лесостепье
И. В. Гаврилова. Некоторые итоги раскопок Федоровского поселения
В. П. Третьяков. Некоторые неолитические стоянки верхнеднепровской культуры на Смоленщине
Н. Ф. Лисицын. Мезолитическая стоянка Куртак-2 на Енисее
В. И. Тимофеев. Керамика неолитического поселения Утино болото I
Ю. С. Гришин. О хронологическом соотношении сетчатой и шнуровой керамики Забайкалья

Хроника

- М. В. Аникович, Г. В. Григорьева.* О работе сектора палеолита в 1980—1981 гг.
Г. Н. Матюшин. Пятое Всесоюзное совещание по изучению четвертичного периода

Статьи

- Б. Н. Федоров.* Дорическая архитектура Херсонеса Таврического IV—III вв. до н. э.
И. Б. Брашинский. К проблеме локализации группы амфор с так называемыми «стаканообразными» доньями
Т. В. Мирошина. Греческие головные украшения Северного Причерноморья
И. В. Яценко. Винодельня на поселении «Чайка»
И. А. Фролова. Монеты Савромата IV (275 г. н. э.).

Публикации

- Г. К. Шамба.* Погребение VI в. до н. э. близ Сухуми
К. К. Марченко, Я. В. Доманский. Культурный зольник на поселении Куцуруб I
Т. И. Костромичева, Н. А. Алексеенко. Клад херсонесских монет IV—II вв. до н. э.
И. Т. Кругликова. Херсонесская усадьба на неделе 10
А. Г. Авдеев, Б. Г. Петерс. Клейма на амфорах из поселения у с. Мысовое
А. С. Голенцов. Граффити из Керкинитиды
С. Ю. Сапрыкин. Граффити и метки на сосудах из херсонесских усадеб
В. А. Горончаровский. Сосуд из сельской усадьбы близ Мирмекия
Т. Г. Шавырина. Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г.
Б. С. Мосейчук. Агкосов вал
О. Н. Усачева. Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеф
Н. А. Онайко. Погребение война у пос. Мысхако
В. С. Щербакова. Геммы с изображением Гермеса из херсонесских находок
А. А. Масленников, О. Д. Чевелев. Охраняемые раскопки на Ново-Николаевском городище
И. Г. Шургая. Изображения всадника и коня из Илурата
Т. М. Арсенева. Раскопки Танаиса в 1977—1980 гг.
Н. Н. Грандмезон. Неопубликованные монеты античного Херсонеса
Э. Я. Николаева. Пифосы Ильичевского городища (V—VI вв. н. э.)
М. Ю. Трейстер. Результаты спектрального анализа бронзовых украшений из Горгиппии
Памяти В. Д. Блаватского

Выпуск 175

Средневековая археология
Восточной Европы

Статьи

- В. В. Седов.* Финно-угорская археология в 1970—1981 гг. (эпоха средневековья)
А. А. Александров. О следах язычества на Псковщине
Н. А. Макаров. Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района

- М. В. Степанов.* К вопросу о методе построения архитектурной формы древнерусскими зодчими
- Е. А. Рябинин.* О развитии погребального обряда на северо-западе Новгородской земли
- Р. Ф. Воронина.* Парные захоронения среднеинской мордвы VIII—XI вв.
- Ф. Д. Гуревич.* Погребальные памятники жителей Новогрудка (конец X—70-е годы XIII в.)
- Н. В. Хвоцинская.* К вопросу о древних захоронениях воды

Полевые исследования

- Г. М. Буров.* Луки и деревянные стрелы V—VI вв. н. э. с поселения Вис II в Привычегодье
- О. А. Щеглова, И. А. Бажан.* Поселения Курочкин-3 и Картамышево-3 на верхнем Псле
- А. В. Григорьев.* Поселение у села Горбово
- Ю. Ю. Моргунов.* Древнерусские городища течения р. Ромен
- А. В. Трусов.* Могильник Облачинская дюна
- З. М. Сергеева.* Курганы у озера Лисно
- Ю. В. Кухаренко.* Видиборские курганы
- П. Г. Гайдуков.* Изображения на новгородских пулах
- М. Д. Полубояринова.* Две костяные печати из Болгара
- В. А. Булкин, О. В. Овсянников.* О двух памятниках каменной архитектуры конца XVII—начала XVIII в. в Нижнем Подвинье

Хроника

- К. В. Павлова.* Сектор славяно-финской археологии в 1978—1981 гг.

Выпуск 176

Средняя Азия и Кавказ

Статьи

- В. И. Марковин.* К вопросу о социально-экономической интерпретации древностей Кавказа
- К. Х. Кушнарера.* К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы на Южном Кавказе
- Э. С. Шарафутдинова.* Новые материалы по эпохе энеолита и бронзового века в степном Прикубанье
- В. А. Алексин.* Погребения с оружием в древнеземледельческих обществах
- Ю. Н. Воронов.* Кавказские дуговидные фибулы раннежелезной эпохи
- М. П. Абрамова.* О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джунгатского могильника
- И. Т. Кругликова.* Обол кушанца «Герая» из Дильберджина
- В. Б. Ковалевская.* Антропоморфные амулеты VI—IX вв. на Северном Кавказе
- Ю. А. Заднепровский.* Основные этапы истории Ошского оазиса
- В. И. Распопова.* Вопросы исторической интерпретации жилища древнего Пенджикента

Полевые исследования

- В. И. Тимофеев.* Памятники каменного века Центральной Ферганы
- Л. Б. Кирчо.* Раскопки слоев ранней бронзы на Алтын-депе в 1979—1980 гг.
- Г. Н. Бестужев, А. Д. Резепкин.* Новые находки из гробницы у станицы Новособорной
- И. Кореневский.* О металле эпохи бронзы эшерских дольменов
- В. А. Трифонов.* Две группы катакомбных погребений на Среднем Бейсуге
- А. Е. Симолян.* Исследования могильника эпохи бронзы Верин Навер
- А. М. Мандельштам.* О «впускных» погребениях в курганах эпохи бронзы Закаспия
- И. Н. Хлопин, Л. И. Хлопина.* Второй сезон раскопок могильника Пархай II
- Г. А. Брыкина.* Новый могильник в юго-западной Фергане

Выпуск 177

Неолит и бронза на территории СССР

Статьи

- В. И. Марковин.* Новейшие вопросы изучения дольменов Западного Кавказа в связи с проблемой их происхождения
- С. Н. Кореневский.* О металле Балымского клада
- Р. С. Базаутдинов.* Применение огня в погребальном ритуале ямной и полтавкнской культур Поволжья
- Г. Б. Зданович.* К вопросу об андроновской культурно-историческом единстве
- С. В. Ошибкина.* О находках сейминского времени в Восточном Прионежье
- Ю. С. Гришин.* О дворцовой культуре в Восточном Забайкалье

Полевые исследования

- Д. А. Крайнов.* Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш II
- Е. Л. Костылева.* Остатки раннеэнеолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II
- А. В. Уткин.* Костяные изделия со стоянок Берендеево IV и VIII
- О. С. Гадзяцкая.* Стоянки на р. Лух
- М. П. Зимица.* Могильник на стоянке «Репище»
- А. Е. Кравцов, А. Н. Сорокин.* Зооморфная скульптурка со стоянки Григорово I
- Ю. А. Морозов, Б. Г. Тихонов.* Неолитические памятники в низовье р. Белой
- В. Ф. Зайберт, О. И. Мартынюк.* Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай
- В. Л. Державин.* Погребения в каменных ящиках средней бронзы в степном Предкавказье
- А. В. Куйбышев, П. Ю. Черноуситов.* Курганные погребения эпохи бронзы в Ногайской степи

Хроника

- Ю. А. Краснов.* Работа сектора новоэнеолитических и хозяйственных экспедиций Института археологии АН СССР в 1978—1981 гг.
- Б. Г. Тихонов.* О работе сектора неолита и бронзы в 1981—1982 гг.

Статьи и публикации

- Н. Л. Членова.* Иранские прототипы «скифских оленей»
- Т. М. Кузнецова.* Анахарсис и Скил
- Т. Б. Барцева.* Металлы скифского времени из районов Днепровского лесостепного Правобережья
- В. С. Патрушев.* Булавки Старшего Ахмыловского и Аозинского могильников
- Н. А. Кренке.* Раскопки Дьякова городища в 1981 г.
- В. П. Данильченко.* Остеологический материал Селецкого городища
- В. П. Буданова.* Этническая структура государства Германариха
- Л. В. Вакуленко, О. М. Приходнюк.* Роль черняховской культуры в формировании раннесредневековых древностей Среднего Поднестровья
- И. С. Винокур.* Черняховская культура лесостепной полосы Правобережной Украины и ее традиции в раннесредневековых славянских древностях
- А. И. Журко.* К вопросу об углубленных жилищах черняховской культуры
- Д. Н. Козак.* Поселение у с. Великая Слобода (к вопросу о памятниках вельбарской культуры на Волини и в Подолии)
- Б. В. Магомедов.* Черняховские памятники причерноморского типа
- Е. В. Махно.* К вопросу о времени существования и судьбе черняховской культуры
- А. Т. Смиленко.* Особенности памятников черняховской культуры степного Поднестровья
- Э. А. Сымонович.* Развитие культуры черняховских племен Левобережья Днепра (по материалам лепной керамики)
- Р. В. Терпиловский.* О характере контактов киевской и черняховской культур
- Б. А. Тимощук.* Черняховская культура и древности культуры карпатских курганов (по материалам Черновицкой обл.)
- Хроника*
- И. С. Винокур.* Симпозиум «Позднейшие судьбы черняховской культуры»

Славянская археология

Статьи

- А. В. Куза.* Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X—XIII вв.
- Е. Н. Носов.* К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов
- И. П. Русанова, Б. А. Тимощук.* Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой области
- А. Е. Леонтьев.* Поселения мери и славян на оз. Неро
- В. В. Седов.* Предметы древнерусского происхождения в Финляндии и Карелии
- И. В. Хвоцинская.* Новые данные о мужской одежде населения западных окраин Новгородской земли
- Е. А. Рябинин.* Городища Водской земли
- Ф. Д. Гуревич.* Застройка новгородского детинца в XII—XIII вв.
- П. А. Раппопорт.* Из истории киево-черниговского зодчества XII в.
- В. Д. Белецкий.* О печатях псковских посадников
- П. Г. Гайдуков.* Псковские пулы
- Л. Г. Паничева.* Хронология белорусских изразцов XIV—XVII вв.

Полевые исследования

- П. Д. Малыгин.* Раскопки на Нижнем городище в Торжке
- И. В. Исланова.* Археологические памятники конца I — начала II тысячелетия н. э. при слиянии рек Полоуха и Поповка
- Х. И. Крис, А. К. Стачюкович.* Раннесредневековая Брашева
- С. П. Михайлов.* Новые средневековые находки из Гдова

Хроника

- Н. А. Макаров.* Сектор славяно-русской археологии в 1981 и 1982 гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
ВДИ — Вестник древней истории
ВСН — Вестник сельскохозяйственной науки
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАИ — Известия на Археологический институт
ИАК — Известия Археологической комиссии
КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
AAAS — *Les annales archéologiques Arabes Syriennes*. Damas
Am. Ant.— American Antiquity
AP — *Archeologia Polski*
AR — *Archéologicke Rozhledy, Praha*
AZR — Arid Zone Research
CAH — *The Cambridge Ancient History*
JNES — *Journal of Near Eastern Studies*
JSA — *Journal de la Société des Americanistes de Paris*. Paris
MASI — *Memoirs of the Archaeological Survey of India*
MDAFA — *Memoires de Délégation archéologique française en Afganistan*.
NP — *Ñawpa Pacha*. Berkeley.
PAN — *Polska Akademia Naukowa*
Trans. — *Transactions of the Royal Philosophical Society*. London
Phil. R. Soc.—
PPS — *Proceedings of the Prehistoric Society*
RMN — *Revista del Museo Nacional*. Lima
ScAm — *Scientific American*
SAOC — *Studies in Ancient Civilization*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (В. И. Гуляев)	3
Зарубежные экспедиции ИА АН СССР	
Н. Я. Мерперт. Болгаро-Советская экспедиция по изучению памятников энеолита и бронзового века	5
С. А. Плетнева. Работа Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в СССР и Болгарии (1975—1982 гг.)	11
В. С. Титов. Совместные исследования советских и венгерских археологов в Венгрии	19
Е. Н. Симонова. Некоторые аналогии находкам из аварских могильников Топонар и Фесерлак в Венгрии	28
В. Ф. Старков, О. В. Овсянников. Русские памятники XVIII в. на архипелаге Шпицберген	31
Р. М. Мунчаев. Некоторые проблемы археологии Месопотамии в свете новейших исследований (из итогов работ Советской экспедиции в Ираке)	38
И. Т. Кругликова. Десять лет работы Советско-Афганской экспедиции	45
Материалы Совещания про проблемам «неолитической революции»	
Н. Я. Мерперт. «Неолитическая революция» на Ближнем Востоке (некоторые моменты разработки проблемы в зарубежной науке)	53
Н. О. Бадер. Первоначальное становление земледелия и скотоводства в Северной Месопотамии	60
<u>Г. Н. Лисицына</u> . Проблемы становления производящих форм хозяйства в свете новейших палеоэтноботанических исследований в Передней Азии	63
В. С. Титов. Некоторые проблемы возникновения и распространения производящего хозяйства в Юго-Восточной Европе и на юге Средней Европы	71
Л. В. Кольцов. Некоторые аспекты мезолитической экономики лесной зоны Европы	79
В. И. Гуляев. Становление производящего хозяйства в доколумбовой Мезоамерике	85
В. А. Башилов. «Неолитическая революция» в древнем Перу	91
Общая дискуссия	
Н. Я. Мерперт. Проблемы решенные и нерешенные	96
В. С. Титов. Несколько замечаний о «неолитической революции»	97
В. А. Башилов. Некоторые общие аспекты «неолитической революции»	99
Л. В. Кольцов. О специфике «неолитической революции» в лесной зоне	101
В. И. Гуляев. Подводя итоги	102
Указатель. Краткие сообщения Института археологии АН СССР, выпуски 171—179 (содержание)	104
Список сокращений	108

Проблема зарубежной археологии
КСИА, вып. 180

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор М. Л. Анучина
Корректор Т. С. Козлова

ИБ № 28481

Сдано в набор 16.05.84. Подписано к печати 5.07.84.
Т-14606 Формат 70×108^{1/16} Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная Печать высокая
Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 10,5. Усл. кр. отг. 10,0.
Тираж 1550 экз. Тип. зак. 219. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10